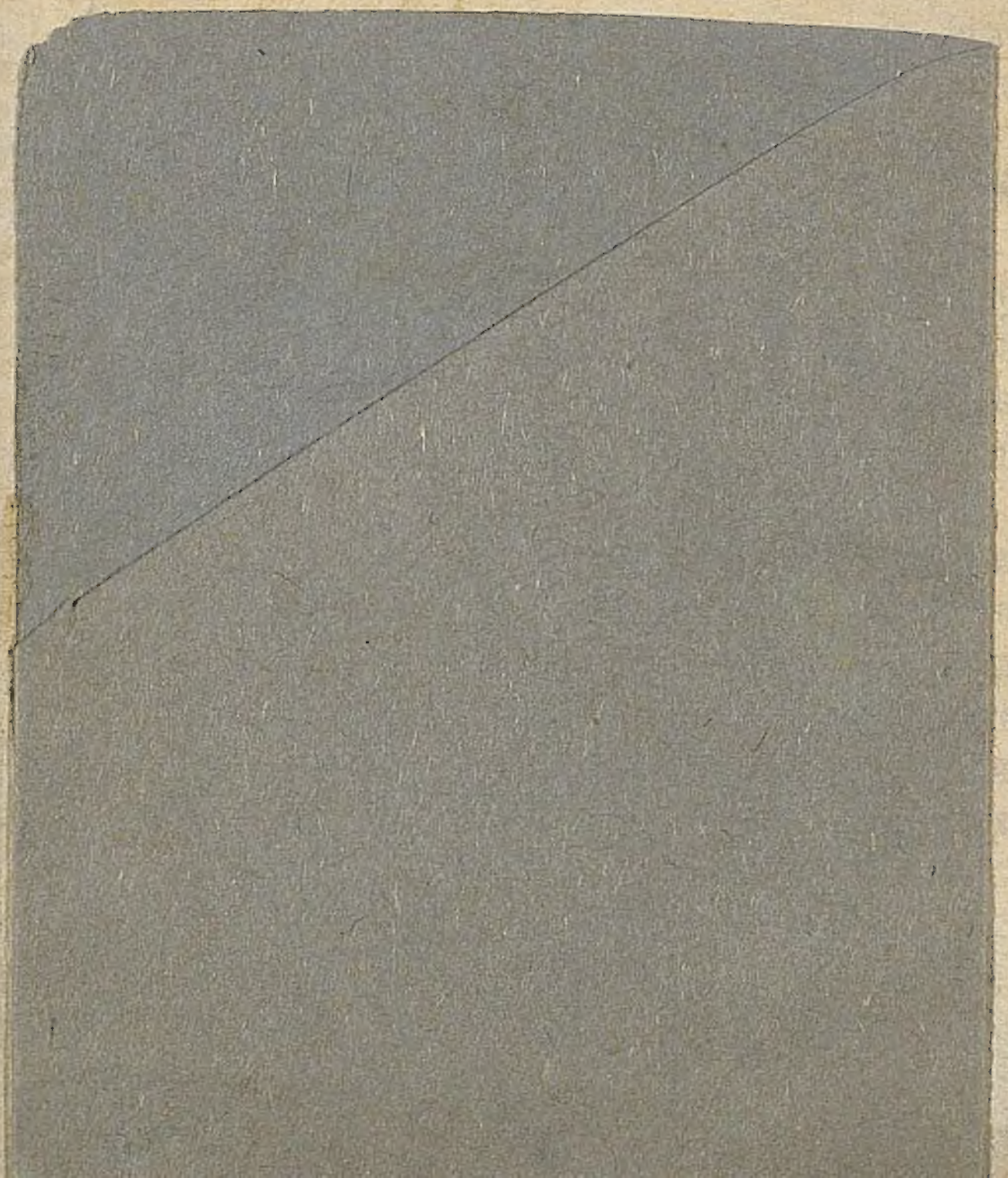
9(c)
C167



№ 466

№ 977 / III 74

№ 406
9(с)
С-167
ЭК
49673
49 г.

ПРАВИТЕЛИ РУССКОЙ ЗЕМЛИ

отъ ея начала до нашихъ дней.

(Краткія историческія жизнеописанія).

Составилъ А. Н. Сальниковъ.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ

одобрено Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія для ученическихъ библіотекъ, младшаго возраста среднихъ учебныхъ заведеній и для ученическихъ и учительскихъ библіотекъ низшихъ учебныхъ заведеній.

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ИЗДАНІЕ В. И. ГУБИНСКАГО.
1906.

9(c)1

Типографія П. Ф. Вощинской. Спб., Ярославска

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Цѣль, которую я преслѣдовалъ при составленіи настоящей книги, какъ видно изъ заглавія, заключалась въ томъ, чтобы въ рядѣ краткихъ „жизнеописаній“ выдающихся русскихъ князей, государей и императоровъ—дать цѣльный очеркъ отечественной исторіи, приноровленный къ умственному развитію и понятіямъ учениковъ младшаго возраста. Не представляя оригинальнаго научнаго изслѣдованія, книга моя является трудомъ по преимуществу компилятивнаго характера: данныя для нея я заимствовалъ изъ различныхъ историческихъ и другихъ источниковъ. Считаю необходимымъ замѣтить, что при выборѣ и группировкѣ матеріала я старался сдѣлать свое изложеніе, по возможности, простымъ, яснымъ и вполнѣ отвѣчающимъ цѣли, для которой предназначена книга. Пользуясь тѣмъ или другимъ пособіемъ и приводя мѣстами, въ видахъ оживленія разсказа, дословныя выдержки изъ цитируемыхъ сочиненій, я вездѣ обозначилъ, въ скобкахъ, фамилію автора, изъ труда котораго взята выдержка. Къ числу важнѣйшихъ пособій, бывшихъ у меня подъ рукой, принадлежатъ: „Исторія государства россійскаго“ Карамзина, „Исторія Россіи съ древнѣйшихъ временъ“ Соловьева, „Русская исторія въ жизнеописаніяхъ“ Костомарова, „Русская исторія“ Иловайскаго, „Исторія царствованія

Петра Великаго“ Устрялова, „Исторія войны Россіи съ Франціей въ 1799 г.“ Милютина, „Исторія отечественной войны 1812 г.“ Богдановича, „Исторія царствованія императора Александра I“ — его-же, „Повѣствованія о народныхъ добродѣтеляхъ россіянъ древнихъ и новыхъ временъ“ С. Глинки и друг. Въ заключеніе позволю себѣ обратить вниманіе на слѣдующее: разбивъ текстъ книги на отдѣльныя рубрики и не нарушая послѣдовательности и внутренней связи въ разсказѣ, я имѣлъ въ виду—облегчить учащемуся усвоеніе историческихъ событій, которыя при такомъ способѣ изложенія гораздо легче запечатлѣваются въ памяти. На сколько я въ этомъ успѣлъ—судить, конечно, не мнѣ.

А. Сальниковъ.

Рюрикъ (862—879 г.).

Начало русскаго государства. Первые князья. Рюрикъ, первый правитель Русской земли, былъ родомъ *варягъ* и притомъ княжескаго происхожденія. Варягами назывались норманны—народы, обитавшіе въ сѣверо-западной части Европы, преимущественно же на Скандинавскомъ полуостровѣ. Было время, когда они брали дань съ сѣверныхъ славянъ (*кривичей*) и ихъ сосѣдей—финновъ; но покоренныя племена, нежелая быть въ зависимости отъ чужеземцевъ, прогнали ихъ потомъ общими силами за море и стали жить и управляться по своему. Это, впрочемъ, продолжалось недолго: между славянами, которые, какъ извѣстно, состояли изъ множества отдѣльныхъ родовъ или большихъ семей, управлявшихся *старѣйшинами*, — стали происходить раздоры; родъ шелъ противъ рода; уничтожить эти распри и неудовольствія не было возможности, до тѣхъ поръ, пока славяне не порѣшили между собою, для порядка и безопасности, выбрать правителя изъ чужой земли. Существуетъ преданіе, что къ такому рѣшенію они пришли по совѣту одного изъ новгородскихъ старшинъ, по имени Гостомысла.

Порѣшивъ выбрать себѣ князя, славяне отправили въ 862 году пословъ къ варяжскому племени *русь* и поручили имъ сказать иноземцамъ: „земля наша велика и обильна, но порядка въ ней нѣтъ; приходите княжить и владѣть нами“. Три норманскихъ князя, родные братья, Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ, приняли это предложеніе и вмѣстѣ со своими дружинами пришли въ славянскую землю. Старшій, Рюрикъ, сталъ кня-

жить въ Новгородѣ, Синеусъ поселился на Бѣлоозерѣ, въ области финскаго племени *весь*, а Труворъ, — въ Изборскѣ. По имени этихъ князей варяго-руссовъ и земля наша стала съ тѣхъ поръ называться *Русью*.

Два года спустя младшіе братья умерли, и Рюрикъ одинъ сталъ владѣть всею Новгородскою областью, въ которой княжилъ еще пятнадцать лѣтъ, присоединивъ къ ней нѣсколько сосѣднихъ племенъ. Онъ умеръ въ 879 году, вручивъ правленіе родственнику своему Олегу.

Память о Рюрикѣ, какъ первомъ правителѣ Русской земли, положившемъ основаніе величайшему и могущественнѣйшему государству во всемъ мірѣ,—будетъ безсмертна въ русскомъ народѣ.

Олегъ (879—912 г.).

Завоеванія Олега. Взятіе Кіева. Олегъ, родной братъ жены Рюрика и опекунъ его малолѣтняго сына Игоря, прославился военными побѣдами, а своимъ благоразумiемъ и мудростью снискалъ къ себѣ любовь подданныхъ. Направившись къ югу, въ Днѣпровскую область, онъ первымъ дѣломъ завладѣлъ Смоленскомъ, который сдался ему безъ сопротивленія; затѣмъ, взявъ Любечъ, древній городъ на Днѣпрѣ, двинулся къ Кіеву, которымъ въ то время владѣли два храбрыхъ витязя, Аскольдъ и Диръ, пришедшіе въ славянскую землю съ дружиною Рюрика. Не зная, какъ велики военныя силы Аскольда и Дира, Олегъ не захотѣлъ подвергать свою дружину опасности и, вмѣсто того, чтобы открыто выступить въ сраженіи,—прибѣгъ къ слѣдующей хитрости для завладѣнія Кіевомъ. Оставивъ позади себя всю главную рать, онъ взялъ съ собою юнаго Игоря и съ небольшой дружиною, которая была скрыта въ лодкахъ, подошелъ къ городу. Затѣмъ,ославъ къ Аскольду и Диру, онъ велѣлъ объявить имъ, что варяжскіе купцы, отправляющіеся въ Грецію, желали бы повидаться съ ними, какъ съ соотечественниками.

Не подозрѣвая обмана, Аскольдъ и Диръ немедленно явились на зовъ, но тутъ войны Олега выскочили изъ лодокъ и окружили пришедшихъ витязей.—„Вы не князья и не княжескаго рода“, сказалъ тогда Олегъ:—„но я князь!“... и, указавъ на маленькаго Игоря, прибавилъ:—„а вотъ сынъ Рюрика!“... Аскольдъ и Диръ были убиты и погребены на одномъ сосѣднемъ холмѣ. Кіевскіе жители до сихъ поръ указываютъ это мѣсто—на крутомъ берегу Днѣпра.

Покоренный Кіевъ съ его красивымъ мѣстоположеніемъ и многоводною, судоходною рѣкою такъ понравился Олегу, что онъ рѣшилъ навсегда остаться въ немъ и назвалъ этотъ городъ *матерью городовъ русскихъ*. Не много спустя, Олегъ подчинилъ себѣ независимыя славянскія племена: *древлянъ*, жившихъ въ лѣсахъ по берегамъ рѣки Припети, *сѣверянъ*—на востокъ отъ Днѣпра и сосѣднихъ съ ними *радимичей*. Послѣднія два племени платили дань *казарамъ*, многочисленному кочевому народу, обитавшему въ степяхъ юго-восточной Россіи; по завоеваніи же ихъ земель Олегомъ, они согласились ту же дань платить и русскому князю, а именно — по одной мелкой монетѣ, называвшейся *щлягомъ*, съ каждой сохи.

Походъ Олега на Царьградъ. Торговые договоры съ греками. Не довольствуясь данью славянскихъ племенъ, Олегъ рѣшился идти на столицу Греческой имперіи, Царьградъ, гдѣ въ то время былъ императоромъ Левъ VI, по прозванію Философъ—человѣкъ, мало заботившійся о безопасности своего государства, крайне суевѣрный и слабохарактерный. Узнавъ о приближеніи войскъ Олега, Левъ VI, велѣлъ только заградить цѣпью городскую гавань, оставивъ богатыя византійскія окрестности безъ всякой защиты. Неудивительно, что Олегъ разорилъ ихъ и истребилъ все, что только попадалось ему на пути въ греческую столицу: россіяне жгли церкви, грабили селенія, истязали плѣнниковъ и даже бросали ихъ живыхъ въ море. Устрашенные тѣмъ, что и самому городу предстоитъ такая же участь, греки предложили большую дань Олегу, состоявшую изъ золота, шелковыхъ тканей (паволокъ), винъ и другихъ това-

ровъ. Воинственный князь согласился на миръ, но при этомъ отправилъ къ императору Льву VI пословъ для заключенія съ нимъ слѣдующаго договора:

I. „Греки даютъ по 12 гривенъ на человѣка, сверхъ того *уклады* *) на города: Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Полтескъ **), Ростовъ, Любечъ и другіе, гдѣ властвуютъ князья подданные Олега".

II. „Послы, отправляемые княземъ русскимъ въ Царьградъ, будутъ тамъ всѣмъ довольствованы изъ казны императорской. Русскимъ гостямъ или торговымъ людямъ, которые пріѣдутъ въ Грецію, императоръ обязанъ на шесть мѣсяцевъ давать хлѣба, вина, мяса, рыбы и плодовъ; они имѣютъ также свободный входъ въ народныя бани и получаютъ на возвратный путь съѣстные припасы, якоря, снасти, паруса и все нужное". (Карамзинъ).

Условія же, которыя предложили съ своей стороны греки, заключались въ слѣдующемъ:

I. „Россіяне, которые будутъ въ Константинополѣ не для торговли, не имѣютъ права требовать мѣсячнаго содержанія".

II. „Да запретитъ князь посламъ своимъ дѣлать жителямъ обиду въ областяхъ и въ селахъ греческихъ".

III. „Россіяне могутъ жить только у св. Мамы ***) и должны увѣдомлять о своемъ прибытіи городское начальство, которое запишетъ ихъ имена и выдастъ имъ мѣсячное содержаніе: кіевскимъ, черниговскимъ, переяславскимъ и другимъ гражданамъ. Они будутъ входить только въ однѣ ворота городскія съ императорскимъ приставомъ, безоружные и не болѣе пятидесяти человѣкъ вдругъ; могутъ торговать свободно въ Константинополѣ и не платя никакой пошлины". (Карамзинъ).

По заключеніи этого мира, представлявшаго большія выгоды для русскихъ, Олегъ, въ знакъ побѣды надъ греками, прибилъ свой щитъ на воротахъ Константинополя и возвратился въ Кіевъ. Народъ, удивленный

*) Укладами называлась дань, налоги.
**) Полоцкъ.
***) Монастырь—между городскими стѣнами и Босфоромъ.

его воинскими подвигами, прозвалъ его *вѣщимъ*, т. е. мудрымъ или чародѣемъ. Для того, чтобы окончательно утвердить миръ, заключенный съ византійскимъ императоромъ, Олегъ отправилъ въ Царьградъ пословъ, которые должны были склонить грековъ къ скрѣпленію новаго, болѣе подробнаго договора, и притомъ не *словеснаго*, а уже письменнаго. Вотъ этотъ договоръ:

I. „Первымъ словомъ: да *умиримся* съ вами, греки, да любимъ другъ друга отъ всея души и не дадимъ никому изъ сущихъ подъ рукою нашихъ свѣтлыхъ князей обижать васъ; но потщимся, сколь можемъ, всегда и непреложно соблюдать сію дружбу! Также и вы, греки, да храните всегда любовь *неподвижную* къ нашимъ свѣтлымъ князьямъ русскимъ и всѣмъ сущимъ подъ рукою свѣтлаго Олега. Въ случаѣ же преступленія и вины, да поступаемъ тако:

II. „Вина доказывается свидѣтельствами; а когда нѣтъ свидѣтелей, то не истецъ, но отвѣтчикъ присягаетъ—и каждый да клянется по вѣрѣ своей“.

III. „Русинъ ли убьетъ христіанина или христіанинъ русина — да умретъ на мѣстѣ злодѣянія. Когда убійца *домовитъ* и скроется, то его имѣніе отдать ближнему родственнику убитаго; но жена убійцы не лишается своей законной части. Когда же преступникъ уйдетъ, не оставивъ имѣнія, то считается подъ судомъ, доколѣ найдутъ его и казнятъ смертію“.

IV. „Кто ударитъ другого мечемъ или какимъ сосудомъ—да заплатитъ пять литръ серебра по закону русскому; неимовитый же да заплатитъ что можетъ; да сниметъ съ себя и самую одежду, въ которой ходитъ, и да клянется по вѣрѣ своей, что ни ближніе, ни друзья не хотятъ его выкупить изъ вины: тогда увольняется отъ дальнѣйшаго взысканія“.

V. „Когда русинъ украдетъ что-либо у христіанина или христіанинъ у русина, и пойманный на воровствѣ захочетъ сопротивляться, то хозяинъ украденной вещи можетъ убить его, не подвергаясь взысканію, и возьметъ свое обратно; но долженъ только связать вора, который безъ сопротивленія отдается ему въ руки. Если русинъ или христіанинъ, подъ видомъ обыска, войдетъ въ чей домъ и силою возьметъ тамъ чужое, вмѣсто своего,—да заплатитъ втрое“.

VI. „Когда вѣтромъ выкинетъ греческую ладью на землю чуждую, гдѣ случимся мы, русь, то будемъ охранять оную вмѣстѣ съ ея грузомъ, отправимъ въ землю греческую и проводимъ сквозь всякое *страшное* мѣсто до *безстрашнаго*. Когда же ей нельзя возвратиться въ отечество за бурею или другими препятствіями, то поможемъ гребцамъ и доведемъ ладью до ближней пристани русской. Товары и все, что будетъ въ спасенной нами ладьѣ, да продается свободно; и когда пойдутъ въ Грецію наши послы къ царю или гости для купли—они съ честію приведутъ туда ладью и въ цѣлости отдадутъ, что выручено за ея товары. Если же кто изъ русскихъ убьетъ человѣка на сей ладьѣ, или что нибудь украдетъ, да пріиметъ виновный казнь вышеозначенную".

VII. „Ежели найдутся въ Греціи между купленными невольниками россіяне или въ Руси греки, то ихъ освободить и взять за нихъ чего они купцамъ стоили, или настоящую, извѣстную цѣну невольниковъ; плѣнные также да будутъ возвращены въ отечество, и за каждаго да внесется окупу 20 *златыхъ*. Но русскіе воины, которые изъ чести придутъ служить царю, могутъ, буде захотятъ сами, остаться въ землѣ греческой".

VIII. „Ежели невольникъ русскій уйдетъ, будетъ украденъ или отнятъ подъ видомъ купли, то хозяинъ можетъ вездѣ искать и взять его; а кто противится обыску, считается виновнымъ".

IX. „Когда русинъ, служащій царю христіанскому, умретъ въ Греціи, не распорядивъ своего наслѣдства, и родныхъ съ нимъ не будетъ, то прислать его имѣніе въ Русь, къ *милымъ ближнимъ*; а когда сдѣлаетъ распоряженіе, то отдать имѣніе наслѣднику, означенному въ духовной".

X. „Ежели между купцами и другими людьми русскими въ Греціи будутъ виновные, и ежели потребуютъ ихъ въ отечество для наказанія, то царь христіанскій долженъ отправить сихъ преступниковъ въ Русь, хотя бы они и не хотѣли туда возвратиться. Да поступаютъ такъ и русскіе въ отношеніи къ грекамъ".

„Для вѣрнаго исполненія сихъ условій между нами, русью, и греками, велѣли мы написать оныя киноварью на двухъ хартіяхъ. Царь греческій скрѣпилъ ихъ своею рукою, клялся святымъ крестомъ, Нераздѣльною Животворящею Троицею

единаго Бога, и далъ хартію нашей свѣтлости; а мы, послы русскіе, дали ему другую и клялися по закону своему, за себя и за всѣхъ русскихъ, исполнять утвержденныя главы мира и любви между нами, русью, и греками". (Карамзинъ).

Договоръ былъ написанъ на двухъ языкахъ: на славянскомъ и греческомъ. Послы Олега были одѣлены императоромъ дорогими подарками (золотомъ, тканями) и съ почетомъ отпущены въ Кіевъ.

Смерть Олега. Доживъ до глубокой старости, Олегъ, какъ говоритъ преданіе, умеръ отъ любимаго имъ коня, въ черепѣ котораго таилась змѣя, ужалившая князя. Смерть его, по преданію, предсказалъ ему кудесникъ, то есть колдунъ.

Смерть Олега произвела сильное впечатлѣніе на его подданныхъ: *народъ* (по словамъ лѣтописца) *стенялъ и проливалъ слезы* о любимомъ князѣ-воинѣ, который, за время тридцати-трехлѣтняго княженія, прославилъ свое имя далеко за предѣлами Русской земли. Тѣло его погребено на одномъ изъ холмовъ кіевскихъ. Мѣсто это называлось *Ольговою могилою*.

Игорь (912–945 г.).

Походы на грековъ. Игорь, племянникъ Олега по матери, почти во все время своего княженія, а именно до 941 года, находился въ дружественныхъ отношеніяхъ съ греками и строго соблюдалъ условія договора, заключеннаго съ ними „вѣщимъ" княземъ. Но незадолго до смерти, желая прославить себя, подобно дядѣ своему, какимъ-нибудь выдающимся событіемъ, которое бы на всегда осталось въ памяти народной,—онъ собралъ большое войско, спустился съ 10,000 судовъ по Днѣпру въ Черное море и напалъ на Византію. Походъ этотъ, впрочемъ, оказался неудачнымъ: большая часть флота Игоря была уничтожена такъ называемымъ *греческимъ огнемъ* (горѣвшимъ на водѣ), который россіяне приняли

за небесную молнію, снизошедшую на помощь непріятелю. Не смотря на неудачу, Игорь два года спустя рѣшился предпринять вторичный походъ противъ грековъ, въ которомъ ему помогали призванные изъ-за моря варяги и дикіе печенѣги, въ качествѣ наемниковъ. Бывшій въ то время византійскимъ императоромъ Романъ Лакапинъ, во избѣжаніе новой войны, отправилъ для переговоровъ пословъ къ Игорю, которые, встрѣтивъ его близь дунайскаго устья, предложили ему дань въ томъ размѣрѣ, въ какомъ греки платили Олегу; въ случаѣ же заключенія мира, обѣщали платить и больше прежняго. Игорь, посовѣтовавшись съ дружиной, согласился на предложенныя условія и, по полученіи отъ пословъ богатыхъ даровъ, которые онъ раздѣлилъ между своими воинами, возвратился въ Кіевъ. На слѣдующій годъ былъ заключенъ новый письменный договоръ съ греками, но уже не такой выгодный, какъ при Олегѣ: въ немъ заключались нѣкоторыя условія, значительно стѣснявшія пребываніе русскихъ гостей въ Константинополѣ. Договоръ этотъ былъ скрѣпленъ взаимною клятвою. Дружина княжеская, состоявшая въ то время большею частію изъ язычниковъ (хотя въ ней были и христіане), отправилась на священный холмъ, гдѣ стоялъ идолъ Перуна, сложила на землю, по тогдашнему обычаю, оружіе, щиты и золото и въ присутствіи пословъ византійскаго императора произнесла слѣдующее:

„Пусть мы не будемъ имѣть помощи отъ Перуна и не укроютъ насъ щиты наши, если задумаемъ разрушить миръ съ греками; пусть будемъ изрублены тогда своими мечами, погибнемъ отъ собственныхъ стрѣлъ или отъ другого оружія и да будемъ рабами въ этомъ вѣкѣ и въ будущемъ“. (Иловайскій).

Другая же часть дружины Игоря, христіане, присягала въ соборномъ храмѣ св. Иліи, уже существовавшемъ тогда въ Кіевѣ. По словамъ договора, дружба съ греками должна была сохраняться до тѣхъ поръ, „пока свѣтитъ солнце и стоитъ міръ“.

Наградивъ пословъ императора дорогими мѣхами,

воскомъ и плѣнниками, Игорь отпустилъ ихъ домой съ завѣреніями въ дружественномъ согласіи съ греками. И эти увѣренія были вполнѣ искренни: русскій князь дѣйствительно хотѣлъ мира и спокойствія на старости лѣтъ. Къ сожалѣнію, ему не удалось достичь этого, такъ какъ дружина его, отличавшаяся въ большинствѣ корыстолюбіемъ и страстью къ наживѣ, стала роптать, что будто бы онъ не заботится о ней. „Мы босы и наги,—говорили воины:—а Свѣнельдовы отроки *) богаты оружіемъ и всякою одеждою. *Поди въ дань* **) съ нами, и мы будемъ довольны".

Игорь въ землѣ Древлянской и смерть его. Игорь исполнилъ требованіе дружины и, съ наступленіемъ осени, отправился вмѣстѣ съ нею въ землю древлянъ, которыхъ обложилъ усиленной данью. Но онъ этимъ не удовольствовался, а захотѣлъ взять еще двойную дань. Тогда древляне рѣшили наказать Игоря за его жадность. Они сразились съ дружиною князя, побѣдили ее и взяли въ плѣнъ самого Игоря. Русскій князь и вся дружина его были убиты и погребены вблизи Коростеня, главнаго города древлянъ. Разсказываютъ, что будто бы ожесточенные древляне привязали Игоря за ноги къ вершинамъ двухъ деревьевъ и, разрѣзавъ веревку, соединявшую эти вершины—разорвали несчастнаго князя на-двое. Изъ черепа же его древлянскій князь Малъ велѣлъ сдѣлать себѣ заздравную чашу. Помимо угнетенія древлянъ, княженіе Игоря омрачено еще нѣсколько тѣмъ, что онъ далъ возможность утвердиться въ сосѣдствѣ съ Русской землей дикимъ ордамъ печенѣговъ, съ которыми потомъ не мало пришлось бороться нашимъ князьямъ. Что же касается заботы его о сохраненіи цѣлости и чести Русской земли въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ (напр., въ походахъ противъ Византіи), то съ этой стороны онъ заслуживаетъ полной похвалы и благодарности потомства. Княженіе Игоря продолжалось 32 года.

---

*) Свѣнельдъ—знаменитый воевода. Отроки—молодые воины.
**) *Ходить въ дань* значило—собирать налоги.

Ольга (945—957).

Месть Ольги древлянамъ. За малолѣтствомъ сына Игоря, Святослава, управленіе дѣлами княжества приняла на себя мать его—Ольга, извѣстная въ исторіи подъ именемъ *Мудрой*. Прежде всего она порѣшила отомстить древлянамъ за смерть мужа. Вотъ какія подробности разсказываетъ объ этомъ русскій лѣтописецъ:

Убивъ Игоря и пользуясь несовершеннолѣтіемъ Святослава, древляне вздумали-было овладѣть Кіевомъ и хотѣли, чтобы ихъ князь Малъ женился на Ольгѣ. Съ этою цѣлью двадцать знаменитыхъ пословъ древлянскихъ подплыли въ ладьяхъ къ Кіеву и сказали:

„Мы убили твоего мужа за его хищность и грабительство; но князья древлянскіе добры и великодушны: ихъ земля цвѣтетъ и благоденствуетъ. Будь супругою нашего князя Мала“. Ольга съ ласкою отвѣтствовала: „Мнѣ пріятна рѣчь ваша. Уже не могу воскресить супруга!.. Завтра окажу вамъ должную честь. Теперь возвратитесь въ ладьи свои, и когда мои придутъ за вами, велите имъ нести себя на рукахъ“... Между тѣмъ, Ольга приказала на дворѣ тюремномъ ископать глубокую яму и на другой день звать пословъ. Исполняя волю ея, они сказали: „не хотимъ ни идти, ни ѣхать: несите насъ въ ладьѣ!..“—„Что дѣлать, отвѣтствовали кіевляне:—мы невольники. Игоря нѣтъ, а княгиня наша хочетъ быть супругою вашего князя“. И понесли пословъ. (Карамзинъ).

Въ это время Ольга находилась въ своемъ теремѣ и смотрѣла оттуда, какъ древляне съ гордостью возсѣдали на своей ладьѣ, не помышляя о предстоявшей имъ участи. Принеся ладью на дворъ, служители бросили ее въ вырытую яму, вмѣстѣ съ послами. Ольга вышла изъ терема и, обращаясь къ древлянамъ, спросила: „довольны вы сею *честью?..*“ Хотя послы и раскаялись тутъ въ убійствѣ Игоря, но было уже поздно: Ольга приказала ихъ засыпать землею и отправила къ древлянамъ гонца—объявить имъ, чтобы они

прислали за нею еще нѣсколько знаменитыхъ мужей, такъ какъ кіевляне не могутъ отпустить ее отъ себя безъ многочисленнаго посольства.

Просьба княгини была уважена: по распоряженію Мала, въ Кіевъ были отправлены лучшіе граждане и начальники земли Древлянской, числомъ 40 человѣкъ. Ольга велѣла приготовить для гостей, по старинному славянскому обычаю, баню, и когда они вошли туда—поданъ былъ знакъ зажечь строеніе: всѣ бывшіе въ банѣ сгорѣли. А между тѣмъ древлянамъ было объявлено, чтобы они варили медъ и приготовились къ встрѣчѣ княгини въ Коростенѣ, что она уже идетъ къ нимъ, но прежде чѣмъ сдѣлаться женою князя Мала—желаетъ совершить тризну надъ могилою Игоря. И дѣйствительно, подойдя къ Коростеню, она оплакала могилу мужа, надъ которою приказала насыпать высокій бугоръ, видимый, какъ говорятъ, и до настоящаго времени. Здѣсь-то и была совершена тризна. Во время пиршества древляне вспомнили о своихъ послахъ: почему они не участвуютъ въ общемъ весельи? Служители Ольги отвѣтили, что послы прибудутъ вмѣстѣ съ *игоревою* дружиною *). Отвѣтъ подѣйствовалъ: о послахъ пока забыли, и пиръ продолжался далеко за полночь. Когда всѣ достаточно охмѣлѣли—Ольга удалилась съ тризны и подала знакъ своимъ воинамъ напасть на древлянъ: 5,000 человѣкъ легло вокругъ могилы Игоря. Месть, такимъ образомъ, удалась. По возвращеніи въ Кіевъ, Ольга собрала большое войско и вновь двинулась въ Древлянскую землю—съ цѣлью окончательно покорить себѣ это враждебное племя. Древляне потерпѣли пораженіе. Только жители Коростеня держались еще кое-какъ и въ теченіе цѣлаго лѣта не хотѣли сдаваться Ольгѣ. Тогда она прибѣгнула къ новой хитрости:

„Для чего вы упорствуете? велѣла она сказать древлянамъ,—всѣ иные города ваши сдались мнѣ, и жители ихъ мирно обработываютъ нивы свои... А вы хотите умереть го-

*) Ольга, любя мужа, хотѣла, чтобы игоревы тѣлохранители и по смерти его составляли особую дружину.

лодомъ!.. Не бойтесь мщенія: оно уже совершилось въ Кіевѣ и на могилѣ супруга моего". (Карамзинъ).

Осажденные предложили-было дань въ видѣ меду и звѣриныхъ кожъ; но Ольга, какъ бы изъ великодушія, сказала, что она желала бы имѣть отъ каждаго двора только по три воробья да по три голубя, что другой дани ей не нужно. Древляне съ радостью исполнили требованіе русской княгини, въ полной увѣренности, что войско ея немедленно отступитъ отъ Коростеня. Но они ошиблись: при наступленіи ночи, Ольга велѣла привязать зажженный трутъ съ кусочкомъ сѣры къ хвосту каждой присланной ей птицы и выпустить всѣхъ ихъ на волю. Птицы возвратились въ городъ и произвели въ немъ пожаръ. Испуганные жители бросились въ бѣгство, но тутъ же были окружены русскими войсками и взяты въ плѣнъ. Нѣкоторые изъ старѣйшинъ были казнены, какъ зачинщики возстанія, а народъ былъ обложенъ тяжелою данью.

Можетъ быть, въ переданномъ выше разсказѣ лѣтописца встрѣчаются нѣкоторыя происшествія, которыя легко принять за басню, за выдумку,—но во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно: это то, что Ольга дѣйствительно умертвила пословъ древлянскихъ и затѣмъ вновь подчинила этотъ непокорный народъ Русской землѣ.

Объѣзжая, въ сопровожденіи дружины и юнаго Святослава, покоренныя племена, Ольга творила вездѣ судъ и расправу и опредѣляла размѣръ дани.

Ольга-христіанка. Дѣятельность Ольги, какъ правительницы, помимо военныхъ подвиговъ, украшенныхъ многими баснословными преданіями,—прославлена еще въ исторіи принятіемъ христіанства. Совершивъ путешествіе въ Византію, она крестилась тамъ и наречена Еленою; воспріемникомъ или крестнымъ отцомъ ея былъ самъ императоръ Константинъ Багрянородный. Возвратясь въ Кіевъ, Ольга старалась склонить къ отреченію отъ язычества и Святослава, но старанія эти не увѣнчались успѣхомъ: молодой князь былъ непоколебимъ и рѣшительно отказалъ въ просьбѣ матери,

сказавъ ей: „могу ли одинъ принять новый завѣтъ, чтобы дружина моя посмѣялась надо мною?“

Передавъ Святославу еще при жизни правленіе княжествомъ, Ольга скончалась (въ 969 г.), огорченная тѣмъ, что ей не удалось поручить судьбу Русской земли сыну-христіанину. Передъ смертью она распорядилась, чтобы тѣло ея было погребено не по языческому, а по христіанскому обряду.

Святославъ (945—972 г).

Отличительныя свойства Святослава. Выдающеюся чертою характера Святослава была страсть къ походамъ и завоеваніямъ: онъ только и думалъ о прославленіи русскаго оружія въ борьбѣ съ непріятелемъ. Своею суровою жизнью Святославъ съ юныхъ лѣтъ воспиталъ въ себѣ привычку ко всевозможнымъ трудамъ и лишеніямъ. По изображенію лѣтописца, онъ ходилъ на непріятелей съ быстротою барса; въ походахъ не возилъ съ собою ни котловъ, ни обозовъ; питался кониною или мясомъ дикихъ звѣрей, которое пекъ на угольяхъ; не боялся ни холода, ни ненастной погоды; спалъ въ походахъ безъ шатра, подъ открытымъ небомъ, подостлавъ подъ себя конскій потникъ, а въ изголовье—сѣдло; если же шелъ на врага, то никогда не нападалъ на него нечаянно, врасплохъ, но всегда заранѣе объявлялъ: *„иду на васъ!“*

Наружность князя. Наружность Святослава вполнѣ соотвѣтствовала его воинственнымъ наклонностямъ и производила сильное впечатлѣніе даже на иноземцевъ. Онъ былъ средняго роста, стройный, но мрачный и суровый видомъ; грудь у него была широкая, шея толстая, глаза голубые, носъ плоскій, брови густыя, нависшія; онъ носилъ длинные усы, рѣдкую бороду, а на головѣ—одинъ длинный локонъ, въ знакъ благороднаго происхожденія, въ одномъ ухѣ висѣла всегда золотая серьга, украшенная двумя жемчужинами и рубиномъ.

Московской обл. библиотеки

Военные подвиги Святослава. Первымъ военнымъ подвигомъ Святослава было покореніе *вятичей* (жившихъ по Окѣ)—единственнаго славянскаго племени, которое еще не было подвластно русскому князю и платило дань козарамъ. Побѣдивъ козаръ и взявъ ихъ городъ Бѣлую Вежу *), онъ направился затѣмъ, по приглашенію византійскаго императора Никифора Фоки, противъ дунайскихъ болгаръ, и завоевалъ ихъ землю. Страна эта такъ понравилась Святославу, что онъ захотѣлъ даже перенести свою столицу—въ городъ Переяславецъ; „туда (говорилъ онъ матери) сходится все хорошее: изъ Греціи—золото, ткани, вино и плоды, изъ Чехіи и Венгріи—серебро и кони, изъ Руси—мѣха, воскъ, медъ и невольники".

Осада Кіева печенѣгами. Пользуясь отсутствіемъ Святослава, жившаго въ Болгаріи, на Кіевъ напали печенѣги и чуть было не овладѣли имъ. Вѣсть объ опасности, грозившей русской столицѣ, заставила князя-воина немедленно возвратиться въ отечество.

„Шумъ воинскій, любезный его сердцу, не заглушилъ въ немъ нѣжной чувствительности сына и родителя; лѣтописецъ говоритъ, что онъ съ горячностію лобызалъ мать и дѣтей, радуясь ихъ спасенію". (Карамзинъ).

Борьба съ Цимисхіемъ. Отразивъ печенѣговъ и возстановивъ тишину въ княжествѣ, Святославъ вскорѣ послѣ кончины Ольги, вновь поспѣшилъ въ Болгарію, которую онъ считалъ уже своею областью. Но народъ встрѣтилъ его какъ непріятеля; вступившій же на византійскій престолъ послѣ Никифора Фоки Іоаннъ Цимисхій (т. е. малорослый), храбрый и искусный полководецъ, которому сосѣдство воинственнаго Святослава казалось гораздо опаснѣе, чѣмъ сосѣдство болгаръ,—потребовалъ, чтобы русскій князь удалился изъ завоеванной страны. Святославъ отвѣтилъ на это отказомъ и съ гордостью велѣлъ передать Цимисхію, что онъ скоро самъ будетъ въ Константинополѣ и прого-

*) *Вежа*—значитъ шатеръ или городская башня.

нитъ грековъ въ Азію. Тогда Цимисхій сталъ вооружаться и повелъ противъ Святослава многочисленное войско. Борьба эта кончилась неудачно для русскаго князя: онъ долженъ былъ уступить и заключить миръ съ Цимисхіемъ.

Мирный договоръ былъ заключенъ невдалекѣ отъ крѣпости Доростола (Силистріи), гдѣ Святославъ былъ осажденъ войсками Цимисхія. Вотъ онъ:

„Мѣсяца іюля, въ лѣто 6,479, я, Святославъ, князь русскій, по данной мною клятвѣ, хочу имѣть *до конца вѣка* миръ и любовь совершенную съ Цимисхіемъ, великимъ царемъ греческимъ, съ Василіемъ и Константиномъ, боговдохновенными царями *) и со всѣми людьми нашими обѣщаясь, именемъ всѣхъ сущихъ *подо мною* россіянъ, бояръ и прочихъ никогда *не помышлять на васъ*, не собирать много войска и не приводить чужеземнаго на Грецію, область Херсонскую и Болгарію. Когда же иные враги *помыслятъ на Грецію*, да буду ихъ врагомъ и да борюся съ ними. Если я или сущіе *подо мною* не сохранятъ сихъ *правыхъ* условій, да *имѣемъ клятву* отъ Бога, въ коего вѣруемъ: Перуна и Волоса, бога скотовъ. Да будемъ *желты какъ золото* **), и собственнымъ нашимъ оружіемъ изсѣчены. Въ удостовѣреніе чего написали мы договоръ на сей хартіи и своими печатями запечатали". (Карамзинъ).

По заключеніи мира, Святославъ пожелалъ имѣть свиданіе съ Цимисхіемъ, которое и состоялось на берегу Дуная. Императоръ, въ сопровожденіи многочисленнаго отряда всадниковъ, доспѣхи которыхъ были покрыты золотомъ,—подъѣхалъ на конѣ; Святославъ же, въ бѣлой одеждѣ, приближался къ мѣсту свиданія на лодкѣ и самъ гребъ весломъ. Цимисхій слѣзъ съ коня, между тѣмъ какъ русскій князь разговаривалъ съ нимъ, не выходя изъ лодки. Это не мало удивляло грековъ...

Смерть Святослава. Возвращаясь съ остатками дружины своей въ Кіевъ, Святославъ былъ встрѣченъ у

---

*) Василій и Константинъ—дѣти Романа Лакапина, которыхъ Цимисхій называлъ сотоварищами въ правленіи.

**) „Да будемъ желты"—то же что: „да будемъ мертвы".

днѣпровскихъ пороговъ печенѣгами. Здѣсь произошла битва, въ которой и палъ отважный князь-воинъ: печенѣги отрубили ему голову (972 г.).

Будучи образцомъ князя-полководца, Святославъ собственнымъ примѣромъ показалъ русскимъ воинамъ, что беззавѣтною храбростью и мужествомъ они могутъ во всякое время одолѣвать непріятеля.

Владиміръ св. Равноапостольный (980—1015 г.).

Раздоры между дѣтьми Святослава. Борьба Владиміра съ Ярополкомъ. Владиміръ, младшій сынъ Святослава, получилъ отъ отца въ удѣлъ Новгородскую область; Кіевская же и Древлянская области были отданы: первая—Ярополку, вторая—Олегу. Вскорѣ между старшими братьями стали происходить усобицы, кончившіяся тѣмъ, что Олегъ погибъ въ борьбѣ съ Ярополкомъ и удѣлъ его перешелъ во владѣніе старшаго брата. Властолюбивый Ярополкъ, не довольствуясь этимъ пріобрѣтеніемъ, задумалъ-было захватить въ свои руки и Новгородъ. Узнавъ объ этомъ, Владиміръ бѣжалъ съ дядею своимъ Добрынею за море, къ варягамъ, гдѣ и пробылъ два года. Этимъ временемъ Ярополкъ отправилъ въ Новгородскую область своихъ намѣстниковъ или посадниковъ, и такимъ образомъ сдѣлался единовластнымъ правителемъ всей Русской земли *). Собравъ многочиленное войско, Владиміръ вернулся, между тѣмъ, въ принадлежавшій ему удѣлъ, смѣнилъ посадниковъ Ярополка и велѣлъ имъ объявить брату: „да знаетъ онъ, что я противъ него вооружаюсь, и да готовится отразить меня!“ Сначала, впрочемъ, онъ отправился въ Полоцкую область, гдѣ былъ княземъ варягъ Рогвольдъ, дочь котораго, прекрасная Рогнѣда, считалась невѣстою Ярополка. Стремясь завладѣть удѣломъ брата, Владиміръ захотѣлъ отнять у него и не-

*) Ярополкъ княжилъ съ 972 по 980 г.

вѣсту. Съ этою цѣлью онъ черезъ пословъ объявилъ Рогвольду о желаніи своемъ соединиться бракомъ съ его дочерью. Но Рогнѣда, давъ слово Ярополку, отвѣчала, что она не можетъ выйти за сына рабыни *). Оскорбленный отказомъ, Владиміръ завоевалъ Полоцкъ, умертвилъ Рогвольда и двухъ сыновей его и насильно женился на Рогнѣдѣ. Послѣ этого онъ пошелъ на Кіевъ, но Ярополкъ не рѣшился выступить противъ брата и скрылся въ городѣ Роднѣ, стоявшемъ при сліяніи рѣки Роси съ Днѣпромъ. Овладѣвъ Кіевомъ, Владиміръ хитростью заманилъ къ себѣ Ярополка и приказалъ умертвить его (980 г.).

Походы Владиміра. Рогнѣда. Достигнувъ злодѣйскимъ путемъ единовластія, Владиміръ предпринялъ нѣсколько удачныхъ походовъ на своихъ сосѣдей: поляковъ, ятвяговъ**), болгаръ и усмирилъ при этомъ нѣкоторыя отложившіяся племена (вятичей и радимичей), не желавшія было платить дани великому князю. Ко времени покоренія Камской Болгаріи относится слѣдующій любопытный случай изъ жизни Владиміра. Рогнѣда, сдѣлавшись женою русскаго князя, простила ему убійство отца и братьевъ, но когда онъ разлюбилъ ее и выслалъ несчастную изъ дворца, поселивъ въ одномъ изъ селъ вблизи Кіева,—оскорбленная *Гориславa* (такъ была названа Рогнѣда по случаю испытаннаго ею горя и несчастій) рѣшилась отомстить измѣннику. И вотъ, когда однажды Владиміръ, посѣтивъ жену въ уединеніи, заснулъ тамъ крѣпкимъ сномъ, Рогнѣда хотѣла умертвить его.

Вотъ какъ одинъ поэтъ описываетъ этотъ случай:

Князь спитъ тпокойно... Тихо вставъ,
Рогнѣда свѣточъ зажигаетъ
И въ страхѣ, вся затрепетавъ,
Мечъ тяжкій со стѣны снимаетъ...
Идетъ... стоитъ... ступила вновь...

*) Мать Владиміра была сначала ключницею при Ольгѣ.

**) Ятвяги—дикій, но мужественный народъ латышскаго племени, обитавшій въ лѣсахъ между Литвою и Польшею.

Едва дыханье переводитъ...
Въ ней то кипитъ, то стынетъ кровь...
Но вотъ... къ одру она подходитъ...

Ужъ поднятъ мечъ!.. Вдругъ грянулъ громъ,
Потрясся теремъ озаренный,
И князь, объятый крѣпкимъ сномъ,
Воспрянулъ трескомъ пробужденный—
И предъ собой Рогнѣду зритъ.
Ея глаза огнемъ пылаютъ...
Поднятый мечъ и грозный видъ
Преступницу изобличаютъ...

Мечъ выхвативъ, ей князь вскричалъ:
—„На что́ дерзнула въ изступленьи?..“
—„На то, что́ мнѣ повелѣвалъ
Ужасный Чернобогъ—на мщенье...“
—„Но долгъ супруги? но любовь?..“
—„Любовь!.. къ кому?.. къ тебѣ, губитель?..
Забылъ, во мнѣ чья льется кровь,
Забылъ ты, кѣмъ убитъ родитель!..

Ты, ты, тиранъ, его сразилъ!
Горя преступною любовью,
Ты жениха меня лишилъ
И братнею облился кровью!..
Испепеливъ мой край родной,
Рѣкой ты кровь въ немъ пролилъ всюду,
И Полоцкъ, дивный красотой,
Преобратилъ развалинъ въ груду.

Но, недовольный—местью злой
Къ безсильной плѣнницѣ пылая,
Ты бракъ свой совершилъ со мной
При заревѣ родного края!
Повлекъ меня въ престольный градъ;
Тебѣ я сына даровала...
И что-жъ? Еще презрѣнья хладъ
Въ очахъ тирана прочитала!..

Вотъ страшный рядъ ужасныхъ дѣлъ,
Владиміра покрывшихъ славой!
Не черезъ нихъ ли пріобрѣлъ
Ты на любовь Рогнѣды право?..
Страдала, мучилась, стеня;
Вся жизнь моя текла въ кручинѣ;
Но, боги, не роптала я
На васъ въ злосчастіяхъ донынѣ!..

Впервые днесь ропщу... увы!..
Почто губителя отчизны
Сразить не допустили вы
И совершить достойной тризны?..
Съ какою-бъ жадностію я
На брызжущую кровь глядѣла,
Съ какимъ восторгомъ бы тебя,
Тиранъ, угасшаго узрѣла!..“

Супругъ, слова прервавъ ея,
Въ одрину *) стражу призываетъ.
—„Ждетъ смерть, преступница, тебя!
Пылая гнѣвомъ, восклицаетъ:—
Съ зарей готова къ казни будь!..
Сей брачный одръ пусть будетъ плаха:
На немъ пронжу твою я грудь
Безъ сожалѣнія и страха!..“

Сказалъ—и вышелъ. Вдругъ о томъ
Мгновенно слухъ распространился—
И теремъ, весь объятый сномъ,
Отъ вопля женщинъ пробудился.

. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .
. . . . . .

Въ тревогѣ все... лишь Изяславъ **)
Въ объятьяхъ сна, съ улыбкой нѣжной,

*) Одрина—спальня.
**) Изяславъ—сынъ Рогнѣды.

Лежитъ покровы разметавъ,
Покой вкушая безмятежный.
Объ участи Рогнѣды онъ
Въ мечтахъ невинности не знаетъ;
Ни бури ревъ, ни плачъ, ни стонъ
Отъ сна его не пробуждаетъ.

Но пересталъ гремѣть ужъ громъ,
Замолкли вѣтры въ чащѣ лѣса,
И на востокѣ голубомъ
Рѣдѣла мрачная завѣса.
Вся въ перлахъ, златѣ и сребрѣ
Ждала Рогнѣда, безъ боязни,
На изукрашенномъ одрѣ
Назначенной супругомъ казни.

И вотъ денница занялась;
Сверкнулъ сквозь окна лучъ багровый—
И входитъ съ витязями князь
Въ одрину, гнѣвный и суровый.
—„Подайте мечъ!..“ воскликнулъ онъ—
И раздалось вездѣ рыданье...
„Пусть каждаго страшитъ законъ!
Злодѣйство приметъ воздаянье!“...

И быстро въ храмину вбѣжавъ:
—„Вотъ мечъ! Коль не отецъ ты нынѣ,
Убей!“ вѣщаетъ Изяславъ:
„Убей, жестокій, мать при сынѣ!“
Какъ громомъ неба пораженъ,
Стоитъ Владиміръ и трепещетъ:
То въ ужасѣ на сына онъ,
То на Рогнѣду взоры мещетъ...

Рѣчь замираетъ на устахъ,
Сперлось дыханье, сердце бьется;
Трепещетъ онъ; въ его костяхъ
И лютый хладъ, и пламень льется,
Въ душѣ кипитъ борьба страстей:
И милосердіе, и мщенье...

Но вдругъ, съ слезами изъ очей,—
Изъ сердца вырвалось прощенье!.. *)

Простивъ Рогнѣду, Владиміръ, по совѣту бояръ, далъ ей въ удѣлъ область отца ея, Рогвольда, а затѣмъ, построивъ въ нынѣшней Витебской губерніи городъ *Изяславль* (нынѣ мѣстечко Заславъ, неподалеку отъ Минска), отправилъ туда и мать, и сына.

Владиміръ-язычникъ. Первые годы княженія Владиміра были такимъ образомъ омрачены крайнею жестокостью его характера, наклонностью къ многоженству и ревностнымъ поклоненіемъ языческимъ богамъ, которымъ нерѣдко, въ угоду князю, приносились кровавыя жертвы. Въ Кіевѣ, напр., стоялъ деревянный идолъ, изображавшій главнаго языческаго бога, Перуна, который, по понятіямъ нашихъ предковъ, посылалъ на землю громъ и молнію. Голова у этого идола была серебряная, усы—золотые. Такой же истуканъ находился и въ Новгородѣ, на берегу рѣки Волхова; въ Ростовѣ же былъ воздвигнутъ идолъ бога Волоса—покровителя скота.

Въ числѣ жертвъ этимъ мнимымъ божествамъ приносились обыкновенно дѣти, избиравшіяся по жребію. Разъ жребій выпалъ на христіанскаго мальчика, отецъ котораго объявилъ кіевскимъ старѣйшинамъ, что онъ ни за что̀ не выдастъ сына. „Ежели идолы ваши дѣйствительно боги, сказалъ онъ:—то пусть они сами извлекутъ его изъ моихъ объятій“...

Разсвирѣпѣвшая толпа бросилась на хулителя языческой религіи и умертвила его вмѣстѣ съ сыномъ. Этотъ прискорбный случай заставилъ многихъ задуматься надъ словами убитаго христіанина, громко сказанными передъ народомъ. Задумался надъ ними и Владиміръ, тѣмъ болѣе, что онъ испытывалъ уже въ это время мученія совѣсти отъ сознанія своихъ прежнихъ пороковъ и злодѣяній.

Подъ вліяніемъ такихъ мыслей, а также въ виду того, что многія лица изъ княжеской дружины были

*) Изъ стихотворенія: „Рогнѣда“.

уже христіанами, Владиміръ послѣдовалъ примѣру благочестивой Ольги и рѣшилъ креститься.

Миссіонеры у Владиміра. Узнавъ объ этомъ, многіе сосѣдніе народы стали отправлять къ нему пословъ—каждый съ предложеніемъ своей вѣры. Первые послы были отъ болгаръ, жившихъ по р. Камѣ и исповѣдывавшихъ магометанскую вѣру. Когда Владиміръ услышалъ, что вѣра эта запрещаетъ употребленіе въ пищу свиного мяса и питье вина, онъ отпустилъ пословъ, сказавъ имъ: „вино есть веселіе для русскихъ—не можемъ быть безъ него". Послѣ этого явились послы отъ нѣмецкихъ католиковъ и предложили Владиміру латинскую вѣру, но князь отвѣчалъ на это: „идите обратно!.. Отцы наши не принимали вѣры отъ папы". Затѣмъ, выслушавъ евреевъ, Владиміръ спросилъ о мѣстѣ ихъ отечества. „Въ Іерусалимѣ, сказали проповѣдники: — но Богъ во гнѣвѣ своемъ разсѣялъ насъ по всей землѣ".— „И вы, наказываемые Богомъ, замѣтилъ князь:—дерзаете учить другихъ? Мы не хотимъ, подобно вамъ, лишиться своего отечества"... Наконецъ, къ Владиміру пришелъ греческій проповѣдникъ и сталъ разсказывать про свою вѣру: говорилъ о сотвореніи міра, о грѣхопаденіи первыхъ людей, о пришествіи Спасителя, о любви къ ближнему и, въ заключеніе, показалъ князю картину страшнаго суда, на которой были изображены праведники, идущіе въ рай, и грѣшники, осужденные на вѣчную муку. Пораженный этимъ зрѣлищемъ, Владиміръ вздохнулъ и сказалъ: „благо добродѣтельнымъ и горе злымъ!"—„Крестись, замѣтилъ грекъ:—и будешь въ раю съ первыми". Отпустивъ проповѣдника, Владиміръ собралъ бояръ и городскихъ старѣйшинъ, разсказалъ имъ о приходѣ пословъ отъ разныхъ народовъ и просилъ совѣта, какъ поступить въ данномъ случаѣ. — „Князь, отвѣтили бояре:—всякій хвалитъ свою вѣру... Если хочешь узнать, чья лучшая, то пошли умныхъ людей въ разныя земли — испытать, который народъ достойнѣе поклоняется божеству"...

Исканіе вѣры. Владиміръ послѣдовалъ этому совѣту. Посланные имъ отправились сначала къ болгарамъ, за-

тѣмъ въ землю нѣмецкихъ католиковъ и, наконецъ, прибыли въ Константинополь. Императоръ приказалъ вести ихъ въ Софійскую церковь, гдѣ въ это время совершалось богослуженіе самимъ патріархомъ.

„Великолѣпіе храма, присутствіе всего знаменитаго духовенства греческаго, богатыя одежды служебныя, убранство алтарей, красота живописи, благоуханіе ѳиміама, сладостное пѣніе клироса, безмолвіе народа, священная важность и таинственность обрядовъ изумили россіянъ: имъ казалось, что самъ Всевышній обитаетъ въ семъ храмѣ и непосредственно съ людьми соединяется. Возвратясь въ Кіевъ, послы говорили князю съ презрѣніемъ о богослуженіи магометанъ, съ неуваженіемъ о католическомъ и съ восторгомъ о византійскомъ, заключивъ словами: „всякій человѣкъ, вкусивъ сладкаго, имѣетъ уже отвращеніе отъ горькаго. Такъ и мы: узнавъ вѣру греческую, не хотимъ иной“. (Карамзинъ).

Владиміръ желалъ еще слышать мнѣніе бояръ и старцевъ. „Когда бы законъ греческій, сказали они: не былъ лучше другихъ, то бабка твоя, Ольга, мудрѣйшая изъ всѣхъ людей, не вздумала бы принять его“. Великій князь рѣшился быть христіаниномъ. Но при этомъ онъ считалъ для себя унизительнымъ сознаться передъ греками въ своихъ прежнихъ языческихъ заблужденіяхъ и просить императоровъ о крещеніи: онъ хотѣлъ, такъ сказать, „*завоевать* вѣру Христову и принять ея святыню рукою побѣдителя“.

Осада Корсуня. Крещеніе Владиміра и бракъ съ Анною. Собравъ съ этою цѣлью большое войско, Владиміръ пошелъ на судахъ къ греческому городу Корсуню (лежавшему вблизи нынѣшняго Севастополя) и, послѣ продолжительнаго, мужественнаго сопротивленія непріятеля, заставилъ корсунцевъ сложить оружіе: томимые голодомъ и жаждою, они должны были сдаться. По окончаніи похода великій князь, гордый своимъ величіемъ, объявилъ греческимъ императорамъ, Василію и Константину, что если они не выдадутъ за него сестры своей Анны, то и съ Константинополемъ будетъ то же, что съ Корсунемъ. Императоры отвѣчали, что отъ него

самого зависитъ сдѣлаться ихъ зятемъ: для этого нужно только, чтобы онъ былъ христіаниномъ, ибо царевна не можетъ выйти за язычника. Владиміръ велѣлъ объявить, что онъ уже рѣшился принять крещеніе и ждетъ лишь прибытія Анны и священниковъ. Императоры уговорили сестру отправиться въ Корсунь, гдѣ народъ ожидалъ ее съ нетерпѣніемъ и радостью. По пріѣздѣ царевны, въ сопровожденіи именитыхъ сановниковъ, Владиміръ немедленно крестился, а за нимъ крестились и многіе изъ его дружины. Послѣ крещенія, великій князь вступилъ въ бракъ съ Анною и возвратился въ Кіевъ.

Истребленіе идоловъ. Крещеніе кіевлянъ. Первымъ послѣдствіемъ принятія Владиміромъ новой вѣры было истребленіе въ столицѣ языческихъ идоловъ, изъ которыхъ одни были изрублены, другіе—сожжены. Перуна, напр., привязали къ хвосту лошади, били палками и бросили въ Днѣпръ. Народъ плакалъ, видя такое поруганіе надъ своей прежней святыней. Между тѣмъ по городу ходили священники и проповѣдывали христіанство. То же дѣлалъ и самъ князь, лично увѣщевая подданныхъ креститься. Наконецъ, кіевлянамъ было объявлено, чтобы они къ назначенному времени пришли на берегъ Днѣпра, куда прибылъ затѣмъ и князь, сопровождаемый соборомъ греческихъ священниковъ. По особому знаку, всѣ собравшіеся вошли въ рѣку: взрослые стояли въ водѣ по грудь и шею; отцы и матери держали на рукахъ младенцевъ; мужчины были по одну сторону рѣки, женщины — по другую; священники читали молитвы... Такъ совершился торжественный обрядъ крещенія (въ 988 г.). Владиміръ, въ восторженной радости устремивъ взоръ на небо, громко произнесъ слѣдующую молитву:

„Творецъ земли и неба! благослови сихъ новыхъ чадъ Твоихъ, дай имъ познать Тебя, Бога истиннаго; утверди въ нихъ вѣру правую. Будь мнѣ помощію въ искушеніяхъ зла, да восхвалю достойно святое имя Твое!..“ (Карамзинъ).

Владиміръ-христіанинъ Послѣ крещенія кіевлянъ ве-

ликій князь посылалъ проповѣдниковъ вѣры Христовой и въ другіе города земли Русской, строилъ вездѣ христіанскіе храмы и, желая создать русское духовенство, отдалъ приказъ — набирать мальчиковъ для обученія ихъ у священниковъ, пріѣхавшихъ изъ Греціи. Такимъ образомъ положено основаніе народнаго просвѣщенія въ Россіи. Благодѣяніе это было, однако, принято не совсѣмъ охотно: многія знатныя женщины, напр., у которыхъ брали дѣтей въ науку, оплакивали ихъ какъ мертвыхъ, „ибо не утвердились еще въ новой вѣрѣ“ и видѣли въ грамотѣ лишь чародѣйство.

Изъ Кіева христіанская вѣра, съ которою перешли къ намъ и богослужебныя книги, написанныя на славянскомъ языкѣ, — стала постепенно распространяться и въ другихъ областяхъ государства. Сдѣлавшись христіаниномъ, Владиміръ уже не думалъ болѣе о завоеваніяхъ, а заботился лишь о томъ, чтобы обезопасить Россію отъ внѣшнихъ непріятелей, особенно печенѣговъ. Въ виду этого имъ были построены по Днѣпру и его притокамъ новые города и заселены людьми изъ сѣверныхъ областей.

Сравнивая Владиміра-христіанина съ Владиміромъ-язычникомъ, мы видимъ въ характерѣ его громадную перемѣну, совершившуюся подъ вліяніемъ божественнаго ученія Спасителя будучи прежде мстительнымъ, кровожаднымъ и братоубійцею, онъ вдругъ сдѣлался набожнымъ, ласковымъ, боялся даже проливать кровь злодѣевъ и враговъ отечества. Созидая храмы (напр. Десятинная церковь Богородицы, въ Кіевѣ), онъ щедро надѣлялъ духовенство, устраивалъ въ своемъ дворѣ пиры для народа, раздавалъ нищимъ и убогимъ милостыню, а для тѣхъ, которые, по слабости здоровья или болѣзни, не въ силахъ были дойти до палатъ княжескихъ, — велѣлъ развозить по улицамъ Кіева хлѣбъ, мясо, рыбу, овощи, медъ, квасъ въ бочкахъ и другіе припасы. Особенною же любовью князя пользовалась его дружина, для которой онъ не жалѣлъ ничего изъ своихъ доходовъ; съ нею онъ совѣтовался о всѣхъ важныхъ дѣлахъ, касающихся управленія княжествомъ. Будучи, въ полномъ смыслѣ, отцомъ своихъ подданныхъ,

Владиміръ оставилъ по себѣ добрую память въ потомствѣ: память эта до сихъ поръ живетъ въ русскихъ народныхъ пѣсняхъ, гдѣ изображаются великолѣпные пиры Владиміра, подвиги его могучихъ богатырей (Добрыни, Ильи Муромца, Рогдая и друг.), и гдѣ самъ князь величается вездѣ „Краснымъ Солнышкомъ“.

Смерть Владиміра. Не смотря на слабость здоровья, Владиміръ дожилъ до старости и скончался въ селѣ Берестовѣ (подъ Кіевомъ), въ 1015 г. Тѣло его, заключенное въ мраморную гробницу, погребено въ Десятинномъ храмѣ Богородицы. Церковь причислила благочестиваго князя къ лику святыхъ и назвала „Равноапостольнымъ“.

Ярославъ I Мудрый (1019—1054 г.).

Распри между дѣтьми Владиміра. Стятополкъ Окаянный. Убіеніе Бориса и Глѣба. По смерти св. Владиміра осталось одиннадцать сыновей и одинъ усыновленный племянникъ его — Святополкъ, сынъ Ярополка I-го Святославича. При раздачѣ удѣловъ, Владиміръ далъ Святополку г. Туровъ (нынѣ мѣст. въ Минской губерніи), остальныя же области роздалъ: Изяславу—полоцкое княжество, Ярославу — новгородскій удѣлъ, Борису — ростовскій, Мстиславу — тмутараканскій *), Глѣбу — муромскій, Святославу — древлянскій и Всеволоду—Владиміръ-волынскій. Самымъ любимымъ сыномъ Владиміра былъ Борисъ, отличавшійся красотою, кротостью и благочестіемъ. Вотъ какъ говоритъ о немъ лѣтописецъ:

„Тѣломъ бяше красенъ и высокъ, лицемъ круглъ, плеча высоцѣ, въ чреслѣхъ тонокъ, очима добръ и веселъ; брада мала и усъ, младъ бо бѣ еще; свѣтясь царскы; крѣпокъ тѣ-

*) Городъ Тмутаракань находился на берегу Керченскаго пролива.

ломъ, всячески украшенъ, аки цвѣтъ въ юности своей; на ратехъ храборъ, въ совѣтѣхъ мудръ, и благодать Божія цвѣтяше на немъ". (Карамзинъ).

Неудивительно, что Святополкъ, объявившій себя послѣ смерти Владиміра великимъ княземъ кіевскимъ, боялся соперничества съ Борисомъ и рѣшился умертвить его. Въ это время ростовскій князь находился съ немногими воинами на берегу р. Альты, куда покойный отецъ посылалъ его съ кіевской дружиной для усмиренія печенѣговъ.

Подговоренные Святополкомъ убійцы ночью окружили Бориса, который, находясь въ шатрѣ и будучи увѣдомленъ о злодѣйскомъ намѣреніи брата, молился въ эти минуты за врага своего. Когда же князь, успокоенный молитвой, легъ и мужественно ожидалъ смерти, — злодѣи, думая, что онъ заснулъ, ворвались въ шатеръ, пронзили несчастнаго копьями, а затѣмъ завернули тѣло его въ наметъ и отправили къ Святополку. Послѣдній, видя, что Борисъ еще дышетъ, приказалъ двумъ варягамъ довершить убійство: одинъ изъ злодѣевъ вонзилъ мечъ прямо въ сердце князя.

Опьяненный успѣхомъ своихъ преступныхъ замысловъ, Святополкъ задумалъ истребить всѣхъ братьевъ—съ цѣлью одному владѣть Русской землей. И дѣйствительно, ему удалось совершить еще два убійства: на этотъ разъ жертвами его были князья: Глѣбъ Муромскій и Святославъ Древлянскій. Скоро, впрочемъ, за всѣ свои жестокости Святополкъ получилъ должное возмездіе: ему отомстилъ Ярославъ Новгородскій, который и положилъ конецъ его звѣрствамъ и безчеловѣчію.

Борьба Ярослава съ Святополкомъ. Узнавъ объ избіеніи братьевъ, Ярославъ, при помощи новгородцевъ и варяговъ, пошелъ на Кіевъ, но подлѣ Любеча былъ встрѣченъ дружиною Святополка, усиленною толпами печенѣговъ. Оба войска сошлись на берегу Днѣпра, и долго ни то, ни другое не рѣшалось перейти рѣку и вступить въ сраженіе. Воевода Святополка, по прозванію Волчій Хвостъ, сталъ-было трунить и насмѣхаться надъ противниками, осыпая ихъ всевозможною бранью...

„Эй вы, плотники, кричалъ онъ новгородцамъ:—зачѣмъ пришли съ вашимъ хромымъ княземъ *)? Вотъ мы васъ заставимъ рубить намъ хоромы!..“ Оскорбленные новгородцы въ ту же ночь переправились черезъ рѣку, обвязавъ, по приказанію Ярослава, головы платками, для того, чтобы въ темнотѣ можно было различать своихъ отъ непріятеля. Святополкъ, не ожидавшій такого быстраго нападенія, кутилъ въ это время съ своею дружиною; печенѣги же, стоявшіе за озеромъ, не могли подать князю своевременной помощи: такимъ образомъ войско послѣдняго потерпѣло полное пораженіе. Побѣжденный Ярославомъ, Святополкъ бѣжалъ къ тестю своему, польскому королю Болеславу Храброму, который помогъ ему снова занять Кіевъ. Но вскорѣ Болеславъ разсорился съ зятемъ и ушелъ въ Польшу. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, Ярославъ вторично напалъ на Святополка и разбилъ его на берегу р. Альты, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ былъ умерщвленъ Борисъ, князь Ростовскій. Святополкъ бѣжалъ въ Богемію и пропалъ безъ вѣсти; княженіе его продолжалось съ 1015 по 1019 г. Народъ далъ этому князю, обезславившему себя такими страшными злодѣяніями,—названіе *Окаяннаго*.

Убитые же имъ братья, Борисъ и Глѣбъ, какъ мученики, причислены церковью къ лику святыхъ.

Ярославъ и Мстиславъ Тмутараканскій. Сдѣлавшись великимъ княземъ и сѣвъ въ Кіевѣ, Ярославъ хотѣлъ было завладѣть удѣлами умершихъ братьевъ, но встрѣтилъ себѣ опаснаго соперника въ лицѣ Мстислава Тмутараканскаго, извѣстнаго въ исторіи подъ именемъ *Удалаго*, почти не знавшаго неудачъ въ своихъ военныхъ подвигахъ.

Борьба между братьями кончилась раздѣленіемъ отцовскихъ владѣній на двѣ половины, по теченію Днѣпра: Ярославъ взялъ западную, Мстиславъ—восточную часть. По смерти Мстислава, не оставившаго наслѣдниковъ, Ярославу удалось соединить обѣ половины и

*) Ярославъ отъ природы былъ хромымъ.

вновь сдѣлаться великимъ княземъ кіевскимъ (1036 г.). Въ слѣдующемъ году онъ одержалъ блестящую побѣду надъ печенѣгами и навсегда освободилъ Русскую землю отъ нападеній этихъ варваровъ.

Въ память побѣды великій князь заложилъ на мѣстѣ сраженія церковь во имя св. Софіи, затѣмъ обнесъ Кіевъ каменною стѣною и главный входъ въ ней назвалъ „Золотыми воротами“.

Внутренняя дѣятельность Ярослава. Подобно отцу своему, Владиміру Равноапостольному, Ярославъ также заботился о заселеніи пустынныхъ мѣстностей княжества и о постройкѣ на границахъ его новыхъ городовъ, въ числѣ которыхъ главнѣйшими были: Юрьевъ (Дерптъ) у Чудского озера и Ярославль—на Волгѣ.

Будучи набожнымъ, великій князь обратилъ особенное вниманіе на распространеніе христіанства между подчиненными племенами, очень любилъ духовенство, особенно монаховъ, строилъ монастыри (напр. св. Георгія и св. Ирины, въ Кіевѣ), украшалъ храмы золотомъ, серебромъ, драгоцѣнными сосудами, читалъ священныя книги, велѣлъ переводить ихъ съ греческаго на славянскій языкъ и даже, какъ говорятъ лѣтописцы, завелъ въ Новгородѣ первое народное училище, гдѣ воспитывалось до 300 мальчиковъ, преимущественно дѣтей священниковъ и старѣйшихъ. Дѣти пріобрѣтали здѣсь нужныя свѣдѣнія для вступленія въ духовный санъ или для занятія какихъ-нибудь гражданскихъ должностей. Но, заботясь о дѣлахъ церковныхъ, Ярославъ не забывалъ и дѣлъ государственныхъ. Важнѣйшимъ изъ нихъ слѣдуетъ, конечно, считать изданіе такъ называемой „*Русской Правды*“—письменныхъ законовъ на славянскомъ языкѣ, въ которыхъ опредѣлялись наказанія за различныя преступленія, напр., за убійство, воровство, побои и проч.

Такимъ образомъ, Ярославъ пользуется славою *перваго русскаго законодателя* и не даромъ заслужилъ въ лѣтописяхъ имя „Мудраго“. Въ ряду европейскихъ государей того времени онъ занималъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ и съ нѣкоторыми находился даже въ

родственныхъ связяхъ. Онъ умеръ въ 1054 г., 76-ти лѣтъ отъ роду.

Раздѣленіе Руси на удѣлы Передъ смертью, созвавъ всѣхъ своихъ сыновей, Ярославъ обратился къ нимъ съ слѣдующимъ наставленіемъ:

„Скоро не будетъ меня на свѣтѣ... Вы, дѣти одного отца и матери, должны не только называться братьями, но и сердечно любить другъ друга. Знайте, что междоусобіе, бѣдственное лично для васъ, погубитъ славу и величіе государства, основаннаго счастливыми трудами нашихъ отцовъ и дѣдовъ. Миръ и согласіе ваше утвердитъ его могущество. Изяславъ, старшій братъ, заступитъ мое мѣсто и сядетъ на престолѣ кіевскомъ: повинуйтесь ему, какъ вы отцу повиновались. Святославу даю Черниговъ, Всеволоду—Переяславль, Вячеславу—Смоленскъ, Игорю — Владиміро-Волынскую волость. Каждый да будетъ доволенъ своею частію, или старшій братъ да судитъ васъ, какъ отецъ!.. Онъ защититъ утѣсненнаго и накажетъ виновнаго“... (Карамзинъ).

Къ сожалѣнію, все время княженія сыновей Ярослава, почти около пятидесяти лѣтъ, прошло въ постоянныхъ усобицахъ, которыя продолжались не только при внукахъ, но даже и при правнукахъ *мудраго* князя.

Владиміръ Мономахъ (1113—1125 г).

Мономахъ, какъ примиритель удѣльныхъ князей. Въ числѣ внуковъ Ярослава 1-го Мудраго особенно прославился Владиміръ Всеволодовичъ, по прозванію Мономахъ. Кроткій нравомъ, правдивый, богобоязненный, храбрый воинъ, онъ заботился о сохраненіи мира и согласія среди удѣльныхъ князей, постоянно ссорившихся между собою изъ-за того, кому изъ нихъ называться *старшимъ* и княжить въ Кіевѣ. Пока происходили эти смуты и усобицы, князья не могли дѣй-

ствовать единодушно противъ общихъ ихъ враговъ—дикихъ печенѣговъ и половцевъ, которые не только безпощадно грабили Русь, сжигая цѣлые города и селенія, но и уводили толпами въ плѣнъ ея мирныхъ жителей.

Съѣздъ въ Витичевѣ. Походы на половцевъ. Примиривъ князей на общемъ ихъ съѣздѣ въ г. Витичевѣ, близь Кіева (въ 1100 году), Владиміръ Мономахъ рѣшился наказать половцевъ за ихъ грабежи и опустошенія. Съ этою цѣлью онъ предпринялъ противъ нихъ съ другими удѣльными князьями рядъ походовъ и добился-таки, что половцы прекратили свои набѣги на Русь. Вскорѣ послѣ этого князья единодушно избрали его (хотя онъ и не былъ старшимъ въ родѣ) на великокняжескій престолъ въ Кіевѣ, гдѣ онъ правилъ въ теченіе 12-ти лѣтъ (1113—1125 г.).

Личныя свойства Мономаха. На сколько этотъ князь былъ неутомимъ въ своей дѣятельности на пользу отечества—видно изъ того, что бо́льшую часть своей жизни онъ провелъ внѣ дома, спалъ часто на сырой землѣ, не заботился объ удобствахъ въ походахъ, поднимался съ постели до разсвѣта, ходилъ въ церковь, совѣтовался въ разныхъ дѣлахъ съ дружиной, творилъ судъ и расправу среди провинившихся, ѣздилъ на охоту и проч. Отличаясь необыкновенною силою и храбростью, онъ говорилъ про себя:

„На охотѣ въ лѣсахъ я вязалъ дикихъ коней вдругъ по нѣскольку; два раза буйволъ металъ меня на своихъ рогахъ, олень бодалъ, лось топталъ ногами, вепрь сорвалъ мечъ съ бедра, медвѣдь прокусилъ сѣдло, волкъ повалилъ коня подо мною, но Богъ сохранилъ меня невредимымъ“. (Иловайскій).

Родственныя связи Мономаха съ императоромъ Константиномъ. Будучи (по матери) внукомъ византійскому императору Константину, великій князь Владиміръ Всеволодовичъ сталъ по имени дѣда своего, называться *Мономахомъ* (по-русски значитъ — единоборецъ), отъ котораго впослѣдствіи достался ему драгоцѣнный вѣнецъ съ золотою цѣпью и бармами (оплечье). Эти

*

царскія украшенія, присланныя Мономаху византійскимъ императеромъ Алексѣемъ Комненомъ, до сихъ поръ хранятся въ Оружейной палатѣ, въ Москвѣ, и возлагаются на русскихъ государей въ дни ихъ священнаго коронованія.

Мономахъ-правитель. Преслѣдуя вездѣ справедливость, Владиміръ Мономахъ, помимо обереганія отечества отъ враговъ, заботился также о водвореніи правильнаго суда и порядка среди своихъ подданныхъ: установилъ штрафы („виры“) по уголовнымъ дѣламъ въ пользу обиженныхъ, опредѣлилъ размѣръ „рѣзъ“ (процентовъ) при займахъ и дополнилъ „Русскую Правду“ Ярослава Мудраго новыми постановленіями. Кромѣ того, имъ были выработаны особыя правила о торговлѣ и даже о наслѣдствѣ. Такимъ образомъ, во время княженія Владиміра Мономаха, въ Русской землѣ водворилась полная тишина: усобицы между князьями прекратились, половцы присмирѣли, города стали украшаться храмами (напр. храмъ св. Спаса во Владимірѣ Залѣсскомъ и другой—на рѣкѣ Альтѣ, на мѣстѣ убіенія Бориса)—словомъ, Русь, что́ называется, воскресла.

Смерть Мономаха и его духовное завѣщаніе. Достигнувъ преклонной старости—72-хъ лѣтъ, Владиміръ Мономахъ скончался въ 1125 году, близь Переяславля.

„Лѣтописецъ, говоря о смерти Мономаха, замѣчаетъ: преставился благовѣрный, христолюбивый и великій князь всея Руси, который какъ солнце освѣтилъ Русскую землю; слухъ о немъ пронесся по всѣмъ странамъ; особенно онъ былъ страшенъ поганымъ; былъ онъ братолюбецъ, нищелюбецъ и добрый страдалецъ за Русскую землю, и весь народъ и всѣ люди плакали о немъ, какъ дѣти по отцѣ или по матери“. (Соловьевъ).

Умирая, Владиміръ Мономахъ оставилъ дѣтямъ своимъ прекрасное духовное завѣщаніе, въ которомъ говорится, какъ они должны жить. Вотъ это завѣщаніе:

„У дверей гроба прославляю Бога, Котораго благодѣтельная десница довела меня до сихъ дней. Вамъ, дѣти мои, оставляю все то, что передали сердцу моему наставленія

моихъ отцовъ и помощь Божія. Смерть въ очахъ моихъ, но душа моя о васъ мыслитъ. Для Бога и для души своей примите въ свое сердце мое завѣщаніе. Имѣйте страхъ Божій и творите благостыню неоскудну—вотъ начало всякаго добра. Будьте чисты тѣломъ и душою. По слову Божіему, будьте кротки, умѣренны въ поступкахъ, воздержны въ пищѣ, въ питіи; трапезу совершайте тихо и безъ шума. При старыхъ молчите, премудрыхъ слушайте, начальникамъ или старѣйшимъ повинуйтесь, съ равными обходитесь ласково, безхитростно, меньшихъ васъ любите и милуйте. Въ бесѣдахъ слушайте много, а говорите мало. Никого не осуждайте, никого не оскорбляйте, даже и словомъ; смѣху излишнему не предавайтесь. Уважайте, кто васъ старѣе; отвращайтесь отъ собесѣдницъ развратныхъ; взорами около себя осматривайтесь, душою къ небесамъ возноситесь. Не гоняйтесь за молвою: кто пользу другимъ сдѣлалъ, тотъ ожидай награды отъ Бога. Дѣти мои, повторяйте мою молитву: „О, Владычица Богородица, отыми отъ слабаго моего сердца гордость и высокоуміе; да не возношусь мечтою міра сего въ суетной жизни!..“ По слову евангельскому, учитесь управлять очи, воздерживать языкъ, смирять умъ, порабощать тѣло, истреблять гнѣвъ; будьте чисты помышленіемъ; для Бога—къ добру понуждайте себя. Лишаютъ ли васъ чего—не мстите; ненавидятъ или гонятъ—терпите; злословятъ ли—молитесь... Обижаютъ ли кого—спѣшите защитить; стонетъ ли сирота—помогите; видите ли гонимую вдовицу—вступитесь и оправдайте. Убѣдитесь, дѣти мои, сколь человѣколюбивъ, сколь милостивъ Богъ!.. Мы, слабые смертные, за малѣйшую обиду готовы ближнихъ пожрать, пролить ихъ кровь; а Богъ, владѣющій смертію и жизнію, видитъ все зло наше и терпитъ до конца нашихъ дней. Чадолюбивый отецъ наказываетъ дѣтей и опять обращается къ нимъ сердечно. И Богъ намъ отецъ—чадолюбивый. Къ удаленію врага, къ побѣдѣ надъ нимъ—отъ Бога ниспосланы намъ три добрыя дѣла: покаяніе, слезы и милостыня. О, дѣти мои, легка заповѣдь сія: она въ жизни избавляетъ, по смерти—ведетъ въ небеса. Отецъ васъ проситъ именемъ Божіимъ: не забывайте сихъ трехъ добрыхъ дѣлъ!.. Ни одиночество, ни чернечество, ни голодъ... но малое дѣло снискиваетъ намъ милость Божію. Во всякое время помните Бога: каждую ночь кладите зем-

ные поклоны, а въ болѣзни хоть по три. Когда ѣздите на конѣ, и нѣтъ у васъ ни съ кѣмъ дѣла—не зная другихъ молитвъ, повторяйте про себя: „Господи помилуй“! А о нелѣпомъ не мыслите. Не предавайте никого смертной казни: не погубляйте никакой души христіанской!.. Не клянитесь именемъ Божіимъ; готовясь по какому нибудь случаю цѣловать крестъ, испытайте сперва сердце свое: устоитъ ли оно?.. Не губите души клятвопреступленіемъ. Чтите и любите духовныхъ; не устраняйтесь отъ нихъ; снабдите чѣмъ можете: они помолятся за васъ Богу. Сегодня живы, а завтра—во гробѣ... Не наше, не наше, о, Боже, все, что́ Ты намъ далъ, но Твое!.. Все, что имѣемъ, поручилъ Ты намъ на малые дни. Грѣхъ скрывать и утаивать то, что́ Богъ послалъ. Есть страдальцы, есть бѣдные—съ ними дѣлитесь“.

Воинскія правила. „На войну вышедъ, не лѣнитесь; не полагайтесь на воеводъ; не прихотничайте ни въ пищѣ, ни въ питьѣ, ни въ снѣ. Сами стражу учреждайте; сами ограждайте войско стражею. Обезопася полки, ложитесь успокоиться, но не надолго. Рано вставайте; не снимайте съ себя доспѣховъ; спите съ оружіемъ. Не лѣнитесь, разсмотрите сперва все прилежно, и тогда на враговъ нападайте. Храните себя отъ всякой внезапности: она помрачаетъ очи и разумъ; отъ внезапности гибнетъ человѣкъ. Во время похода не вдавайтесь ни въ пьянство и ни во что́, отъ чего гибнетъ душа и тѣло. Нигдѣ не позволяйте служителямъ своимъ безчинствовать; не давайте имъ въ обиду ни своихъ, ни чужихъ. Охраняйте отъ всякаго разоренія села и нивы земледѣльческія; не навлекайте на себя проклятія обиженной невинности!..“

Правила человѣколюбія въ военное время. „Куда пойдете, гдѣ остановитесь—напойте и накормите хозяина. Чтите гостя или посѣтителя, откуда бы онъ ни пришелъ, кто бы онъ ни былъ: простолюдинъ, или знатный, или вѣстникъ. Если вамъ нечѣмъ подарить пришельца, то, по крайней мѣрѣ, снабдите пищею и питіемъ. Странники, пришельцы, гости, принятые ласково и человѣколюбиво, прославятъ человѣка въ другихъ земляхъ или добрымъ, или злымъ. Посѣщайте больныхъ, ходите къ умершимъ: мы всѣ—смертные. Привѣтствуйте каждаго прохожаго поклономъ или ласковымъ словомъ“.

Правила полезнаго ученія и благочестія. „Чего не можете припомнить, то чаще перечитывайте; мнѣ не будетъ стыдно, а вамъ будетъ добро. Что знаете доброе, того не забывайте; чего добраго не знаете, тому учитесь. Лѣность есть мать всякаго зла. Лѣнивый забудетъ, что́ знаетъ; а чего не знаетъ, тому не научится. Припоминая труды, подвиги и побѣды свои, прибавляйте всегда: *Богъ намъ помогъ*. Дѣлая добро, не лѣнитесь ни въ какомъ добрѣ. Когда часъ идти въ церковь — да не застанетъ васъ солнце на одрѣ. Такъ поступалъ мой родитель, такъ поступали всѣ добрые россіяне, ревностные въ православіи. Восхваляя Бога въ заутрени, взирая по выходѣ на утреннее солнце, снова съ радостнымъ духомъ прославимъ Бога, подателя свѣта и жизни, и воскликнемъ: „Просвѣти очи мои, Христе Боже!.. Ты далъ намъ свѣтъ Твой красный!.. Еще, Господи, приложи намъ лѣто къ лѣту; еще дай намъ время—да очистимъ покаяніемъ грѣхи жизни нашей!..“ (С. Глинка).

Въ заключеніи своего завѣщанія Владиміръ Мономахъ говоритъ:

„Должность служителей моихъ я самъ отправлялъ. На войнѣ, на охотѣ день и ночь трудился я безъ отдыха. Покоились мои люди, посадники, бирючи—я не озабочивалъ ихъ. Все нужное самъ заготовлялъ. Я содержалъ распорядокъ домашній, снаряды воинскіе и охотничьи—все подъ моимъ было присмотромъ“. (С. Глинка).

Память о добродѣтельномъ и человѣколюбивомъ князѣ навсегда сохранилась въ русскомъ народѣ...

Андрей Боголюбскій (1169—1174 г.).

Возобновленіе усобицъ. Начало борьбы съ удѣлами. По смерти Владиміра Мономаха снова начинаются продолжительныя междоусобія за великокняжескій престолъ и за удѣлы: Кіевъ переходитъ изъ рукъ въ руки, и вся Русь распадается на нѣсколько отдѣльныхъ кня-

жествъ—Суздальское, Рязанское, Смоленское, Черниговское, Галицкое и др. Въ это-то время, когда, по выраженію лѣтописца, „разодралась вся Русская земля“, среди враждующихъ князей явился умный, мужественный внукъ Владиміра Мономаха, Андрей Юрьевичъ Боголюбскій. Это былъ первый русскій князь, рѣшившійся вести борьбу съ удѣлами. Глубоко понимая, что прекратить усобицы можетъ только прочная *самодержавная* власть,—онъ собственнымъ примѣромъ показалъ всю важность, все громадное значеніе ея для спокойствія княжества.

Перенесеніе столицы во Владиміръ. Не смотря на старшинство въ родѣ Мономаховичей, Боголюбскій не поселился въ Кіевѣ, а перенесъ свою столицу во Владиміръ на Клязьмѣ, который казался ему болѣе безопаснымъ со стороны внѣшнихъ враговъ (напр., половцевъ) и болѣе отдаленнымъ отъ русскихъ междоусобій. Существуетъ преданіе, почему этотъ городъ былъ избранъ княземъ столицею Суздальской области.—Возвращаясь однажды изъ Кіевской земли, Боголюбскій везъ оттуда съ собою икону Божіей Матери, писанную евангелистомъ Лукою. Не доѣзжая Владиміра, лошади князя вдругъ остановились, и никакими средствами нельзя было заставить ихъ идти дальше; запрягли другихъ—тѣ тоже стояли, какъ вкопанныя. Рѣшивъ, что это мѣсто указано самимъ Богомъ, князь построилъ тутъ церковь и село, по имени Боголюбово (въ 11 верстахъ отъ Владиміра) отчего и извѣстенъ въ исторіи подъ названіемъ Боголюбскаго.

Смерть Андрея Боголюбскаго. Будучи единодержавнымъ княземъ Суздальской земли, Боголюбскій не раздавалъ удѣловъ ни братьямъ, ни сыновьямъ, ни племянникамъ, а старался, напротивъ, подчинить своей власти и другія русскія области. Гордый, не выносившій противорѣчій, онъ былъ суровъ съ своими дружинниками и не стѣснялся наказывать, въ случаѣ ослушанія, даже своихъ приближенныхъ и родственниковъ. Въ негодованіи за такую чрезмѣрную строгость двадцать бояръ составили между собою заговоръ и рѣшились убить князя. Ночью, придя въ Боголюбово, они

зарѣзали дворцовыхъ стражниковъ и вломились въ горницы, а затѣмъ выломали дверь въ спальню, гдѣ находился въ то время Боголюбскій. Двое изъ злодѣевъ набросились на него—онъ сильнымъ ударомъ сшибъ одного съ ногъ, и товарищи въ темнотѣ убили его вмѣсто князя. Долго защищался Андрей отъ нападенія изверговъ, но, наконецъ, обезсилѣвъ, изрубленный саблями и исколотый мечами, онъ упалъ, воскликнувъ: „за что̀ проливаете кровь мою?.. Рука Всевышняго казнитъ неблагодарныхъ!..“ Разбойники, думая, что князь уже мертвъ, схватили тѣло товарища и удалились; но когда Боголюбскій, въ безпамятствѣ, не взирая на боль, вскочилъ, побѣжалъ за ними и сталъ громко взывать о помощи—они вернулись, зажгли свѣчу и, найдя князя на лѣстницѣ, отрубили ему правую руку. „Господи, въ руцѣ твои предаю духъ мой!..“ едва успѣлъ сказать несчастный и скончался (1174 г.). Заговорщики вонзили ему мечи въ сердце.

Хотя преемники Андрея Боголюбскаго и старались идти по стопамъ его, но, къ сожалѣнію, начатая борьба за единодержавіе не скоро еще пришла къ желанному концу. Этому, конечно, главнымъ образомъ помѣшало долголѣтнее татарское иго, тяготѣвшее надъ Русской землей.

Александръ Невскій (1252—1263 г.).

Характеръ Александра. Александръ Ярославичъ, великій князь Владимірскій, извѣстный подъ именемъ Невскаго, сынъ Ярослава II-го Всеволодовича, правнукъ Владиміра Мономаха, принадлежалъ къ числу замѣчательнѣйшихъ правителей Русской земли. Обладая необыкновенною храбростью, онъ былъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, чрезвычайно остороженъ и разсчетливъ. Правосудіе, которымъ онъ отличался еще въ юности, составляло главную черту его характера, мужественнаго, добраго

и благороднаго. „Отъ юныхъ лѣтъ, говоритъ лѣтописецъ, князь Александръ Ярославичъ наставленъ былъ въ благонравіи добродѣтельнымъ и державнымъ княземъ Ярославомъ II и матерью своею, великою княгинею Ѳеодосіею". Предсѣдательствуя въ совѣтѣ бояръ, молодой князь нерѣдко обращался къ нимъ съ такими наставленіями:

„Будьте недремлющими стражами законовъ: бездѣйственная добродѣтель возбуждаетъ дерзновеніе порока. Принимайте подъ защиту свою вдовъ, сиротъ, всѣхъ слабыхъ и гонимыхъ, къ правосудію вашему взывающихъ. Богъ видитъ ихъ слезы; Онъ услышитъ ихъ воздыханія; съ меня и съ васъ взыщетъ душевную ихъ скорбь. *Не познавайте лица сильнаго*: да смирится гордыня передъ вѣщаніемъ закона; малѣйшій человѣкъ и сильнѣйшій саномъ и богатствомъ равны передъ нимъ. И если я отвергну слабаго и попущу возноситься злобной гордынѣ—да обвинитъ меня передъ вами Богъ въ день судный!.." (С. Глинка).

Война со шведами. Невская побѣда. Первый подвигъ, которымъ прославилъ себя Александръ Ярославичъ, былъ совершенъ имъ на берегахъ Невы, въ 1240 году, въ то время, когда онъ еще княжилъ въ Новгородѣ.—Шведскій король, воспользовавшись нападеніемъ на Русь татарскихъ полчищъ и желая отомстить россіянамъ за частыя опустошенія въ Финляндіи,—вздумалъ было овладѣть Новгородскою областью и съ этою цѣлью послалъ къ устью р. Ижоры (притокъ Невы) большое войско, подъ начальствомъ зятя своего, Биргера. Походъ этотъ былъ предпринятъ по совѣту римскаго папы, который, въ случаѣ побѣды надъ русскими, предполагалъ обратить ихъ въ латинскую вѣру.

Надменный Биргеръ отправилъ въ Новгородъ пословъ и велѣлъ сказать Александру: „ратоборствуй со мною, если можешь; я стою уже въ землѣ твоей". Не смотря на свою молодость (Александру было тогда двадцать лѣтъ), храбрый князь ни мало не испугался угрозъ шведскаго полководца и, отпустивъ пословъ, сталъ немедленно собирать войско, чтобы выступить противъ врага. Передъ тѣмъ, какъ храбрые новгородцы должны

были двинуться въ походъ, Александръ вошелъ въ церковь св. Софіи и, упавъ на колѣни, обратился къ Богу о дарованіи ему побѣды. Принявъ затѣмъ благословеніе отъ архіепископа Спиридона, князь съ сіяющимъ лицомъ вышелъ къ своей дружинѣ и воскликнулъ: „братья и друзья!.. Не въ силѣ Богъ, но въ правдѣ!.. Съ нами Богъ!.. Никто же на ны!..“

15-го іюля, въ день св. Равноапостольнаго князя Владиміра, немногочисленное, но храброе войско Александра было уже на берегу Невы. Здѣсь-то и произошла упорная, кровопролитная битва со шведами, въ которой новгородцы явились истинными героями. Самъ князь показалъ примѣръ рѣдкаго мужества; врѣзавшись въ ряды непріятелей, онъ напалъ на Биргера и собственнымъ копьемъ „возложилъ печать на лице“ полководца. Ожесточенный бой продолжался до ночи; наконецъ, шведы не выдержали и принуждены были бѣжать, оставивъ множество убитыхъ на полѣ сраженія. Уронъ же въ княжеской дружинѣ былъ весьма незначительный. Въ память этой битвы Александръ получилъ прозваніе *Невскаго*.

Война съ нѣмцами. Ледовое побоище. Два года спустя Александру пришлось выступить противъ новаго врага —нѣмцевъ, которые, утвердившись въ Прибалтійскомъ краѣ и пользуясь нашествіемъ на Русь Батыя, стали вторгаться въ наши предѣлы и захватывать даже города въ свои руки. Такъ, они овладѣли Псковомъ и хотѣли-было идти въ Новгородъ. Въ разстояніи какихъ нибудь 30 верстъ отъ города не было отъ нихъ проѣзда русскимъ купцамъ, которыхъ они грабили и даже убивали. Въ такомъ стѣсненномъ положеніи новгородцы, съ которыми въ это время былъ въ ссорѣ Александръ и отъ которыхъ послѣ невской побѣды онъ ушелъ въ Суздальскую землю,—отправили къ князю своего архіепископа и многихъ бояръ съ просьбою придти къ нимъ на помощь. Добрый князь немедленно явился и повелъ войска противъ враговъ: прогнавъ нѣмцевъ изъ Новгородской области, онъ отнялъ у нихъ Псковъ и даже вторгся въ ихъ собственныя владѣнія. Обѣ враждующія стороны встрѣтились на льду Чудского озера и

здѣсь произошло страшное кровопролитіе, извѣстное подъ именемъ „Ледоваго побоища“ (1242 г.); оно продолжалось съ утра до поздняго вечера. Нѣмцы были разбиты на голову; Александръ съ торжествомъ возвратился во Псковъ. Всѣ жители, съ духовенствомъ во главѣ, вышли ему на встрѣчу и называли его *отцомъ* и *спасителемъ* отечества. Тронутый до слезъ, герой-князь отвѣчалъ гражданамъ:

„О, псковитяне! Если вы забудете Александра, если самые отдаленные потомки мои не найдутъ у васъ вѣрнаго пристанища въ злополучіи, то вы будете примѣромъ неблагодарности“... (Карамзинъ).

Народъ толпами стремился къ побѣдителю и, въ порывѣ радости, пѣлъ хвалебныя пѣсни.

Походы противъ литовцевъ. Не менѣе удачны были походы Александра Невскаго и противъ литовцевъ, которые въ это время стали безпокоить наши предѣлы на западѣ и также стремились овладѣть Новгородомъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней Александръ восемь разъ выступалъ противъ нихъ съ своей храброй дружиной—и каждый разъ побѣда оставалась на сторонѣ Невскаго. Обезсиленные литовцы были такъ перепуганы неудачами, что стали бояться даже одного имени русскаго князя и оставили Новгородъ въ покоѣ.

Слава о подвигахъ Александра Невскаго. Слава о подвигахъ Александра распространилась повсюду—даже и въ отдаленныхъ странахъ. Одинъ нѣмецкій князь нарочно пріѣзжалъ въ Новгородъ, чтобы только взглянуть на Невскаго и познакомиться съ нимъ. Возвратясь домой, онъ съ восторгомъ говорилъ: „много видѣлъ я странъ и царей, но не нашелъ подобнаго великому князю Александру!..“

Высокаго роста, мужественнаго сложенія, красивый собою, съ свѣтлымъ, живымъ умомъ, онъ производилъ на всѣхъ сильное впечатлѣніе. Голосъ его, звучный и пріятный, по картинному выраженію лѣтописца, *гремѣлъ какъ труба* на вѣчахъ. Даже самъ Батый, глава нахлынувшихъ на Россію татарскихъ полчищъ, услыхавъ о доблестяхъ Александра, пожелалъ видѣть его

и пригласилъ въ орду. Русскій князь очень понравился хану; послѣдній, отпуская его, надѣлилъ подарками и такъ отозвался о немъ своимъ приближеннымъ: „правду мнѣ говорили, что нѣтъ подобнаго князя!..“

Да и правду сказать: благолѣпнѣе не было въ мірѣ лица,
Да и не было также нигдѣ удальца
Супротивъ Александра... Родился онъ — самъ съ себя скинулъ сорочку,
А подросъ — такъ съ медвѣдемъ боролся потомъ въ одиночку,
И коня не сѣдлалъ: безъ сѣдла и узды,
Мчался вихремъ онъ съ нимъ отъ звѣзды до звѣзды.
Да и вышелъ же конь: сквозь огонь, черезъ воду,
Князя вынесетъ онъ, не спросившися броду.
А на вѣчѣ-то княжескій голосъ — то сила, то страсть, то мольба,
То архангела страшнаго смерти труба *).

Отношеніе Александра Невскаго къ татарамъ. Поѣздки его въ орду. Побѣждая западныхъ враговъ — шведовъ, литовцевъ и нѣмцевъ, Александръ Невскій совершенно иначе держалъ себя по отношенію къ восточнымъ варварамъ.

Онъ очень хорошо понималъ, что раздробленная, обезсиленная усобицами и татарскимъ нашествіемъ Русь не въ состояніи была бороться съ такимъ многочисленнымъ и страшнымъ врагомъ, какъ орды Батыя. Полную, безусловную покорность хану онъ считалъ единственнымъ средствомъ спасти отечество отъ совершеннаго разоренія. Вотъ почему, сдѣлавшись великимъ княземъ, Александръ довольно часто ѣздилъ въ орду съ богатыми дарами для снисканія себѣ расположенія у хана и его преемниковъ. То же самое онъ убѣждалъ дѣлать и другихъ русскихъ князей. Народъ же не вездѣ съ одинаковымъ терпѣніемъ выносилъ тяжелое иго завоевателей. Первый примѣръ неповиновенія хану подали новгородцы: они не хотѣли допустить у себя по-

*) Изъ стихотворенія Л. А. Мея: „Александръ Невскій“.

головную перепись, которую новый ханъ, Беркай, велѣлъ произвести во всѣхъ городахъ Россіи для того, чтобы опредѣлить размѣръ дани. Тогда Александръ обратился къ гражданамъ съ такою рѣчью:

„Россіяне! въ чемъ упорствуете вы?.. Чего требуютъ отъ васъ враги, гордыней удачи упоенные? Злата и сребра?.. Отошлите имъ сіи приманки — пусть способствуютъ онѣ къ разслабленію мужества и силъ ихъ... Уже иноплеменная роскошь начинаетъ водворяться въ предѣлахъ нашихъ; мы уже забываемъ неутомимую твердость Святослава, которому земля была одромъ, а пищею — простая снѣдь его ратниковъ. Витязи и богатыри русскіе, мечи булатные и крѣпость мышцъ — вотъ богатство наше; Богъ, вѣра, любовь къ отечеству и нравы праотеческіе — вотъ душа русской державы, вотъ надежнѣйшіе ея стражи!.. Доколѣ они будутъ съ нами — дотолѣ Россія въ Россіи не исчезнетъ. Нашествіе Батыя есть бѣдствіе временное; раздоръ же чадъ съ отечествомъ и оставленіе добродѣтели есть злополучіе вѣчное, истребляющее царства и народы. Михаилъ князь Черниговскій и множество другихъ великодушныхъ князей и бояръ пожертвовали собой вѣрѣ и отечеству *): они взираютъ на насъ съ высоты небесной — послѣдуемъ имъ!.. Потомки наши будутъ намъ подражать. Россія укрѣпится единодушіемъ, возстанетъ отъ ига иноплеменнаго, ополчится — и слава ея возгремитъ во всѣхъ концахъ міра!..“ (С. Глинка).

Не смотря на такія увѣщанія, новгородская чернь подняла мятежъ, убила своего посадника и стала обвинять великаго князя въ томъ, что будто бы онъ, изъ покорности татарамъ, хочетъ сдѣлать свободныхъ людей рабами варваровъ.

Раздраженный Александръ хотѣлъ-было оставить городъ на жертву хана, но новгородцы, напуганные слухами о приближеніи сильнаго татарскаго войска, смирились и принесли повинную. Вскорѣ такія же волненія стали происходить и въ другихъ городахъ Россіи — Ростовѣ, Суздалѣ, Владимірѣ, жители которыхъ, не

*) Князь Михаилъ Черниговскій былъ убитъ въ ордѣ за то, что не захотѣлъ поклониться татарскимъ идоламъ.

желая болѣе выносить притѣсненій и жестокостей откупщиковъ татарской дани, прогнали ихъ отъ себя, а нѣкоторыхъ даже убили. Узнавъ объ этомъ, ханъ Беркай рѣшилъ отомстить за убитыхъ грабителей и двинуть на Русь свои полчища, чтобы вновь разгромить ее, подобно Батыю; но Александръ, движимый безграничною любовью къ отечеству, рискуя даже собственною жизнію, немедленно отправился въ орду и упросилъ хана смиловаться надъ виновными. Этимъ была отвращена новая бѣда, которая могла обрушиться на Русь.

Смерть Александра Невскаго. Пробывъ въ ордѣ около года, Александръ на возвратномъ пути сильно занемогъ и скончался (14-го ноября 1263 г.). Когда вѣсть о печальномъ событіи пришла во Владиміръ, то митрополитъ Кириллъ, совершавшій въ то время богослуженіе, обратился къ народу и воскликнулъ: „чада моя милая!.. солнце земли Русской закатилось!..“ Никто сначала не понялъ этихъ словъ, но какъ только митрополитъ, заливаясь слезами, сказалъ: „*не стало Александра!*—народъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса и огласилъ храмъ громкими рыданіями. Всѣ присутствовавшіе на богослуженіи, и бояре, и духовенство, и другія лица, съ душевною скорбію повторяли: „погибаемъ!.. погибаемъ!..“

Тѣло безсмертнаго князя, причисленнаго къ лику святыхъ, было погребено во Владимірѣ, въ соборѣ Богородицы, откуда, уже при Петрѣ Великомъ, перенесено на берега Невы (1724 г.).

Князь преставился...
Лѣтопись молвитъ:—„Почилъ безъ страданья и муки
И безгрѣшную душу онъ ангеламъ передалъ въ свѣтлыя руки“.
. . . . . .
И почіетъ нашъ князь Александръ-Благовѣрный надъ синей Невою,
И поютъ ему вѣчную память волна за волною,
И поютъ память вѣчную всѣ побережья ему... *).

*) Изъ Стихотвореній Л. А. Мея: „Александръ Невскій“.

Димитрій Донской (1363—1389 г.).

Борьба съ ханомъ Мамаемъ. Битва на рѣкѣ Вожѣ и Куликовская битва. Димитрій Іоанновичъ, по прозванію *Донской*, великій князь московскій, праправнукъ Александра Невскаго, прославилъ себя отважною борьбою съ ханомъ Мамаемъ, предпринятою имъ съ цѣлью сверженія ненавистнаго татарскаго ига. Для усмиренія московскаго князя Мамай сталъ собирать свои силы и послалъ на него большое войско, которое, при встрѣчѣ съ русскими на берегахъ рѣки Вожи (въ Рязанской области), было разбито. Эта побѣда была первою, одержанною надъ татарами со времени вторженія ихъ въ предѣлы Россіи. Разгнѣванный Мамай рѣшился отомстить Димитрію и, вступивъ въ союзъ съ литовскимъ княземъ Ягелло, задумалъ идти на Москву. Димитрій не устрашился, однако, этого нашествія и вооружилъ противъ Мамая сильную рать, назначивъ начальниками отдѣльныхъ отрядовъ *подручныхъ* ему князей сѣверной Россіи—ростовскихъ, бѣлозерскихъ, ярославскихъ, муромскихъ и другихъ.

„Цѣлые города вооружились въ нѣсколько дней; ратники тысячами стремились отовсюду къ столицѣ. Стукъ оружія не умолкалъ въ городѣ, и народъ съ умиленіемъ смотрѣлъ на бодрыхъ воиновъ, готовыхъ умереть за вѣру и отечество. Казалось, что россіяне пробудились отъ глубокаго сна: долговременный ужасъ имени татарскаго, какъ бы отъ дѣйствія сверхъестественной силы, исчезъ въ ихъ сердцѣ. Они напоминали другъ другу славную побѣду вожскую, исчисляли всѣ бѣдствія, претерпѣнныя ими отъ варваровъ въ теченіе 150 лѣтъ, и дивились постыдному терпѣнію своихъ отцовъ. Князья, бояре, граждане, земледѣльцы были воспламенены равнымъ усердіемъ, ибо тиранство хановъ равно всѣхъ угнетало, отъ престола до хижины. Какая война была праведнѣе сей?..“ (Карамзинъ).

Передъ выступленіемъ въ походъ Димитрій Іоанновичъ, въ сопровожденіи князей и воеводъ, отправился въ Троицкую лавру — принять благословеніе отъ Сер-

гія. По разсказамъ лѣтописцевъ, игуменъ устроилъ ему трапезу, окропилъ святою водою всѣхъ военачальниковъ и предсказалъ побѣду надъ врагомъ отечества, но соединенную съ страшнымъ кровопролитіемъ. За трапезой Димитрій увидѣлъ двухъ высокихъ, мужественныхъ на видъ иноковъ, братьевъ Пересвѣта и Ослябю, бывшихъ въ міру боярами и слывшихъ за богатырей. Князь упросилъ Сергія отпустить ихъ съ нимъ на войну. Взявъ схимы и возложивъ на головы инокамъ, игуменъ сказалъ: „вотъ, возлюбленные братья, оружіе нетлѣнное!.. Да служитъ онъ вамъ вмѣсто шлемовъ!..“ Возвратясь въ Москву, Димитрій Іоанновичъ молился съ боярами св. угодникамъ, поклонился мощамъ св. Петра митрополита и обошелъ гробы предковъ своихъ, князей московскихъ, въ церкви Михаила Архангела.

Въ это время войска стояли на Красной площади, въ ожиданіи приказанія двинуться. Сѣвъ на коня, Димитрій выѣхалъ изъ кремлевскихъ воротъ вмѣстѣ съ двоюроднымъ братомъ своимъ, Владиміромъ Андреевичемъ Серпуховскимъ. Ополченіе направилось къ Коломнѣ, гдѣ былъ назначенъ общій смотръ: когда сосчитали войска—въ нихъ оказалось болѣе 150,000 человѣкъ, всадниковъ и пѣшихъ. Вся эта многочисленная рать, съ надеждою на Бога и увѣренностью въ побѣдѣ надъ врагомъ, послѣдовала за Димитріемъ. Въ 20 верстахъ отъ р. Дона, изъ передового отряда русскихъ войскъ было получено извѣстіе, что Мамай уже идетъ на встрѣчу. Великій князь немедленно собралъ на совѣтъ князей и бояръ и обратился къ нимъ съ вопросомъ: переходить ли рѣку, или ждать татаръ на этой сторонѣ? Мнѣнія были различны. Одни говорили:

„Русское воинство за рѣкой будетъ слабо; по ту сторону Дона—воспылаетъ: у всѣхъ одно будетъ помышленіе—побѣдить или умереть. Одолѣвъ татаръ, получимъ славу и миръ; потерпя отъ нихъ, умремъ всѣ вмѣстѣ. Не страшна многочисленная сила татаръ: не въ силѣ Богъ, но въ правдѣ. Ярославъ побѣдилъ Святополка, переправясь черезъ рѣку; князь Александръ Невскій — за Невою низложилъ

врага: Богъ по немъ поборалъ... И съ нами будетъ Богъ!..“ (С. Глинка).

Другіе, напротивъ, совѣтовали ждать и смотрѣть, что́ предприметъ рязанскій князь Олегъ, который, изъ боязни татарскаго погрома, прикинулся другомъ Мамая и обѣщалъ даже соединиться съ нимъ противъ Димитрія. Выслушавъ воеводъ, великій князь сказалъ:

„Братія и друзья любезные! вѣдайте, что я не пришелъ сюда ни смотрѣть Олега, ни стеречь рѣку Донъ... Или землю Русскую отъ плѣненія и разоренія избавлю, или голову свою за всѣхъ положу!... Славная смерть лучше жизни безчестной... Двинемся впередъ: за Донъ перейдемъ!.. Или сохранимъ все отъ гибели, или сложимъ головы за вѣру и землю Русскую!..“ (С. Глинка).

Какъ разъ въ это время пришла грамота отъ Сергія, который, вновь благословляя князя на бой съ Мамаемъ, совѣтовалъ ему не терять времени и немедленно ударить на врага: „поможетъ ти Богъ и Святая Богородица!“—писалъ игуменъ. Рѣшивъ переправляться, Димитрій Іоанновичъ отдалъ приказъ—искать броду для конницы и наводить мосты для пѣхоты. Ночью, 7-го сентября, наканунѣ праздника Рождества Богородицы, войска перешли рѣку и расположились на Куликовомъ полѣ, при впаденіи рѣки Непрядвы въ Донъ (Епифанскаго уѣзда, Тульской губерніи). Здѣсьто, на другой день, 8-го сентября 1380 года и произошла знаменитая битва съ татарскими полчищами. Великій князь, одушевленный любовью къ отечеству, хотѣлъ сражаться въ передовомъ полку, но бояре остановили его и сказали:

„Князь, тебѣ не должно биться впереди!.. Смотри на битву со стороны; являйся тамъ, гдѣ нужно. Если ты погибнешь—и мы пропадемъ. Береги себя: мы всѣ готовы положить головы свои за тебя, великаго князя, и за отечество. А ты вспоминай насъ и впиши имена наши въ книги на память будущихъ родовъ!..“ (С. Глинка).

Димитрій отвѣтилъ на это: „съ вами буду пить общую чашу... Гдѣ вы—тамъ и я... Скрываясь позади,

могу ли я сказать вамъ: *братья! умремъ за отечество!..* Смерть или жизнь!..“ И великій князь сдержалъ свое слово: онъ сражался какъ самый обыкновенный воинъ...

Когда былъ данъ знакъ къ общей битвѣ, татарскія скопища всею своею массою двинулись на русскую рать. Ихъ было такое множество, что *не хватало даже мѣста* для боя. Русскіе воины воскликнули: „съ нами Богъ!“ и вихремъ понеслись на встрѣчу врага. На пространствѣ десяти верстъ все поле было обагрено кровью сражавшихся; тысячи труповъ мѣшали движенію конницы; ратники задыхались отъ тѣсноты и умирали подъ конскими копытами. Наконецъ, татары стали одолѣвать (ихъ было гораздо больше) и напали на передовой полкъ, гдѣ находился Димитрій Іоанновичъ. Лошадь подъ княземъ была убита. Онъ сѣлъ на другую—убили и эту. Великій князь, шлемъ и латы котораго были изсѣчены, удалился съ побоища. Между тѣмъ татары все сильнѣе и сильнѣе тѣснили русскихъ; пѣшее войско послѣднихъ уже почти все погибло, перебитое врагомъ, и лежало, по словамъ лѣтописца, „какъ скошенное сѣно“. Князь Владиміръ Андреевичъ Серпуховскій, стоявшій въ засадѣ, видя, съ какою силою татары напираютъ на русскіе полки, обратился къ воеводѣ Димитрію Волынскому-Боброву съ слѣдующею рѣчью: „чего мы здѣсь ждемъ? Кому помогать намъ, если братья наши до конца погибнутъ? Поспѣшимъ къ нимъ и вмѣстѣ съ ними сложимъ свои головы!..“ Осторожный воевода замѣтилъ: „вижу, князь, велика бѣда!.. Но еще не пришло время...“ Русскіе воины, смотря изъ засады (изъ близь лежавшаго лѣса) на погибель братій своихъ, горѣли желаніемъ поскорѣе помочь имъ, но князь Владиміръ удерживалъ храбрецовъ, говоря: „подождемъ немного!.. Будетъ и наше время...“ Время это, наконецъ, наступило: *вѣтеръ потянулъ русскимъ въ тылъ и солнце стало татарамъ въ очи.* Тогда воевода Боброкъ воскликнулъ: „братья и друзья! дерзайте во слѣдъ за княземъ Владиміромъ Андреевичемъ!..“ Русскіе полки выскочили изъ засады и быстро бросились на татаръ. Изумленные внезапнымъ появленіемъ свѣжихъ силъ, враги въ страхѣ

бросились въ бѣгство, крича: „горе намъ!.. Русь умудрилась!..“ *).

Побѣда русскихъ была полная. Подъ вечеръ, князь Владиміръ Андреевичъ, обрадованный счастливымъ исходомъ битвы, приказалъ трубить сходъ. Въ числѣ собравшихся не было великаго князя Димитрія Іоанновича. „Гдѣ же братъ мой и *первоначальникъ* **) нашей славы?..“ спросилъ встревоженный Владиміръ. Одни говорили: „князь Димитрій живъ, но сильно раненъ“; другіе:—„мы видѣли, какъ онъ сражался палицею съ непріятелемъ“; третьи:—„при насъ бился князь съ четырьмя татарами“ и проч. Долго искали Димитрія; наконецъ, нашли его лежащимъ подъ вѣтвями срубленнаго дерева. Онъ едва дышалъ и былъ почти безъ памяти, но скоро, впрочемъ, пришелъ въ себя. Владиміръ и другіе князья помогли ему встать и, преклонивъ передъ нимъ колѣна, радостно воскликнули: „государь, ты побѣдилъ враговъ!..“

Димитрій обнялъ Владиміра и въ радостномъ настроеніи, не чувствуя изнуренія силъ, сѣлъ на коня и объѣхалъ поле, гдѣ, по вычисленію историковъ, легло до двухъ-сотъ тысячъ христіанъ и невѣрныхъ. Въ числѣ убитыхъ были и мужественные иноки Пересвѣтъ и Ослябя, изъ которыхъ первый еще до начала битвы палъ въ единоборствѣ съ татарскимъ богатыремъ Телебеемъ.

„Останавливаясь надъ трупами мужей знаменитѣйшихъ, великій князь платилъ имъ дань слезами умиленія и хвалою; наконецъ, окруженный воеводами, торжественно благодарилъ ихъ за оказанное мужество, обѣщая наградить каждаго по достоинству, и велѣлъ хоронить тѣла россіянъ. Послѣ, въ знакъ признательности къ добрымъ сподвижникамъ, онъ уставилъ праздновать вѣчно ихъ память въ субботу дмитровскую, доколѣ существуетъ Россія“. (Карамзинъ).

За побѣду, одержанную на Куликовомъ полѣ, Димитрій Іоанновичъ получилъ прозваніе *Донского*. Но

---

*) Т. е. перехитрила.
**) Выраженіе лѣтописца.

какъ ни блестяща, какъ ни славна была эта побѣда, стоившая громадныхъ жертвъ,—она все-таки не избавила наше отечество отъ тяготѣвшаго надъ нимъ татарскаго ига.

Нашествіе Тохтамыша. Смерть Димитрія Донского. Вмѣсто ризбитаго Мамая, въ ордѣ воцарился новый ханъ—Тохтамышъ, потребовавшій отъ русскихъ прежней покорности и дани. Черезъ два года послѣ Куликовской битвы онъ явился въ Московское княжество и, пользуясь тѣмъ, что у Димитрія не было на готовѣ войска, захватилъ столицу, разграбилъ ее и сжегъ. Такимъ образомъ, великій князь снова сдѣлался татарскимъ данникомъ.

Не смотря на это, Куликовская битва подняла, такъ сказать, духъ русскаго народа и показала, что татаръ можно побѣждать, если только дѣйствовать противъ нихъ общими силами. Къ сажалѣнію, Димитрію Іоанновичу не удалось покончить съ ними: онъ скончался 39-ти лѣтъ, въ полномъ цвѣтѣ силъ, такъ-какъ, по словамъ лѣтописца, былъ еще „крѣпокъ, мужественъ, тѣломъ великъ и тяжелъ зѣло“.

Іоаннъ III (1462—1505 г.).

Важнѣйшія событія при Іоаннѣ III. Іоаннъ III Васильевичъ, правнукъ Димитрія Донского, былъ князь осторожный и разсчетливый: дѣйствуя всегда сообразно съ обстоятельствами, онъ твердо и неуклонно шелъ къ намѣченной цѣли. Важнѣйшими событіями его правленія были: 1) присоединеніе къ Москвѣ самыхъ значительныхъ удѣловъ сѣверо-восточной Руси (напр. Твери, Ярослава, Ростова, Вятки и друг.); 2) покореніе Новгорода и 3) сверженіе татарскаго ига.

Раздоры партій въ Новгородѣ. Фамилія Борецкихъ. Новгородъ, какъ извѣстно, былъ въ то время самымъ богатымъ, обширнымъ и торговымъ городомъ. Всѣ важныя дѣла въ немъ рѣшались самими гражданами

на *вѣчахъ*, гдѣ обыкновенно выбирали посадниковъ, объявляли войну, заключали миръ и постановляли законы. Власть князя въ Новгородѣ была ограничена: безъ согласія вѣча онъ не могъ даже смѣнить посадника, выбраннаго народомъ. Но, „живя на всей своей волѣ“, новгородцы не съумѣли удержать у себя этихъ порядковъ: неизбѣжная вражда между сословіями повела къ тому, что бояре, напр., старались захватить всю власть исключительно въ свои руки, а простой народъ, напротивъ, заботился о своихъ правахъ и о своихъ выгодахъ. На сходкахъ, собиравшихся по звуку вѣчевого колокола, сплошь и рядомъ происходили шумъ, крикъ и безпорядки, нерѣдко оканчивавшіеся дракою, а иногда и смертоубійствомъ. Споривши стороны раздѣлялись на партіи, которыя выходили другъ на друга и рѣшали возникавшія между ними несогласія рукопашнымъ боемъ на Волховскомъ мосту. Раздоры боярскихъ партій изъ-за того, напр., кому занимать почетную должность новгородскаго посадника, такъ усилились, что враждующіе перестали обращать вниманіе на великокняжескихъ намѣстниковъ *) и даже не стѣснялись оскорблять ихъ. Въ это время особенно богатою и сильною партіею въ Новгородѣ была фамилія Борецкихъ, во главѣ которой стояла умная, рѣшительная, но крайне честолюбивая вдова посадника Марѳа Борецкая. Подкупивъ себѣ многочисленныхъ приверженцевъ (преимущественно изъ бѣднѣйшихъ классовъ населенія) съ цѣлью имѣть на своей сторонѣ возможно больше голосовъ на вѣчахъ, она задумала независимо отъ московскаго князя управлять Новгородомъ. Въ виду этого, ею былъ заключенъ союзъ съ польско-литовскимъ королемъ Казиміромъ IV, котораго вѣче признало своимъ верховнымъ государемъ и покровителемъ. Но союзъ этотъ не понравился большинству новгородскихъ гражданъ: они не хотѣли быть подданными короля-католика и постановленіе вѣча называли измѣною православію.

---

*) Намѣстники обязаны были слѣдить за порядками въ городѣ и обо всемъ сообщать въ Москву.

Битва на р. Шелони. Пользуясь такими неурядицами, Іоаннъ III рѣшилъ, наконецъ, наказать буйный городъ, и въ іюлѣ 1471 года двинулъ на него большое войско, объявивъ при этомъ, что онъ сражается съ новгородцами за отступничество ихъ отъ святой вѣры.

Передовой великокняжескій отрядъ, въ количествѣ 5,000 человѣкъ, подъ начальствомъ князя Даніила Холмскаго, встрѣтилъ новгородцевъ на берегахъ рѣки Шелони и, не смотря на численное превосходство непріятелей (отъ 30 до 40 тысячъ), нанесъ имъ сильное пораженіе. Одинъ изъ сыновей Марѳы Борецкой былъ взятъ въ плѣнъ, и Іоаннъ приказалъ казнить его съ нѣкоторыми другими боярами, принимавшими участіе въ новгородскихъ смутахъ. Новгородцы упали духомъ и просили великаго князя о мирѣ:

„Господинъ князь великій! утоли гнѣвъ свой, утиши ярость, пощади насъ, преступниковъ, не для моленія нашего, но для своего милосердія!.. Угаси огонь, палящій страну Новгородскую!.. Удержи мечъ, ліющій кровь ея жителей!..“ (Карамзинъ).

Іоаннъ согласился на миръ, но обязалъ новгородцевъ отречься отъ союза съ Казиміромъ IV, заплатить расходы за военные убытки и признать московскаго великаго князя своимъ верховнымъ судьей. Что же касается вѣчевыхъ порядковъ, то они были оставлены Іоанномъ въ прежнемъ видѣ.

Покореніе Новгорода. Спустя шесть лѣтъ, въ Новгородѣ опять стали возникать безпорядки, опять началась вражда между партіями. Дѣло дошло даже до оскорбленія самого Іоанна. Вотъ какъ это случилось. Въ 1477 г., въ Москву пріѣхали новгородскіе послы и въ своей челобитной назвали великаго князя „государемъ“, а не „господиномъ“, какъ называли прежде. Іоаннъ послалъ спросить новгородцевъ: „какого они хотятъ государства?“ По поводу этого запроса на вѣчѣ поднялся страшный шумъ; мятежники бросились на приверженцевъ Москвы и одного изъ нихъ тутъ же изрубили топорами. Другіе бояре, обвинявшіеся въ измѣнѣ, спаслись бѣгствомъ.

Узнавъ объ этомъ, Іоаннъ III предпринялъ (въ 1478 году) новый походъ на Новгородъ съ цѣлью на этотъ разъ совсѣмъ уничтожить мятежное вѣче. Граждане опять обратились къ нему съ просьбою о мирѣ, но онъ отвѣчалъ: „хочу властвовать въ Новгородѣ, какъ властвую въ Москвѣ; въ немъ не должно быть ни вѣча, ни посадника, а будетъ только одна моя государева воля". Новгородцы принуждены были смириться и признать Іоанна своимъ полновластнымъ государемъ. Вѣчевой колоколъ и Марѳа Посадница были отправлены въ Москву, зачинщики смутъ казнены и нѣсколько тысячъ новгородскихъ семей переведено въ другія области; на мѣсто же ихъ Іоаннъ переселилъ купцовъ и дѣтей боярскихъ изъ Московскаго княжества. Этимъ былъ нанесенъ послѣдній ударъ Новгороду: прежняя торговля въ немъ почти прекратилась, и онъ сдѣлался второстепеннымъ городомъ.

Сверженіе татарскаго ига. Еще болѣе важнымъ дѣломъ княженія Іоанна III было сверженіе татарскаго ига. Хотя послѣ побѣды, одержанной Димитріемъ Донскимъ на Куликовомъ полѣ, татары и продолжали еще наводить страхъ на Москву, но уже великія князья держали себя передъ ханами болѣе самостоятельно, чѣмъ прежде. Зависимость ихъ отъ Золотой орды состояла лишь въ томъ, что они посылали иногда небольшую дань ханамъ и чествовали ихъ пословъ. Да и сама орда въ это время уже значительно ослабѣла: отъ нея отдѣлились Казань и Крымъ, составившіе два совершенно самостоятельныя царства.

Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, московскій князь задумалъ, наконецъ, разомъ покончить съ татарами. И вотъ, когда новый ханъ Ахматъ прислалъ къ нему пословъ со своею *басмою* (изображеніе, портретъ хана), передъ которою великіе князья, въ знакъ уваженія и зависимости отъ хановъ, должны были становиться на колѣни и выслушивать ханскую грамоту,— Іоаннъ взялъ басму, разорвалъ ее, презрительно бросилъ на полъ и растопталъ ногами; пословъ же хана велѣлъ умертвить, кромѣ одного, которому сказалъ: „спѣши объявить царю видѣнное тобою; что́ случилось

съ его басмою, то будетъ и съ нимъ, если онъ не оставитъ меня въ покоѣ...“ Оскорбленный Ахматъ сталъ собирать войско и, заключивъ союзъ съ Казиміромъ IV, хотѣлъ напасть на Москву съ двухъ сторонъ. Іоаннъ же, въ свою очередь, обратился къ крымскому хану Менгли-Гирею, заклятому врагу Ахмата, и убѣдилъ его двинуться въ Литву, чтобы отвлечь силы Казиміра и помѣшать ему соединиться съ ордою, а самъ пошелъ противъ Ахмата. Враги встрѣтились на берегахъ р. Угры, но ни то, ни другое войско не рѣшалось перейти рѣку и вступить въ битву. Когда же наступили морозы и Угра стала покрываться льдомъ,—Іоаннъ, съ свойственной ему осторожностью и разсчетливостью, сталъ отступать, увѣренный, что татары, не привыкшіе къ холоду, не будутъ преслѣдовать его. Ахматъ, получившій тѣмъ временемъ извѣстіе о совершенномъ разореніи орды русскими, обратился въ бѣгство, но былъ убитъ однимъ изъ татарскихъ князей—тюменскимъ ханомъ Ивакомъ. Вскорѣ орда окончательно пала: послѣдній ударъ нанесъ ей вѣрный союзникъ Іоанна, крымскій ханъ Менгли-Гирей, которымъ и разрушено Кипчакское царство (въ 1502 г.). Такъ прекратилось монгольское иго, но вредные слѣды татарщины, какъ, напр., грубость нравовъ, жестокія пытки и наказанія, свойственныя дикимъ народностямъ, къ сожалѣнію, еще долго жили на Руси, и память о нихъ до сихъ поръ сохранилась въ нашей исторіи.

Москва при Іоаннѣ III. Покоривъ Новгородъ и свергнувъ татарское владычество, Іоаннъ III сдѣлался самодержавнымъ и неограниченнымъ правителемъ Русской земли.—Заботясь объ украшеніи своей столицы каменными зданіями, онъ выписалъ въ Москву многихъ иностранныхъ художниковъ и мастеровъ, между которыми былъ особенно знаменитъ итальянскій архитекторъ Аристотель Фіоравенти, строитель Успенскаго собора. Въ то же время были построены каменные Архангельскій и Благовѣщенскій соборы, великокняжескій дворецъ, Грановитая палата (для торжественныхъ придворныхъ церемоній), новыя стѣны съ башнями около Кремля и, наконецъ, каменныя крѣпости въ другихъ городахъ.

Въ числѣ же выдающихся мастеровъ, вызванныхъ Іоанномъ III, были: Иванъ Фрязинъ, бывшій *денежникомъ*, т. е. чеканщикомъ монеты, и Иванъ Дебосисъ, отлившій громадныхъ размѣровъ Царь-пушку, которая до сихъ поръ существуетъ въ Кремлѣ.

Женитьба Іоанна на Софіи Палеологъ. По смерти первой супруги своей, Маріи Тверской, Іоаннъ III вступилъ во второй бракъ съ племянницею послѣдняго греческаго императора, Софіею Палеологъ, вслѣдствіе чего къ московскому гербу, на которомъ изображался Георгій Побѣдоносецъ, былъ присоединенъ гербъ царей греческихъ—двуглавый орелъ. Такимъ образомъ, великій князь сдѣлался какъ бы преемникомъ византійскихъ императоровъ.

„Судебникъ" Іоанна III. Необходимо еще упомянуть объ изданіи Іоанномъ III такъ называемаго *Судебника**) (въ 1497 г.), который былъ составленъ дьякомъ Гусевымъ на основаніи знаменитой „Русской Правды" и судныхъ грамотъ другихъ русскихъ князей. По этому *Судебнику* всѣ дѣла должны были рѣшаться не единоличнымъ судомъ, а при участіи выборныхъ изъ лучшихъ людей.

За уголовныя преступленія („лихія дѣла") назначалась смертная казнь, за менѣе важныя, напр., за воровство—публичное наказаніе кнутомъ. Судьи, при рѣшеніи каждаго дѣла, получали съ подсудимыхъ извѣстное вознагражденіе или *пошлину*; посулы (взятки) были строго запрещены, а если кто провинялся въ этомъ—того велѣно „проклинать по торгамъ во всѣхъ городахъ Московской и Новгородской земли", чтобы имена виновныхъ были извѣстны всему княжеству.

Смерть Іоанна III. Іоаннъ III Васильевичъ скончался на 66-мъ году отъ рожденія, достигнувъ почти полнаго объединенія подъ своею властью всей сѣверо-восточной Руси. Будучи независимымъ правителемъ, онъ сталъ называть себя самодержцемъ и даже царемъ. Это видно изъ слѣдующихъ словъ одной грамоты: „Божіею ми-

---

*) По нынѣшнему—Судебный уставъ.

лостію господарь Рускія земли, великій князь Иванъ Васильевичъ, *царь* всея Руси". Но титулъ этотъ былъ окончательно утвержденъ лишь за внукомъ его, Іоанномъ Грознымъ.

Іоаннъ IV Грозный (1533—1584 г).

Правленіе Елены Глинской. По смерти великаго князя Василія III-го Іоанновича вступилъ на престолъ сынъ его, Іоаннъ IV, извѣстный подъ именемъ *Грознаго.* За малолѣтствомъ Іоанна, управленіе дѣлами государства приняла на себя мать его, Елена Васильевна Глинская, женщина хотя умная и съ рѣшительнымъ характеромъ, но, къ сожалѣнію, слишкомъ довѣрявшая боярамъ, въ числѣ которыхъ особенною жестокостью отличался князь Телепневъ-Оболенскій, пользовавшійся большою властью при московскомъ дворѣ. Благодаря его происканъ, пострадали даже братья покойнаго Василія III-го, Юрій и Андрей, обвиненные въ желаніи играть первую роль въ государствѣ: они были заключены въ темницу, гдѣ и скончались. Та же участь постигла и дядю Елены—Михаила Глинскаго. По смерти Елены, правленіе которой продолжалось пять лѣтъ, погибъ, наконецъ, и самъ Оболенскій: онъ умеръ въ тюрьмѣ, уморенный голодомъ.

Правленіе бояръ. Дѣтство Іоанна. Восьмилѣтній Іоаннъ остался, такимъ образомъ, на попеченіи бояръ, которые совсѣмъ не заботились о его воспитаніи и, самовластно управляя государственными дѣлами, нисколько не думали о благѣ и безопасности Россіи: расхищали казну, грабили и притѣсняли народъ. Грубымъ своимъ обхожденіемъ съ малолѣтнимъ княземъ, мальчикомъ живымъ и впечатлительнымъ, они достигли того, что ожесточили его сердце. Іоаннъ дѣлалъ все, что́ только приходило ему въ голову: мучилъ животныхъ, давилъ по улицамъ Москвы народъ, наѣзжая на встрѣчавшихся,—и бояре не только не искореняли въ немъ этихъ дурныхъ наклонностей, а, напротивъ, поощряли его къ

подобнымъ дикимъ забавамъ, называя ихъ удальствомъ. Все это дѣлалось для того, чтобы отклонить Іоанна отъ всякаго вмѣшательства въ дѣла управленія и самимъ безпрепятственно распоряжаться судьбою Московскаго княжества. Скоро, впрочемъ, боярамъ пришлось каяться въ своихъ поступкахъ: будучи еще тринадцатилѣтнимъ отрокомъ, Іоаннъ показалъ имъ свою власть и свое могущество. Первымъ, пострадавшимъ за свои грабежи и беззаконія, былъ гордый правитель Андрей Шуйскій: преданный, по повелѣнію Іоанна, въ жертву псарямъ, онъ былъ растерзанъ на улицѣ. Съ его смертью кончилось при дворѣ господство Шуйскихъ, и мѣсто ихъ заняли дяди государя, князья Глинскіе.

Вѣнчаніе на царство. Бракъ Іоанна. Достигнувъ 16-ти лѣтъ, Іоаннъ, по совѣщаніи съ митрополитомъ Макаріемъ, созвалъ къ себѣ бояръ и высшее духовенство и объявилъ имъ о намѣреніи своемъ *вѣнчаться на царство* и вступить въ бракъ.

„Уповая на милость Божію и на святыхъ заступниковъ земли Русской (сказалъ Іоаннъ, обращаясь къ митрополиту), имѣю намѣреніе жениться: ты, отче, благословилъ меня. Первою моею мыслію было—искать невѣсту въ другихъ царствахъ; но разсудивъ основательнѣе, отлагаю сію мысль. Во младенчествѣ лишенный родителей и воспитанный въ сиротствѣ, могу не сойтися нравомъ съ иноземкою: будетъ-ли тогда супружество счастіемъ? Желаю найти невѣсту въ Россіи, во волѣ Божіей и твоему благословенію“.

Митрополитъ отвѣтствовалъ:

„Самъ Богъ внушилъ тебѣ намѣреніе столь вожделѣнное для твоихъ подданныхъ!.. Благословляю тебя именемъ Отца небеснаго“... (Карамзинъ).

Принявъ титулъ *царя*, Іоаннъ IV былъ первымъ изъ русскихъ государей, на котораго, во время коронованія, были возложены вѣнецъ и золотыя бармы, принадлежавшія нѣкогда византійскому императору Константину Мономаху. Вскорѣ послѣ того молодой царь женился на дочери сокольничьяго Романа Юрьевича Захарьина, Анастасіи Романовнѣ—дѣвушкѣ умной, цѣломудренной, набожной, которая съумѣла снискать къ

себѣ горячую любовь своего супруга. Между тѣмъ дѣлами государства попрежнему завѣдывали бояре.

„Глинскіе, подобно Шуйскимъ, дѣлали что̀ хотѣли именемъ юноши-царя: наслаждались почестями, богатствомъ и равнодушно смотрѣли на невѣрность частныхъ властителей—требовали отъ нихъ раболѣпства, а не справедливости. Кто уклонялся передъ Глинскими, тотъ могъ смѣло давить пятою народъ; быть ихъ слугою—значило быть господиномъ въ Россіи. Намѣстники не знали страха—и горе угнетеннымъ, которые мимо вельможъ шли къ государю съ жалобами“!.. (Карамзинъ).

Пожаръ и мятежъ въ Москвѣ. Но вскорѣ случилось событіе, которое, наконецъ, заставило Іоанна удалить бояръ и самому приняться за дѣла правленія. Событіе это—большой московскій пожаръ (1547 г.), истребившій чуть-ли не весь городъ, причемъ сгорѣло до 1,700 человѣкъ, кромѣ младенцевъ. Въ отсутствіе Іоанна, находившагося въ это время въ ближнемъ селѣ Воробьевѣ, вспыхнулъ мятежъ: чернь обвиняла въ поджогѣ родственниковъ царя—Глинскихъ. Одинъ изъ братьевъ этихъ всевластныхъ правителей, спасаясь отъ народной ярости, хотѣлъ-было скрыться въ Успенскомъ соборѣ, но толпа нашла его тамъ и умертвила, имущество же погибшаго было разграблено. Мятежники явились въ Воробьево и стали требовать выдачи остальныхъ Глинскихъ. Іоаннъ въ негодованіи приказалъ казнить зачинщиковъ. Мятежъ утихъ.

Сильвестръ и Адашевъ. Это печальное событіе сильно подѣйствовало на молодого царя: онъ оставилъ праздный образъ жизни, забавы, потѣхи и все свое вниманіе обратилъ на дѣла государственныя. Главными помощниками и совѣтниками ему въ этомъ были: протопопъ придворнаго Благовѣщенскаго собора Сильвестръ и одинъ изъ царскихъ спальниковъ, Алексѣй Адашевъ,—человѣкъ хотя и незнатнаго происхожденія, но съ добрымъ сердцемъ и въ высшей степени справедливый. Впослѣдствіи онъ былъ возведенъ въ санъ окольничьяго.

Первый Земскій соборъ. Прошло два года. Іоаннъ, пожелавъ всенародно объявить, что онъ теперь самъ правитъ царствомъ, созвалъ въ Москву выборныхъ людей отъ разныхъ сословій государства и въ одинъ воскресный день, выйдя въ сопровожденіи духовенства и бояръ на Красную площадь, обратился сперва къ митрополиту, а потомъ и къ народу съ слѣдующею рѣчью:

„Святый владыко: знаю усердіе твое ко благу и любовь къ отечеству: будь же мнѣ поборникомъ въ моихъ благихъ намѣреніяхъ. Рано Богъ лишилъ меня отца и матери, а вельможи не радѣли о мнѣ: хотѣли быть самовластными, моимъ именемъ похитили саны и чести, богатѣли неправдою, тѣснили народъ—и никто не претилъ имъ. Въ жалкомъ дѣтствѣ своемъ я казался глухимъ и нѣмымъ, и не было обличенія въ устахъ моихъ. Вы, вы дѣлали, что́ хотѣли, злые крамольники, судьи несправедливые! Какой отвѣтъ дадите намъ нынѣ? Сколько слезъ, сколько крови отъ васъ пролилось? Я чистъ отъ сея крови!.. А вы ждите суда небеснаго!..“ Поклонившись на всѣ стороны, государь продолжалъ:

„Люди Божіи и намъ Богомъ дарованные! молю вашу вѣру къ Нему и любовь ко мнѣ: будьте великодушны!.. Нельзя исправить *минувшаго* зла: могу только *впредь* спасать васъ отъ подобныхъ притѣсненій и грабительствъ. Забудьте, чего уже нѣтъ и не будетъ!.. Оставьте ненависть, вражду; соединимся всѣ любовію христіанскою. Отнынѣ я судія вашъ и защитникъ“. (Карамзинъ).

Въ тотъ же день Іоаннъ поручилъ Адашеву принимать челобитныя отъ бѣдныхъ, сиротъ и отъ всякаго обиженнаго, и сказалъ ему:

„Алексѣй! ты не знатенъ и не богатъ, но добродѣтеленъ. Ставлю тебя на мѣсто высокое—не по твоему желанію, но въ помощь душѣ моей, которая стремится къ такимъ людямъ: да утолите ея скорбь о несчастныхъ, коихъ судьба мнѣ ввѣрена Богомъ!.. Не бойся ни сильныхъ, ни славныхъ, когда они беззаконствуютъ. Да не обманутъ тебя и ложныя слезы бѣднаго, когда онъ въ зависти клевещетъ на богатаго. Все рачительно испытывай и доноси мнѣ истину, страшася единственно суда Божія“... (Карамзинъ).

Слушая юнаго царя, народъ плакалъ отъ умиленія.

Новый „Судебникъ“ и Стоглавъ. За все время, пока Сильвестръ и Адашевъ находились при Іоаннѣ,—было совершено не мало полезныхъ дѣлъ для государства: составленъ, напр., новый „Судебникъ“, болѣе полный и обстоятельный, чѣмъ Судебникъ Іоанна III, а затѣмъ былъ созванъ такъ называемый *духовный соборъ*, на которомъ обсуждались различные вопросы, касающіеся церкви и духовенства въ Россіи. Соборъ этотъ, по числу изданныхъ имъ статей или главъ (100), извѣстенъ подъ именемъ *Стоглаваго*.

Покореніе Казани. Самымъ же важнымъ дѣломъ, предпринятымъ въ это время Іоанномъ, было покореніе Казани. Съ самаго основанія Казанскаго царства, здѣшніе татары постоянно нападали на пограничныя русскія земли, занимались грабежемъ и уводили даже въ плѣнъ мирныхъ жителей—словомъ, „допекали Русь хуже Батыева нашествія“. Іоаннъ, рѣшивъ покончить съ Казанью, самъ повелъ на нее въ 1552 г. многотысячное войско (150,000 чел.) и осадилъ городъ.

Казанцы мужественно защищались. Наконецъ, по прошествіи шести недѣль, рѣшено было идти на приступъ. Подъ стѣны города, между тѣмъ, были сдѣланы подкопы, куда вкатили нѣсколько десятковъ бочекъ съ порохомъ. Какъ только произошелъ взрывъ и часть городской стѣны рухнула,—русскія войска, воскликнувъ: „съ нами Богъ“! со всѣхъ сторонъ бросились на казанцевъ. Татары, по свидѣтельству одного изъ московскихъ воеводъ, князя Андрея Курбскаго, встрѣтили враговъ выстрѣлами изъ пищалей, осыпали ихъ стрѣлами, обливали кипяткомъ и бросали въ нихъ бревнами. Не смотря на это, войска наши ворвались въ городъ и завладѣли царскимъ дворцомъ. Послѣ отчаянной схватки татары, наконецъ, были побѣждены. Выведя царя своего Едигера на башню, они обратились къ русскимъ воеводамъ съ слѣдующими словами: „пока наше царство стояло—мы бились на смерть за царя и отечество; теперь отдаемъ вамъ царя живымъ—ведите его къ своему царю“... Едигеръ, какъ плѣнникъ, былъ отправленъ къ Іоанну Грозному...

Покоривъ Казань и торжественно вступивъ въ нее въ сопровожденіи бояръ и войска, Іоаннъ велѣлъ священникамъ совершить крестный ходъ вокругъ города и окропить дома и улицы святою водою. Затѣмъ онъ заложилъ здѣсь соборную церковь Благовѣщенія, назначилъ намѣстника и возвратился въ Москву. Народъ радостно привѣтствовалъ царя, цѣловалъ у него ноги, руки и восклицалъ: „многая лѣта царю благочестивому, побѣдителю варваровъ, избавителю христіанъ"!..

Присоединеніе Астрахани. Вскорѣ послѣ взятія Казани было присоединено къ Москвѣ (1556 г.) и другое татарское царство—Астраханское, возникшее на мѣстѣ разрушенной Сарайской или Золотой орды.

Смерть Анастасіи. Перемѣна въ характерѣ Іоанна. Не смотря на счастливыя завоеванія, Іоаннъ, лишившись любимой супруги своей, кроткой и добродѣтельной Анастасіи Романовны, которая постоянно удерживала его отъ гнѣва,—опять вдругъ сильно перемѣнился: давъ полную волю своей подозрительности и вспыльчивости, онъ сталъ безпощадно ссылать и казнить и праваго, и виноватаго. Прежніе любимцы и совѣтники, Сильвестръ и Адашевъ, были удалены отъ двора: первый былъ сосланъ въ Соловецкій монастырь, а второй отправленъ воеводою въ Ливонію, гдѣ вскорѣ и умеръ. Родственники и друзья ихъ также пострадали: кто подвергся опалѣ, кто казненъ. Оставшись безъ руководителей, не стѣсняемый ничьими совѣтами, Іоаннъ проводилъ время въ пирахъ, порочныхъ забавахъ и сдѣлался особенно жестокъ съ боярами, которые продолжали отстаивать свои древнія права и тѣмъ какъ бы стѣсняли его самодержавную власть.

Курбскій. Больше всего вознегодовалъ Іоаннъ противъ московскаго воеводы князя Андрея Курбскаго, который, проигравъ въ войнѣ съ поляками одну незначительную битву, бѣжалъ отъ страха царской немилости въ Польшу и въ рядахъ непріятельскихъ сталъ сражаться съ своими соотечественниками.

Это страшно раздражило Іоанна. Разсказываютъ, что когда слуга Курбскаго, Шибановъ, привезъ отъ

него царю укорительное письмо въ жестокости, то Іоаннъ будто бы вонзилъ Шибанову въ ногу острый наконечникъ своего костыля и, опершись на послѣдній, прослушалъ письмо до конца. Шибановъ не двинулся съ мѣста—не показалъ даже виду, что онъ испытываетъ страшную боль. Іоаннъ велѣлъ казнить несчастнаго слугу. Правда, Курбскій скорбѣлъ впослѣдствіи о своей измѣнѣ, но... было уже поздно.

Отъѣздъ Іоанна изъ Москвы. Послѣ измѣны нѣкогда любимаго Курбскаго, Іоаннъ сталъ еще подозрительнѣе, чѣмъ прежде: ему казалось, что онъ со всѣхъ сторонъ окруженъ предателями и заговорщиками. Въ такомъ мрачномъ настроеніи духа царь со всѣмъ семействомъ и свитою неожиданно выѣхалъ изъ Москвы и поселился въ Александровской слободѣ, въ ста верстахъ отъ столицы; отсюда онъ написалъ митрополиту и народу о своемъ намѣреніи отречься отъ престола, такъ-какъ не желаетъ имѣть дѣла съ измѣнниками. Народъ встревожился, плакалъ и просилъ митрополита, чтобы онъ умолилъ Іоанна не оставлять государства. Митрополитъ, въ сопровожденіи нѣкоторыхъ бояръ и высшаго духовенства, отправился въ Александровскую слободу и сообщилъ царю мольбу народа. Іоаннъ смягчился и сказалъ, что онъ не покинетъ государства, но съ условіемъ, чтобы ему не мѣшали казнить тѣхъ, которыхъ онъ признаетъ злодѣями и измѣнниками.

Опричнина. Вотъ въ это-то время и была учреждена въ Россіи страшная *опричнина*, отъ которой досталось не однимъ боярамъ. Опричники составляли особенный придворный кружокъ людей, выбранныхъ самимъ Іоанномъ: поступая на службу къ царю, они отрекались не только отъ родственниковъ и друзей своихъ, но даже отъ отца и матери и клялись быть вѣрными и преданными волѣ только одного государя. Число всѣхъ опричниковъ простиралось впослѣдствіи до 6,000 человѣкъ. Они безнаказанно буйствовали и притѣсняли мирныхъ жителей подъ видомъ усердія къ службѣ и любви къ царю. Въ Александровской слободѣ стали происходить частыя пытки и казни, причемъ погибло

не мало невинныхъ жертвъ. Всѣ были въ страхѣ и трепетали за свою жизнь и имущество.

Опала митрополита Филиппа. Одинъ только митрополитъ Филиппъ (бывшій соловецкій игуменъ, изъ рода бояръ Колычевыхъ), отличавшійся святостью жизни и твердой волей, не стѣснялся порицать поведеніе царя и злодѣйства опричниковъ. Іоаннъ даже избѣгалъ встрѣчаться съ нимъ, не желая выслушивать *печалованій* *) Филиппа за опальныхъ гражданъ. Нерѣдко между митрополитомъ и царемъ происходили въ церкви слѣдующія сцены:

— Только молчи, одно говорю тебѣ: молчи, отецъ святой! говорилъ Іоаннъ, едва сдерживая свой сильный гнѣвъ:— молчи и благослови насъ!..

— Наше молчаніе грѣхъ на душу твою налагаетъ и смерть наноситъ!.. отвѣчалъ Филиппъ.

— Ближніе мои встали на меня, ищутъ мнѣ зла... Какое дѣло тебѣ до нашихъ царскихъ совѣтовъ?..

— Я пастырь стада Христова!..

— Филиппъ! не прескословь державѣ нашей, чтобы не постигъ тебя гнѣвъ мой, или лучше оставь митрополію!..

— Я не просилъ, не искалъ чрезъ другихъ, не подкупомъ дѣйствовалъ для полученія сана!.. Зачѣмъ ты лишилъ меня пустыни?.. (Иловайскій).

Эти прямыя и смѣлыя обличенія до того, наконецъ, разгнѣвали Іоанна, что онъ лишилъ Филиппа его сана и велѣлъ заточить въ тверской Отрочъ-монастырь, гдѣ потомъ задушилъ владыку свирѣпый опричникъ Малюта Скуратовъ (1569 г.).

Разгромъ Новгорода. Разсвирѣпѣвшій Іоаннъ никого не щадилъ въ порывахъ своей ярости—не только отдѣльныхъ лицъ, но даже иногда и цѣлые города. Когда, напр., его убѣдили, что будто бы новгородцы, тяготясь московскимъ владычествомъ, хотятъ подчиниться польскому королю—Іоаннъ, сопровождаемый опричниками и стрѣльцами, немедленно явился въ Новгородъ и сталъ

*) *Печалованіе*—ходатайство, заступничество.

безжалостно производить тамъ свой судъ и расправу. Къ царю ежедневно приводили по нѣскольку сотъ человѣкъ, которыхъ сначала подвергали различнымъ пыткамъ (били палками, жгли огнемъ), а потомъ бросали въ Волховъ; для того же, чтобы никто не могъ спастись—стрѣльцы ѣздили въ лодкахъ и закалывали тѣхъ, которые еще оставались въ живыхъ. Не избѣгли гнѣва Іоанна и духовныя лица—игумены, монахи, священники и даже самъ архіепископъ Пименъ, котораго царь, по навѣту опричниковъ, считалъ измѣнникомъ.

Разгромъ Новгорода продолжался въ теченіи шести недѣль. По возвращеніи въ Москву, Іоаннъ велѣлъ произвести строгое слѣдствіе о новгородскихъ безпорядкахъ. Въ числѣ соучастниковъ оказались многіе московскіе бояре и дворяне, которые и были казнены.

Уничтоживъ такими жестокими мѣрами всякое сопротивленіе своей власти, Іоаннъ сдѣлался вполнѣ неограниченнымъ государемъ и заслужилъ въ исторіи имя *тирана*. Въ народныхъ же пѣсняхъ и сказаніяхъ онъ прозванъ *Грознымъ*.

Покореніе Сибири. Ермакъ. Послѣднимъ важнымъ событіемъ царствованія Іоанна IV-го было присоединеніе къ Россіи обширнаго Сибирскаго царства, завоеваннаго донскими казаками подъ начальствомъ Ермака, Горсть удальцевъ (съ небольшимъ 800 человѣкъ), благодаря своему мужеству и огнестрѣльному оружію, котораго не было у покоренныхъ народностей,—пробралась въ неизвѣстную дотолѣ страну и завладѣла столицею татарскаго хана Кучума—городомъ Искеромъ или Сибирью, на берегу р. Иртыша. Въ слѣдующемъ же году (1582 г.). Ермакъ отправилъ атамана своего Ивана Кольцо съ нѣсколькими казаками въ Москву и приказалъ имъ бить челомъ Іоанну всѣмъ Сибирскимъ царствомъ.

Посланные привезли съ собою дорогіе мѣха: соболей, чернобурыхъ лисицъ, бобровъ и проч. Іоаннъ милостиво принялъ подарки, наградилъ пословъ, а Ермаку послалъ кольчугу и богатую шубу съ своихъ плечъ, называя его при этомъ въ особой грамотѣ си-

*

бирскимъ княземъ. Для окончательнаго занятія покоренной земли былъ отправленъ туда отрядъ московскаго войска, подъ начальствомъ двухъ воеводъ. Но вскорѣ, по прибытіи ихъ въ Сибирь, Ермакъ погибъ: спасаясь отъ преслѣдованія Кучума, который ночью напалъ на спящихъ казаковъ, расположившихся на одномъ изъ островковъ р. Иртыша,—онъ бросился въ воду, чтобы переплыть на другой берегъ (лодку отнесло волной на середину рѣки), но тяжелая кольчуга тянула его ко дну; отважный атаманъ, выбившись изъ силъ, утонулъ (1584 г.).

Кончина Іоанна IV. Въ годъ смерти Ермака умеръ и Іоаннъ Грозный процарствовавъ слишкомъ 50 лѣтъ. Въ послѣднее время онъ чувствовалъ себя очень плохо: пытки и казни оставили глубокій слѣдъ на его совѣсти. Особенно терзался онъ по любимомъ сынѣ Іоаннѣ, котораго убилъ въ запальчивости своимъ желѣзнымъ жезломъ. Передъ смертью онъ сдѣлался, впрочемъ, немного бодрѣе и захотѣлъ даже съиграть въ шахматы (это было любимое развлеченіе Грознаго), но, занимаясь размѣщеніемъ фигуръ на доскѣ, вдругъ упалъ и скончался. Престолъ его долженъ былъ перейти къ сыну, Ѳеодору.

Борисъ Годуновъ и междуцарствіе (1598—1613 г.).

Возвышеніе Годунова. Вступившій на престолъ московскій по смерти Іоанна Васильевича Грознаго сынъ его, Ѳеодоръ Іоанновичъ, по слабости своего здоровья и кроткому, мягкому характеру, не чувствовалъ себя склоннымъ къ занятіямъ государственными дѣлами. Будучи человѣкомъ набожнымъ, онъ преимущественно посвящалъ себя дѣламъ религіи. Всѣ заботы правленія были имъ возложены на *верховную боярскую думу*, въ числѣ членовъ которой ближе всѣхъ къ царю стоялъ шуринъ его (братъ супруги Ѳеодора—Ирины), умный и хитрый Борисъ Ѳеодоровичъ Годуновъ. Быстрое воз-

вышеніе Годунова, не русскаго по происхожденію (предокъ Бориса былъ татарскій мурза, поступившій въ московскую службу въ XIV вѣкѣ),—не могло, конечно, нравиться большинству бояръ и особенно такой знатной фамиліи, какъ князья Шуйскіе. Но эти опасные соперники были скоро устранены Годуновымъ: Борисъ повелъ дѣло такъ, что ихъ обвинили въ измѣнѣ и вмѣстѣ съ друзьями и единомышленниками отправили въ другіе города въ заточеніе. Такимъ образомъ, еще при жизни Ѳеодора Іоанновича, бывшаго царемъ только по имени, управленіе дѣлами государства всецѣло лежало на Годуновѣ, который называлъ себя сыномъ „ближняго великаго боярина“ и пользовался громадною властью.

Годуновъ-правитель. По утвержденіи окончательнаго господства русскихъ въ сибири, Борисъ первымъ долгомъ обратилъ вниманіе на нашу торговлю съ европейскими державами (особенно съ англичанами), для чего заложилъ на Бѣломъ морѣ Архангельскую пристань, куда могли приходить иностранныя купеческія суда. Избѣгая войнъ съ сосѣдними народами, онъ заботился лишь о сохраненіи въ цѣлости русскихъ предѣловъ и съ этою цѣлью построилъ на южныхъ окраинахъ государства рядъ новыхъ крѣпостей, (Бѣлгородъ, Осколъ, Валуйки и друг.). Въ 1589 г., по желанію царя Ѳеодора Іоанновича, Борисъ учредилъ въ Россіи патріаршество: первымъ, принявшимъ этотъ высшій духовный санъ, былъ преданный Борису митрополитъ Іовъ. Затѣмъ, важнымъ правительственнымъ распоряженіемъ Годунова должно признать такъ-называемое прикрѣпленіе къ землѣ сельскаго сословія, т. е. запрещеніе крестьянамъ переходить съ одного мѣста на другое, какъ это дѣлалось во времена удѣловъ, когда крестьяне были вольными земледѣльцами. Будучи почти неограниченнымъ правителемъ въ государствѣ, хитрый и предусмотрительный Годуновъ, тѣмъ не менѣе, сильно тревожился за судьбу московскаго престола по смерти бездѣтнаго Ѳеодора. Онъ предвидѣлъ опасность, грозившую ему въ случаѣ воцаренія брата послѣдняго—Димитрія, который воспитывался, подъ над-

зоромъ матери своей Маріи Нагой, въ Угличѣ и на котораго народъ привыкъ уже смотрѣть какъ на преемника бездѣтному Ѳеодору. Годуновъ задумалъ, во что̀ бы то ни стало, самъ сдѣлаться царемъ, чего и достигъ при содѣйствіи своихъ приверженцевъ.

Убіеніе царевича Димитрія. 15-го мая 1591 г. разнесся вдругъ по государству слухъ, что царевичъ Димитрій убитъ ударомъ ножа въ горло и что посланные Годуновымъ злодѣи были немедленно растерзаны жителями Углича. Наряженное по этому дѣлу слѣдствіе не привело ни къ чему: Ѳеодору донесли, что царевичъ, въ припадкѣ падучей болѣзни, самъ закололъ себя ножемъ и что Битяговскій, Качаловъ и Волоховъ *) невинно сдѣлались жертвами народной ярости. Царь очень сокрушался о смерти брата и, по совѣту Бориса, велѣлъ наказать угличанъ за самоуправство: однихъ казнили, другихъ сослали въ Сибирь, въ г. Пелымъ, а царицу Марію, которая могла мѣшать замысламъ Годунова, постригли, подъ именемъ Марѳы, въ монахини. Не всѣ, однако, давали вѣру донесенію слѣдователей: народная молва прямо указывала на Бориса, какъ на виновника ужасной смерти царевича.

Кончина Ѳеодора Іоанновича. Отреченіе царицы Ирины отъ престола. Наступилъ 1598 г.—годъ кончины Ѳеодора Іоанновича. Говорятъ, что умирающій на вопросъ патріарха и бояръ, кому онъ поручаетъ царство, отвѣчалъ: „предоставляю все на волю Господню“. Между тѣмъ, согласно духовной грамотѣ покойнаго, вся Москва немедленно присягнула его кроткой супругѣ, Иринѣ Ѳеодоровнѣ.

Ѳеодоръ Іоанновичъ былъ послѣднимъ царемъ изъ дома Рюрика. По кончинѣ Ѳеодора, Ирина не пожелала быть правительницею государства, потрясеннаго печальнымъ событіемъ—убіеніемъ царевича Димитрія, и тотчасъ же удалилась въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ постриглась въ монахини.

Избраніе Годунова въ цари. Патріархъ Іовъ предло-

*) Убійцы Димитрія.

жилъ народу избрать на престолъ брата царицы, Бориса; доховенство, бояре и многіе изъ московскихъ гражданъ отправились къ Годунову и просили его принять корону. Но дальновидный Борисъ отказался отъ этой великой чести: на самомъ же дѣлѣ онъ хотѣлъ, чтобы избраніе его въ цари сопровождалось большею торжественностью, чтобы не одна Москва участвовала въ этомъ избраніи, но и другіе города прислали отъ себя выборныхъ людей.

Послѣ вторичнаго отказа Годунова—принявъ вѣнецъ Мономаха, патріархъ Іовъ, съ крестнымъ ходомъ, въ сопровожденіи громадной массы народа, отправился въ Новодѣвичій монастырь, гдѣ въ то время находился Годуновъ, и со слезами умолялъ царицу-инокиню—благословить на царство Бориса, между тѣмъ стоявшая вблизи монастыря толпа плакала и поминутно кланялась въ землю. Согласившись быть царемъ, Борисъ вернулся въ Москву, гдѣ и совершилъ обрядъ коронованія.

Царствованіе Бориса Годунова. Въ первые годы царствованія Годунова никакихъ перемѣнъ въ управленіи не произошло. Борисъ продолжалъ идти по слѣдамъ предшественника своего, Ѳеодора Іоанновича: былъ такъ же остороженъ, нерѣшителенъ, не хотѣлъ вмѣшиваться въ раздоры сосѣднихъ державъ и не заботился о расширеніи границъ государства. Вмѣстѣ съ тѣмъ строилъ города въ покоренной Сибири и переводилъ туда поселенцевъ (купцовъ, ремесленниковъ и друг.); питая большое расположеніе къ иностранцамъ, учредилъ при дворѣ отрядъ нѣмецкихъ тѣлохранителей, которымъ далъ хорошее содержаніе; вызывалъ изъ за-границы художниковъ, предполагалъ учредить вездѣ школы для обученія иностраннымъ языкамъ и, наконецъ, хотѣлъ породниться съ датскимъ принцемъ Іоанномъ, за котораго помолвилъ дочь свою, Ксенію. По пріѣздѣ въ Россію, принцъ этотъ вскорѣ скончался.

Казалось бы, что всѣ эти правительственныя заботы Бориса должны были возбудить къ нему расположеніе его подданныхъ. На самомъ же дѣлѣ этого не было: причиною тому служила излишняя подозрительность,

съ которою Борисъ сталъ относиться почти ко всѣмъ окружающимъ, благодаря ходившимъ въ народѣ слухамъ объ участіи его въ убійствѣ царевича Димитрія. Пользуясь такою слабостью Годунова, нѣкоторые изъ приближенныхъ и слугъ, къ которымъ онъ благоволилъ, стали дѣлать доносы и вооружать царя противъ знатныхъ фамилій въ государствѣ. Начались пытки, заточенія и даже тайныя убійства, наводившія страхъ и уныніе на гражданъ. Первый пострадалъ при этомъ бывшій воспитатель убитаго царевича, Богданъ Бѣльскій: онъ былъ обвиненъ въ злодѣйскихъ замыслахъ противъ Бориса и сосланъ въ Сибирь; затѣмъ подверглись преслѣдованію братья Романовы, племянники Анастасіи Романовны (супруги Іоанна Грознаго), по обвиненію ихъ въ намѣреніи отравить царя. Годуновъ повѣрилъ доносу и велѣлъ заточить Романовыхъ въ отдаленныхъ мѣстахъ; старшій же братъ, Ѳеодоръ Никитичъ, подъ именемъ Филарета, былъ постриженъ въ монахи и сосланъ на сѣверъ, въ Сійскій Антоніевъ монастырь, гдѣ за нимъ учредили строгій надзоръ.

Въ это время страну посѣтило страшное несчастіе—голодъ, продолжавшійся три года. Борисъ, желая снискать къ себѣ любовь народа, употреблялъ всѣ средства къ облегченію постигшаго его бѣдствія: раздавалъ щедрую милостыню, доставалъ бѣднымъ работу, строилъ для нихъ новыя жилища и даже помогалъ имъ деньгами изъ своей и государственной казны. Раздача денегъ, къ сожалѣнію, не принесла ничего хорошаго: она только умножила число нищихъ и бродягъ въ государствѣ, которое и безъ того уже сильно страдало отъ разбойничьихъ шаекъ, состоявшихъ большею частью изъ бѣглыхъ крестьянъ, недовольныхъ прикрѣпленіемъ ихъ къ землѣ. Въ довершеніе всѣхъ несчастій, въ народѣ стали ходить упорные слухи, что царевичъ Димитрій не убитъ, что онъ спасенъ и скоро потребуетъ отъ Бориса похищенный имъ престолъ по смерти Ѳеодора. Слухи эти дѣйствительно оправдались.

Появленіе самозванца. Въ Литвѣ, у одного изъ польскихъ пановъ, князя Адама Вишневецкаго, явился вдругъ человѣкъ, который на исповѣди объявилъ, что онъ

никто иной, какъ Димитрій, сынъ Іоанна Грознаго, скрывшійся отъ преслѣдованій Годунова. Многіе, напротивъ, увѣряли, что это былъ бѣглый монахъ Чудова монастыря, Григорій Отрепьевъ. Какъ бы то ни было, Вишневецкій, друзья его и даже самъ король, Сигизмундъ III, повѣрили самозванцу и признали его русскимъ царевичемъ. Одинъ изъ польскихъ воеводъ, нѣкто Юрій Мнишекъ, хотѣлъ даже выдать за него свою дочь, красавицу Марину, если только Лжедимитрій будетъ царемъ московскимъ. Словомъ сказать, всѣ обстоятельства благопріятствовали замысламъ самозванца. При помощи пановъ и духовенства (іезуитовъ), которые, въ случаѣ успѣха, надѣялись ввести въ Россіи католическую вѣру, самозванецъ собралъ слишкомъ полторы тысячи польскаго войска (преимущественно изъ шляхтичей—бѣдныхъ дворянъ) и, соединившись съ казаками, пошелъ на Москву.

Смерть Бориса. Низверженіе Годуновыхъ. Вскорѣ распространилась вѣсть, что царь Борисъ внезапно скончался (1605). Народъ увидѣлъ въ этой смерти кару Божію и хотя присягнулъ юному сыну Годунова, Ѳеодору, но затѣмъ сталъ переходить на сторону самозванца. Примѣру народа послѣдовало все московское войско, подъ начальствомъ Басманова. Годуновы были низвержены: нашлись изверги, которые задушили Ѳеодора Борисовича вмѣстѣ съ матерью. Убитые были схоронены у монастыря св. Варсонофія на Срѣтенкѣ, куда перевезли и прахъ вырытаго изъ могилы Бориса, погребеннаго ранѣе въ Архангельскомъ соборѣ. Несчастная же Ксенія была отправлена въ домъ одного изъ убійцъ—князя Мосальскаго.

Царствованіе и низложеніе самозванца. Между тѣмъ самозванецъ торжественно вступилъ въ столицу и сѣлъ на московскій престолъ: мать убитаго царевича Димитрія, Марфа, напуганная угрозами пытки, признала Отрепьева своимъ сыномъ. Царствованіе самозванца продолжалось, впрочемъ, недолго: около одиннадцати мѣсяцевъ. 17 мая 1606 года, въ четыре часа утра, въ Москвѣ, по звуку набатнаго колокола, вспыхнуло возстаніе: подъ предводительствомъ князя Василія Шуй-

скаго, бояре и большая толпа народа ворвались въ Кремль, схватили Лжедимитрія и подвергли его допросу. Этимъ временемъ пришло извѣстіе, что Марѳа отрекается отъ самозванца и сознается въ своемъ невольномъ обманѣ. Тогда дворяне Иванъ Воейковъ и Григорій Валуевъ немедленно застрѣлили Отрепьева. Трупъ его былъ выставленъ на „Лобномъ мѣстѣ“, подвергнутъ поруганію, а затѣмъ сожженъ за Серпуховскими воротами.

Василій Шуйскій и Тушинскій воръ. Царемъ былъ избранъ Шуйскій. Вскорѣ появился изъ Литвы новый самозванецъ, извѣстный подъ именемъ *Тушинскаго вора* (отъ села Тушина, въ 12 верстахъ отъ Москвы, гдѣ расположенъ былъ его лагерь), но ему не удалось завладѣть московскимъ престоломъ: онъ былъ убитъ на охотѣ. Шуйскому также не посчастливилось: по прошествіи 4-хъ лѣтъ своего царствованія онъ былъ низложенъ и постриженъ въ монахи (1610 г.).

Семибоярщина. Правительственная власть перешла къ *Боярской Думѣ*, называвшейся, по числу ея членовъ (7), *Семибоярщиной*. Въ это время поляки, овладѣвшіе Москвой, пользуясь безначаліемъ и неурядицей, безчисленными шайками ходили по Россіи и безпрепятственно грабили и жгли все, что̀ попадалось имъ подъ руку. При такихъ печальныхъ обстоятельствахъ бояре пожелали выбрать царемъ польскаго королевича Владислава, вслѣдствіе чего и отправили къ отцу его, Сигизмунду, осаждавшему въ то время Смоленскъ, торжественное посольство съ просьбою отпустить сына на царство, но съ условіемъ, чтобы Владиславъ принялъ православную вѣру. Во главѣ посольства находился, между прочимъ, ростовскій митрополитъ Филаретъ, бывшій бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ. Сигизмундъ, мечтавшій присоединить Россію къ Польшѣ и ввести въ ней католичество, не отпустилъ Владислава: онъ самъ хотѣлъ сѣсть на московскій престолъ. Понятно, что такіе замыслы возбудили въ Москвѣ общій ропотъ и особенно встревожили духовенство: патріархъ Гермогенъ, неоднократно требовавшій избранія въ цари кого-нибудь изъ русскихъ вельможъ,—сталъ

разсылать по городамъ грамоты, призывая народъ къ возстанію на защиту православія и независимости отечества. Грамоты эти произвели желанное дѣйствіе: изъ разныхъ областей государства собралось до 100,000 ратныхъ людей, которые подъ начальствомъ рязанскаго дворянина Прокопія Ляпунова и двинулись къ Москвѣ. Въ составѣ ополченія было также нѣсколько казацкихъ отрядовъ, предводимыхъ княземъ Димитріемъ Трубецкимъ, Иваномъ Заруцкимъ и другими атаманами.

Узнавъ объ ополченіи, занимавшіе Москву поляки заключили Гермогена подъ стражу въ Чудовомъ монастырѣ и лишили его возможности дѣйствовать на народъ путемъ воззваній. Между тѣмъ въ русскомъ войскѣ стали происходить распри среди предводителей: гордый, энергичный и неуступчивый Ляпуновъ вооружилъ противъ себя Заруцкаго тѣмъ, что сталъ преслѣдовать казаковъ за буйство и грабежи мирныхъ жителей. Изъ ненависти къ Ляпунову казаки рѣшились наконецъ, убить его. Со смертію главнаго вождя ополченіе разстроилось. Этимъ временемъ Сигизмундъ взялъ Смоленскъ, храбрый защитникъ котораго Шеинъ былъ подвергнутъ поляками пыткамъ и отправленъ, въ качествѣ военно-плѣннаго, въ Польшу. Туда же были препровождены и послы, которые вели съ Сигизмундомъ переговоры объ избраніи Владислава на московское царство. Въ довершеніе всѣхъ бѣдъ, шведскій полководецъ Делагарди овладѣлъ Новгородомъ; въ Псковѣ же появился третій Лжедимитрій. Положеніе Россіи было, такимъ образомъ, поистинѣ ужасное... „И было тогда (говоритъ одно сказаніе) такое лютое время гнѣва Божія, что люди не чаяли впредь себѣ спасенія. Чуть не вся земля Русская опустѣла, и прозвали старики наши это лютое время *„лихолѣтьемъ“*.

Освобожденіе Москвы отъ поляковъ. Мининъ и Пожарскій. Въ такіе-то тяжкіе для Россіи годы всеобщихъ смутъ и неурядицы,—великую, незабвенную услугу въ борьбѣ съ врагомъ оказала Троице-Сергіевская лавра, съумѣвшая поднять упавшій духъ русскаго народа и возбудить въ ратныхъ людяхъ готовность постоять за родную вѣру и отечество. Архимандритъ лавры Діони-

сій и келарь Авраамій Палицынъ разсылали для этой цѣли по всѣмъ областямъ государства увѣщательныя грамоты, которыя, передаваясь изъ города въ городъ, производили въ массахъ сильное одушевленіе. Вотъ одна изъ такихъ грамотъ, посланная лѣтомъ 1611 г. еще при жизни Прокопія Ляпунова:

„Православные христіане! вспомните истинную православную христіанскую вѣру, что всѣ мы родились отъ христіанскихъ родителей, знаменались печатію, святымъ крещеніемъ, обѣщались вѣровать во св. Троицу; возложите упованіе на силу креста Господня и покажите подвигъ свой, молите служилыхъ людей, чтобъ быть всѣмъ православнымъ христіанамъ въ соединеніи и стать сообща противъ вѣчныхъ враговъ христіанства, польскихъ и литовскихъ людей. Сами видите конечную отъ нихъ погибель всѣмъ христіанамъ, видите, какое разоренье учинили они въ Московскомъ государствѣ: гдѣ святыя Божіи церкви и Божіи образа? гдѣ иноки, сѣдинами цвѣтущіе, инокини, добродѣтелями украшенныя? Не все ли до конца разорено и обругано злымъ поруганіемъ: не пощажены ни старики, ни младенцы грудные? Помяните и смилуйтесь надъ видимою общею смертною погибелью, чтобъ васъ самихъ та же лютая не постигла смерть. Пусть служилые люди безъ всякаго мѣшканія спѣшатъ къ Москвѣ, въ сходъ къ боярамъ, воеводамъ и ко всѣмъ православнымъ христіанамъ. Сами знаете, что всякому дѣлу одно время надлежитъ, безвременное же всякому дѣлу начинаніе суетно и бездѣльно бываетъ. Хотя бы и были въ вашихъ предѣлахъ какія неудовольствія—для Бога отложите все это на время, чтобъ всѣмъ вамъ сообща потрудиться для избавленія православной христіанской вѣры, пока къ врагамъ помощь не пришла. Смилуйтесь, сдѣлайте это дѣло поскорѣе, ратными людьми и казною помогите, чтобъ собранное теперь здѣсь подъ Москвою войско отъ скудости не разошлось“. (Соловьевъ).

Одна изъ разосланныхъ троицкихъ грамотъ пришла въ Нижній-Новгородъ и была прочитана протопопомъ Саввою въ мѣстномъ соборѣ. Многіе, слушая ее, плакали. По выходѣ изъ церкви, народъ толпился на площади и разсуждалъ о постигшихъ его бѣдствіяхъ. Но

вотъ на паперти показался земскій староста (по нынѣшнему—городской голова). Козьма Захарычъ Мининъ-Сухорукій—общій любимецъ нижегородцевъ, отличавшійся умомъ, добротою и справедливостью. Это былъ статный, здоровый, почтенныхъ лѣтъ и представительной наружности мужчина, промышлявшій мясною торговлею въ городѣ. Всѣ бросились къ нему, желая слышать отъ него разумное слово по поводу присланной грамоты. Уговаривая гражданъ вступиться за вѣру и отечество, Мининъ сказалъ: „Православные! коли захотимъ помочь Московскому государству—не пожалѣемъ ничего: продадимъ дома свои, заложимъ женъ и дѣтей и соберемъ казну на жалованье ратнымъ людямъ“. Рѣчь эта понравилась нижегородцамъ. Но такъ какъ, кромѣ денегъ, необходимыхъ для столь великаго дѣла, нуженъ былъ еще и искусный воевода, то Мининъ посовѣтовалъ народу обратиться къ князю Димитрію Михайловичу Пожарскому, который жилъ тогда въ своемъ помѣстьѣ, въ Суздальскомъ уѣздѣ (въ 120-ти верстахъ отъ Нижняго-Новгорода) и долечивался тамъ отъ ранъ, полученныхъ имъ въ битвахъ съ поляками при разореніи Москвы. Пожарскій согласился принять начальство надъ ополченіемъ, но съ условіемъ, чтобы нижегородцы нашли достойнаго человѣка, которому бы можно было довѣрить завѣдываніе общественною казною. По указанію Димитрія Михайловича, общимъ приговоромъ былъ выбранъ для этой цѣли Козьма Мининъ-Сухорукій.

Вѣсть о патріотическомъ движеніи въ Нижнемъ-Новгородѣ быстро распространилась и по другимъ городамъ: со всѣхъ сторонъ стали сходиться служилые люди и присылаться денежныя пожертвованія. Наконецъ, составилось многочисленное ополченіе, которое и двинулось на освобожденіе столицы отъ ненавистнаго врага. Поляки сильно встревожились и потребовали, чтобы находившійся у нихъ въ заключеніи патріархъ Гермогенъ уговорилъ нижегородцевъ не ходить къ Москвѣ. Но благочестивый служитель церкви Христовой отвергъ это требованіе, сказавъ: „да будутъ благословенны тѣ, которые идутъ для очищенія Москов-

скаго государства, а вы, измѣнники, будьте прокляты!“ Оскорбленные враги уморили за это патріарха голодомъ.

Когда нижегородское ополченіе подвигалось къ столицѣ,—стоявшіе подъ Москвой казаки, успѣвшіе уже присягнуть новому самозванцу (3-й Лжедимитрій), пытались неоднократно помѣшать этому движенію. Попытки эти, однако, не удались. Тогда казацкій атаманъ Заруцкій рѣшился подослать убійцъ къ князю Пожарскому, остановившемуся на нѣкоторое время въ Ярославлѣ съ главнымъ войскомъ для осмотра пушекъ. Злодѣи подкрались къ Димитрію Михайловичу въ толпѣ народа; одинъ изъ нихъ хотѣлъ ударить князя ножемъ, но промахнулся и попалъ въ ногу своему товарищу. Убійцы были схвачены и во всемъ сознались; Заруцкій же ушелъ со своими шайками на юго-востокъ Россіи. Подойдя къ Москвѣ, Пожарскій сразился съ малороссійскимъ гетманомъ Ходкѣвичемъ, который привелъ съ собою значительное подкрѣпленіе на помощь польскому гарнизону, засѣвшему въ Кремлѣ и Китай-городѣ. Три дня продолжался упорный, ожесточенный бой; Ходкѣвичъ потерпѣлъ пораженіе и принужденъ былъ удалиться изъ-подъ столицы. Вслѣдъ за симъ Пожарскій приступилъ къ осадѣ Кремля съ цѣлью окончательнаго очищенія его отъ врага, запершагося тамъ подъ начальствомъ полковника Струса. Томимые страшнымъ голодомъ, поляки, наконецъ, рѣшились сдаться. Хотя король Зигизмундъ и поспѣшилъ къ нимъ на помощь, но, узнавъ, что дѣло ихъ проиграно,—воротился назадъ. Мининъ и Пожарскій торжественно вступили въ Москву... Такимъ образомъ, благодаря энергіи и усиліямъ истинныхъ патріотовъ и общей готовности народа „встать какъ одинъ человѣкъ“ на защиту родной вѣры и отечества,—государство наше было спасено отъ внѣшнихъ враговъ. Благодарная Россія поставила Минину и Пожарскому памятникъ въ Москвѣ, на Красной площади.

Михаилъ Ѳеодоровичъ (1613—1645 г.).

Подвигъ Сусанина. Михаилъ Ѳеодоровичъ, сынъ боярина Ѳеодора Никитича Романова, племянника Анастасіи Романовны, первой супруги Іоанна Васильевича Грознаго, передъ избраніемъ на царство, жилъ съ матерью своею, инокинею Марѳою, въ Ипатьевскомъ монастырѣ, близь Костромы. Поляки, узнавъ, что его хотятъ избрать на престолъ московскій, страшно вознегодовали и рѣшились, во что́ бы то ни стало, погубить Михаила. Съ этою цѣлью одинъ изъ вражескихъ отрядовъ отправился къ Ипатьевской обители, но на дорогѣ, злоумышленниковъ, встрѣтилъ крестьянинъ села Домнина Иванъ Сусанинъ, который, вызвавшись быть проводникомъ, завелъ ихъ въ непроходимый лѣсъ и пожертвовалъ своею жизнію для спасенія царя.

Избраніе Михаила Ѳеодоровича на царство. Положивъ избрать на царство Михаила Ѳеодоровича Романова, великій земскій соборъ (выборные люди всей Русской земли, съѣхавшіеся въ Москву) отправилъ къ нему посольство изъ высшихъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ, въ числѣ которыхъ были: рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, келарь Троицкаго монастыря Авраамій Палицынъ, бояринъ Ѳедоръ Ивановичъ Шереметевъ и мн. друг. Прибывъ въ Кострому, послы, въ сопровожденіи многочисленнаго народа, съ хоругвями и чудотворными иконами, при колокольномъ звонѣ, направили шествіе къ Ипатьевской обители. Марѳа съ сыномъ вышли на встрѣчу священной процессіи, приняли благословеніе отъ архіепископа, приложились къ иконамъ и затѣмъ послѣдовали въ соборную монастырскую церковь во имя Живоначальныя Троицы. Здѣсь, послѣ молебна, послы вручили Михаилу Ѳеодоровичу грамоту объ избраніи его на царство. Испуганный Михаилъ отказался отъ этого предложенія. Марѳа же, вся въ слезахъ, обратилась къ посламъ съ слѣдующими словами:

„Нѣтъ, я и слышать о семъ не могу!.. Сынъ мой молодъ, неопытенъ: ему ли поднять бремя царской власти? Подкрѣп-

ляясь Божіей помощью, я переносила собственныя скорби, заточеніе темничное; но не перенесу, если, къ бѣдствію народному, отпущу сына моего на царство. Не юношѣ, а мужамъ испытаннымъ предстоитъ трудный подвигъ въ сіе злополучное время. Отецъ Михаила обремененъ тяжкою неволею въ странѣ польской: враги отомстили ему за избраніе сына... Богомъ свидѣтельствуюсь: ни мнѣ, ни сыну моему не приходила никогда мысль о царскомъ вѣнцѣ. Я воспитывала Михаила для жизни мирной; я учила его терпѣнію и заранѣе приготовляла къ бѣдамъ и напастямъ"... (С. Глинка).

Видя непреклонность Марѳы, архіепископъ Ѳеодоритъ взялъ икону Пресвятой Богородицы, написанную митрополитомъ Петромъ, и въ сопровожденіи келаря Авраамія Палицына, державшаго образъ великихъ чудотворцевъ Петра, Алексія и Іоны, подойдя къ матери избраннаго народомъ царя, сказалъ ей и Михаилу:

„Ради образа Пресвятой Богоматери, ради великихъ святителей повинуйтесь, сотворите повелѣнное вамъ отъ Бога!.. Не нами—вы Богомъ избраны".. Рыдавшая мать взяла тогда сына за руку, благословила его и воскликнула: „Се Тебѣ отъ Бога, Матерь Пресвятая Богородица!.. Владычица, въ пречистыя Твои руцѣ чадо мое предаю!.. По волѣ Своей устрой полезное ему и всему православному христіанству". (С. Глинка).

Михаилъ Ѳеодоровичъ принялъ врученный ему царскій посохъ—и въ храмѣ тотчасъ же раздалось торжественное многолѣтіе новому царю. Всѣ присутствовавшіе въ церкви, въ знакъ поздравленія, подходили къ его рукѣ. Прибывъ въ Москву, Михаилъ Ѳеодоровичъ короновался (11-го іюля 1613 г.). Во время этого торжества были объявлены разныя царскія милости: напр., князю Пожарскому, бывшему прежде стольникомъ, данъ былъ санъ боярина, а Козьма Мининъ пожалованъ въ дворяне и награжденъ помѣстьемъ.

Заботы царя объ успокоеніи государства. Трудно было юному государю установить порядокъ на Руси, разоренной въ періодъ *междуцарствія* и находившейся въ самомъ бѣдственномъ состояніи. Первымъ долгомъ

созванный земскій соборъ, отъ имени царя, разослалъ во всѣ главные города грамоты съ просьбою—прислать въ Москву денегъ, хлѣба и другихъ запасовъ для раздачи войску, которому предстояло еще не мало дѣла въ борьбѣ съ внутреннимъ и внѣшнимъ врагомъ. Началось немедленное истребленіе казацкихъ шаекъ, которыя своими грабежами и разбоями наводили повсюду страхъ на мирныхъ жителей. Мало-по-малу шайки эти были уничтожены и предводители ихъ казнены. Въ числѣ послѣднихъ находился и атаманъ Заруцкій, который, засѣвъ съ Мариною Мнишекъ въ юго-восточныхъ областяхъ Руси, заставлялъ народъ присягать ея маленькому сыну (отъ Лжедимитрія II-го), а самого себя объявлялъ правителемъ государства. Наконецъ, онъ былъ пойманъ на р. Яикѣ (Уралѣ) и посаженъ въ Москвѣ на колъ; Марина умерла въ тюрьмѣ; сына же ея повѣсили за Серпуховскими воротами.

Борьба съ внѣшними врагами. Что касается внѣшнихъ враговъ, шведовъ и поляковъ, то съ ними были заключены мирные договоры, хотя Россіи и пришлось при этомъ потерпѣть нѣкоторые убытки: мы должны были уступить королю Густаву-Адольфу земли по Финскому заливу, а въ рукахъ поляковъ оставили старинный русскій городъ Смоленскъ. Въ силу *Деулинскаго* договора (заключеннаго въ селѣ Деулинѣ, въ 3-хъ верстахъ отъ Троицко-Сергіевской лавры) королевичъ Владиславъ освободилъ изъ плѣна митрополита Филарета, почти девять лѣтъ страдавшаго на чужой сторонѣ. Разсказываютъ, что при встрѣчѣ съ своимъ родителемъ царь упалъ къ его ногамъ: Филаретъ, въ свою очередь, также поклонился сыну до земли. Оба они плакали...

Филаретъ въ санѣ патріарха, какъ соправитель царя. По возвращеніи митрополита Филарета въ Москву, ему немедленно былъ предложенъ санъ патріарха, принятый имъ лишь по единодушнымъ мольбамъ сына и всего народа (1619 г.). Опытный въ государственныхъ дѣлахъ, Филаретъ до самой смерти своей былъ полнымъ руководителемъ Михаила и, такъ сказать, „со-

царствовалъ съ сыномъ", который, по мягкости характера и сыновней преданности, во всемъ подчинялся совѣтамъ мудраго наставника. Даже въ государственныхъ грамотахъ того времени имена отца и сына были нераздѣльны; обыкновенно писали: „Государь царь и великій князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Русіи и великій государь святѣйшій патріархъ Филаретъ Никитичъ Московскій и всея Русіи указали..."

Въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича Романова были возобновлены прерванныя въ смутную эпоху дружественныя сношенія съ иностранными державами (напр. съ Персіею, Англіей), при чемъ московское правительство въ первый разъ обмѣнялось посольствами съ французскимъ дворомъ. Обращено было также вниманіе на просвѣщеніе и на развитіе въ Россіи заводскаго дѣла: устроены заводы для литья пушекъ близь Тулы, на рр. Костромѣ, Вагѣ, Шескнѣ и, наконецъ, въ Москвѣ—стеклянный заводъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ женатъ два раза: на Маріѣ Владиміровнѣ Долгорукой и на Евдокіи Лукьяновнѣ Стрѣшневой. Отъ второго брака родился сынъ Алексѣй, которому, по смерти Михаила, послѣдовавшей 12 іюня 1645 г., и присягнула вся Россія.

Алексѣй Михайловичъ (1645—1676 г.).

Бояринъ Морозовъ. Внутреннія смуты. Алексѣй Михайловичъ, по своему мягкому, добродушному характеру, во многомъ напоминалъ отца, царя Михаила Ѳеодоровича. Вступивъ на престолъ 15-лѣтнимъ юношей, онъ на первыхъ порахъ подчинился вліянію воспитателя своего, боярина Морозова, который и сдѣлался ближайшимъ его совѣтникомъ. Къ сожалѣнію, Морозовъ злоупотреблялъ своимъ высокимъ положеніемъ въ государствѣ и, не обращая почти никакого вниманія на дѣла правленія, заботился лишь о сохраненіи своей власти. Народъ страдалъ отъ тяжелыхъ

налоговъ и повинностей (между прочимъ была наложена пошлина на соль), правители притѣсняли слабыхъ—неудивительно, что это производило ропотъ и неудовольствіе, сперва, конечно, въ Москвѣ, а потомъ и въ другихъ городахъ. Возмутившаяся московская чернь такъ вознегодовала на Морозова, главнаго попустителя всѣхъ несправедливостей, что разграбила домъ боярина и требовала даже его выдачи. Но царь поспѣшилъ спасти своего воспитателя, тайно отправивъ его въ Кирилловъ-Бѣлозерскій монастырь, откуда Морозовъ хотя и возвратился потомъ въ Москву, но уже не занималъ болѣе своего прежняго мѣста—правителя.

Соборное уложеніе. Когда мятежъ утихъ и въ столицѣ все успокоилось—государь, посовѣтовавшись съ духовенствомъ и боярами, поручилъ князьямъ Одоевскому, Прозоровскому, Волконскому и дьякамъ Леонтьеву и Грибоѣдову выписать разныя статьи изъ постановленій отцовъ церкви, изъ греческихъ законовъ, изъ указовъ прежнихъ государей и составить изъ этихъ статей особый сборникъ, которымъ бы можно было руководствоваться при вершеніи разныхъ дѣлъ. Такъ создалось извѣстное „*Уложеніе*“ царя Алексѣя Михайловича, утвержденное земскимъ соборомъ изъ выборныхъ людей отъ разныхъ сословій. „*Уложеніе*“ это было прочитано въ Грановитой палатѣ и скрѣплено подписями 315 членовъ собора, въ 1649 году. Оно состоитъ изъ 967 статей, раздѣленныхъ на 25 главъ. Вотъ нѣкоторыя заглавія „Уложенія“: „О богохульныхъ и о церковныхъ мятежникахъ“, „О государской чести и какъ его государское здравіе оберегати“, „О службѣ всякихъ ратныхъ людей“, „О судѣ“, „О помѣстныхъ земляхъ“, „О вотчинахъ“ и проч.

Главнѣйшія событія царствованія. Въ числѣ выдающихся событій царствованія Алексѣя Михайловича были слѣдующія: 1) бунтъ донского казака Стеньки Разина, казненнаго въ Москвѣ, въ 1671 году; 2) исправленіе церковно-служебныхъ книгъ патріархомъ Никономъ и возникновеніе раскола; 3) присоединеніе къ Россіи

Малороссіи (въ 1654 году, въ гетманство Богдана Хмѣльницкаго) и 4) войны съ Польшею и Швеціей.

Бояринъ Матвѣевъ. Наталья Кирилловна Нарышкина. Женитьба царя. Въ послѣдніе годы своей жизни царь Алексѣй Михайловичъ былъ особенно расположенъ къ боярину Артамону Сергѣевичу Матвѣеву, ближайшему его совѣтнику въ управленіи государствомъ. Бояринъ Матвѣевъ исполнялъ нѣсколько весьма важныхъ и отвѣтственныхъ должностей: онъ былъ — „намѣстникъ разныхъ городовъ, царскія печати и государственныхъ посольскихъ дѣлъ оберегатель; приказовъ Стрѣлецкаго, Казанскаго и другихъ, такожъ и монетнаго двора главный судія". Алексѣй Михайловичъ такъ любилъ этого боярина, что въ письмахъ своихъ къ нему не иначе обращался, какъ съ словами: „другъ мой!" Назначивъ его воспитателемъ дѣтей своихъ, государь какъ-то писалъ отсутствовавшему Матвѣеву: „Безъ тебя осиротѣли дѣти мои и я: за ними присмотрѣть некому, а мнѣ посовѣтовать безъ тебя не съ кѣмъ".

Значеніе Морозова, какъ государственнаго человѣка, вѣдавшаго и гражданскія и военныя дѣла, еще болѣе увеличилось при дворѣ, когда царь, потерявъ свою первую жену, Марію Ильинишну Милославскую, женился на Натальѣ Кирилловнѣ Нарышкиной, которая приходилась родственницей Матвѣеву и воспитывалась въ его домѣ.

По русскому обычаю, царь объявилъ духовенству, что онъ намѣренъ сочетаться вторымъ бракомъ. Назначенъ былъ день, въ который должны были собраться во дворецъ дочери всѣхъ знатнѣйшихъ бояръ. Въ числѣ ихъ присутствовала и Наталія. До самой рѣшительной минуты, когда государь торжественно назвалъ свою невѣсту, дѣвушка ничего не знала о своей участи. Услышавъ о выпавшемъ на ея долю жребія, она поклялась быть *матерью* народа — и сдержала эту клятву...

Человѣколюбіе Алексѣя Михайловича. Будучи, какъ сказано выше, мягкимъ и добродушнымъ по своему характеру, отличаясь истинно-христіанскимъ милосер-

дiемъ и любовью къ ближнѣму, царь Алексѣй Михайловичъ покорилъ себѣ сердца всѣхъ своихъ подданныхъ. Вотъ нѣкоторыя изъ его человѣколюбивыхъ дѣяній. — Наканунѣ Свѣтлаго Воскресенья, напр., въ простой одеждѣ посѣщалъ онъ темницы и разспрашивалъ заключенныхъ о ихъ преступленiяхъ; тѣхъ, которыхъ вины были не такъ важны, повелѣвалъ освобождать; другимъ же отъ своей царской трапезы посылалъ пасху, желая, чтобы и узники участвовали въ общей радости. Преданiе передаетъ, что даже преступники, сосланные въ Сибирь, пользовались тамъ вспомоществованiемъ добраго царя, который изъ собственныхъ средствъ удѣлялъ имъ на ихъ содержанiе.

Кончина царя. Умирая, Алексѣй Михайловичъ оставилъ довольно многочисленное семейство: отъ первой супруги, Марiи Ильинишны Милославской — сыновей, Ѳеодора и Iоанна, и пять дочерей, а отъ второй, Натальи Кирилловны Нарышкиной — царевича Петра и двухъ дочерей.

Царствованiе Алексѣя Михайловича продолжалось слишкомъ 30 лѣтъ.

Петръ Великiй (1682—1725 г.).

Избранiе въ цари. Царевна Софья. Бунтъ стрѣльцовъ. По смерти бездѣтнаго Ѳеодора Алексѣевича (старшiй сынъ Алексѣя Михайловича), царствовавшаго съ 1676—1682 г., осталось два брата: Iоаннъ—отъ одной съ нимъ матери, Марiи Ильинишны Милославской, и Петръ—отъ Натальи Кирилловны Нарышкиной. Ни того, ни другого изъ нихъ онъ не назначилъ себѣ преемникомъ. Патрiархъ и бояре недоумѣвали, кого изъ двухъ братьевъ выбрать на царство: Хотя Iоаннъ былъ старшiй, но будучи крайне слабаго здоровья и притомъ почти слѣпой, совершенно не могъ управлять государствомъ; Петръ же, напротивъ, былъ силенъ, крѣпокъ, съ живымъ, острымъ умомъ, но ему только исполнилось всего десять лѣтъ. Въ такомъ затруднительномъ поло-

женіи патріархъ Іоакимъ, посовѣтовавшись съ боярами, рѣшилъ обратиться къ толпившемуся передъ дворцомъ народу и спросилъ его: „кому быть царемъ послѣ Ѳеодора Алексѣевича“? Народъ воскликнулъ: „быть царемъ государемъ царевичу Петру Алексѣевичу!..“. Послышалось, правда, нѣсколько голосовъ за Іоанна, но они были тотчасъ же заглушены единодушными кликами въ пользу Петра.

Сначала Москва, а потомъ и вся Россія немедленно присягнули малолѣтнему царю. До совершеннолѣтія же его—управленіе государственными дѣлами приняла на себя Наталья Кирилловна Нарышкина. Первымъ долгомъ она возвратила изъ ссылки своего бывшаго воспитателя и друга царя Алексѣя Михайловича, боярина Матвѣева, который, въ царствованіе Ѳеодора Алексѣевича, по происканъ Милославскихъ, былъ обвиненъ въ чернокнижіи, лишенъ имѣнія, сана и заключенъ въ Пустозерскій острогъ. Это распоряженіе правительницы не могло, конечно, нравиться Милославскимъ, какъ враждебной партіи: боясь возмездія за прежнюю клевету, они употребляли всѣ усилія къ тому, чтобы царемъ былъ признанъ не Петръ, а Іоаннъ Алексѣевичъ. Во главѣ этой партіи стояла умная, хитрая и до крайности честолюбивая царевна Софья *), не любившая ни Петра, ни мачихи своей и вообще никого изъ близкихъ семьи Нарышкиныхъ. Рѣшившись, во что̀ бы то ни стало, царствовать, она склонила на свою сторону стрѣлецкое войско и внушила ему, что̀ царевичъ Іоаннъ незаконно отстраненъ отъ престола и что будто бы Нарышкины умышляютъ на жизнь его. Стрѣльцы, обнадеженные большими наградами за спасеніе царевича отъ мнимыхъ измѣнниковъ, открыли бунтъ (при этомъ погибло не мало знатныхъ людей и даже родной братъ Натальи Кирилловны, Иванъ Нарышкинъ), но, убѣдившись, что Іоаннъ живъ, потребовали, чтобы онъ былъ старшимъ царемъ, а Софья, въ виду малолѣтства обоихъ братьевъ,—провозглашена правительницею государства. Бояре и выборные отъ

*) Одна изъ дочерей Алексѣя Михайловича отъ перваго брака.

разныхъ сословій принуждены были согласиться на это *двоевластіе*.

Дѣтство и юность Петра. Малолѣтній Петръ, рано лишившійся отца, какъ въ правленіе Софьи, такъ и въ царствованіи Ѳеодора Алексѣевича, жилъ большею частію съ матерью своею вдали отъ двора—въ селѣ Преображенскомъ, въ 3-хъ верстахъ отъ столицы. Здѣсь, подъ руководствомъ дьяка Никиты Моисеевича Зотова, онъ впервые сталъ обучаться грамотѣ. Недалекій по уму и малознающій Зотовъ не могъ, конечно, принести большой пользы въ дѣлѣ образованія пытливаго и любознательнаго царевича. Между тѣмъ жажда къ познаніямъ у Петра была такъ велика, что онъ не могъ уже довольствоваться указаніями и совѣтами своего немудраго наставника и сталъ искать себѣ учителей среди иностранцевъ, жившихъ въ Нѣмецкой слободѣ (подмосковный поселокъ, недалеко отъ Преображенскаго) и состоявшихъ на службѣ у русскаго правительства. Въ числѣ ихъ наиболѣе извѣстны: голландецъ Францъ Тиммерманъ и генералъ Гордонъ, родомъ шотландецъ, познакомившій Петра съ военнымъ дѣломъ. Впослѣдствіи же самымъ близкимъ человѣкомъ и даже другомъ царя сдѣлался женевецъ Лефортъ, пріѣхавшій въ Россію еще въ царствованіе Алексѣя Михайловича. Изъ знакомства съ иностранцами впечатлительный Петръ извлекъ для себя не мало дѣльныхъ уроковъ, хотя образованіе его было все-таки далеко недостаточное, о чемъ онъ очень жалѣлъ потомъ.

Прекрасной школой для развитія отваги и предпріимчивости молодого царя, служили его дѣтскія игры, отличавшіяся исключительно военнымъ характеромъ: набирая себѣ сверстниковъ преимущественно изъ дѣтей придворныхъ служителей, онъ составлялъ изъ нихъ такъ называемыя *потѣшныя* роты, которыя были сформированы по образцу настоящаго, регулярнаго войска. Число желающихъ поступать въ эти роты постепенно увеличивалось; впослѣдствіи изъ нихъ образовались два первыхъ гвардейскихъ полка въ Россіи—Преображенскій и Семеновскій (по имени двухъ подмосков-

ныхъ селъ). Самъ Петръ началъ свою военную службу въ Преображенскомъ полку простымъ барабанщикомъ, а затѣмъ уже дослужился до высшихъ чиновъ.

При помощи тѣхъ же иностранцевъ явилось у Петра желаніе изучить морское и корабельное дѣло и тѣмъ положить основаніе будущему флоту. Вскорѣ, подъ руководствомъ голландца Брандта, возникла цѣлая флотилія судовъ на Переяславльскомъ озерѣ.

Сверженіе Софьи. По мѣрѣ того какъ росъ, мужалъ и развивался Петръ, честолюбивая царевна Софья все болѣе и болѣе начинала безпокоиться о своей судьбѣ, какъ правительницы. Она очень хорошо понимала, что пройдетъ, быть можетъ, еще нѣсколько времени—и геніальный, энергичный Петръ самъ захочетъ править государствомъ: тогда ей придется разстаться съ властью, захваченною благодаря стрѣльцамъ.

Молодой царь дѣйствительно потребовалъ, чтобы сестра не вмѣшивалась болѣе въ дѣла правленія и даже не показывалась народу въ присутствіи братьевъ,—особенно въ торжественныхъ случаяхъ. Гордая Софья не могла перенести такой обиды и, не желая ни въ чемъ уступать Петру, снова хотѣла прибѣгнуть къ защитѣ стрѣльцовъ. Но надежды ея на этотъ разъ не увѣнчались успѣхомъ: стрѣльцы отказались помочь правительницѣ, и большинство, какъ ихъ, такъ и иностранцевъ было на сторонѣ царя.

Въ виду такой неудачи, одинъ изъ приближенныхъ Софьи, Шакловитый, рѣшился даже посягнуть на жизнь Петра и его матери. При наступленіи опасности, два стрѣльца, давшіе клятву спасти царя, ночью явились въ Преображенское и разсказали, что въ Кремлѣ замышляется недоброе дѣло. Петръ немедленно сѣлъ на коня и поскакалъ въ Троицкую лавру; за нимъ послѣдовали Наталья Кирилловна и всѣ ея приверженцы и родственники. Скоро стали сюда являться и военные люди: однимъ изъ первыхъ пришелъ стрѣлецкій Сухаревъ полкъ, а затѣмъ и остальные стрѣльцы.

Видя себя въ безвыходномъ положеніи, всѣми покинутая, Софья, обратилась къ патріарху Іоакиму съ

просьбою примирить ее съ Петромъ. Но когда это не удалось (Іоакимъ будучи приверженцемъ царя, не вернулся въ Москву), гордая правительница сама рѣшилась отправиться къ брату; не доѣхавъ до лавры, она была возвращена въ столицу и заключена въ Новодѣвичій монастырь. Главные сообщники ея были казнены.

Семнадцатилѣтній Петръ сдѣлался единодержавнымъ государемъ (1689 г.). Братъ же его, Іоаннъ, хотя и продолжалъ называться царемъ и имя его во всѣхъ грамотахъ стояло всегда обыкновенно первымъ, но участія въ дѣлахъ управленія онъ не принималъ и ни во что̀ не вмѣшивался. (Умеръ онъ въ 1696 году).

Первые годы правленія Петра. Первые годы своего царствованія Петръ заботился преимущественно объ устройствѣ *регулярнаго* войска и въ то же время продолжалъ строить суда на Переяславльскомъ озерѣ. Но самое главное что влекло къ себѣ великаго преобразователя Россіи, что особенно интересовало его и составляло одну изъ главнѣйшихъ задачъ его кипучей государственной дѣятельности,—было, конечно, желаніе утвердиться на морѣ, черезъ которое русскіе могли бы завязать сношенія съ другими европейскими народами. Вотъ почему онъ скоро обратилъ свое вниманіе на югъ—къ морямъ Азовскому и Черному и рѣшился, во что бы то ни стало, овладѣть прежде всего сильною турецкою крѣпостью Азовомъ, завести тамъ флотъ и открыть торговлю съ южной Европой. Принявъ чинъ *бомбардира* Преображенскаго полка, онъ вмѣстѣ съ Головинымъ, Лефортомъ и Гордономъ двинулся къ Азову, а другую часть арміи, подъ начальствомъ Шереметева, вмѣстѣ съ малороссійскими казаками, направилъ къ низовьямъ Днѣпра, поручивъ ей разорить турецкіе города. Показывая своимъ войскамъ примѣръ необычайнаго мужества и самоотверженія, Петръ во время осады Азова былъ вездѣ первымъ и работалъ какъ настоящій солдатъ, презирая опасность, ежеминутно угрожавшую его жизни.

Не смотря на всѣ старанія, овладѣть крѣпостью не удалось: съ одной стороны—по неимѣнію искусныхъ

инженеровъ, а съ другой—потому, что турки свободно получали подкрѣпленія съ моря, и людьми, и запасами, и всѣмъ, что было необходимо для обороны.

Испытавъ неудачу, Петръ хотя и отступилъ отъ Азова, но въ ту же зиму велѣлъ построить на рѣкѣ Воронежѣ до 30 военныхъ судовъ и весною уже вновь двинулся въ походъ противъ турокъ. О томъ, какъ сильно работалъ царь въ это время,—можно судить изъ слѣдующихъ словъ одного изъ его писемъ: „а мы, по приказу Божію *къ прадѣду нашему Адаму*, въ потѣ лица ѣдимъ хлѣбъ свой".

При вторичной осадѣ съ суши и съ моря—Азовъ, наконецъ, сдался Петру, который затѣмъ немедленно возвратился въ Москву. Побѣдителямъ была сдѣлана торжественная встрѣча: всѣ войска проходили черезъ тріумфальныя ворота, причемъ впереди морского отряда шелъ самъ царь въ капитанскомъ мундирѣ.

Для окончательнаго утвержденія на берегахъ Азовскаго моря, Петръ приступилъ къ сооруженію тамъ большого флота, при помощи котораго можно было бы уже смѣло сражаться съ непріятелемъ. Средства для этого были собраны путемъ пожертвованій со всей Россіи и дворяне, и духовные, и купцы, и всѣ другія сословія государства принимали живое, участіе въ этомъ патріотическомъ дѣлѣ. Постройка судовъ производилась на воронежской верфи, которая, какъ извѣстно лежала въ мѣстности, изобиловавшей въ то время густыми строевыми лѣсами.

Мѣстомъ стоянки новаго флота была назначена гавань Таганъ-Рогъ.

Чтобы положить прочное основаніе морскому дѣлу въ Россіи, Петръ отправилъ за-границу (въ Венецію, Англію и Голландію) до 50 молодыхъ людей изъ знатныхъ фамилій, которымъ было поручено на мѣстѣ изучить искусство кораблестроенія, мореплаванія и другія науки, имѣющія съ ними какое-либо соприкосновеніе.

Поѣздка Петра за-границу. Вскорѣ и самъ Петръ отправился за море, для личнаго ознакомленія съ Евро-

пою, а главное—съ цѣлью лучше и всестороннѣе изучить кораблестроеніе. Царь не хотѣлъ, чтобы его признали иностранцы, а потому, снарядивъ за-границу торжественное посольство, во главѣ котораго были поставлены генералы Лефортъ и Головинъ, вступилъ въ число членовъ посольской свиты подъ именемъ дворянина Петра Михайлова. Временное же управленіе государствомъ на время своего отсутствія Петръ поручилъ: Льву Кирилловичу Нарышкину, князю Борису Голицыну и князю Прозоровскому.

Отправляясь изъ Россіи, посольство на первыхъ порахъ встрѣтило къ себѣ недружелюбное отношеніе со стороны шведскаго коменданта въ г. Ригѣ, не дозволившаго Петру осмотрѣть укрѣпленія мѣстной цитадели. Въ другихъ же мѣстахъ, напр., въ сѣверной Германіи, посольство, напротивъ, находило самый радушный пріемъ и искреннее привѣтствіе.

Во время пребыванія посольства въ Голландіи, Петръ нѣсколько мѣсяцевъ работалъ на корабельныхъ верфяхъ сперва въ Саардамѣ, а потомъ перебрался въ Амстердамъ. Для усовершенствованія же себя въ судостроительномъ искусствѣ, онъ почти три мѣсяца прожилъ въ Англіи, неподалеку отъ Лондона. Изъ Англіи Петръ отправился въ Вѣну, а отсюда хотѣлъ ѣхать въ Венецію. Но въ это время онъ получилъ извѣстіе о новомъ стрѣлецкомъ бунтѣ—и поспѣшилъ въ Москву.

Уничтоженіе стрѣлецкаго войска. По произведенному розыску оказалось, что подстрекательницею бунта опять-таки явилась Софья, распустившая слухъ, будто Петръ умеръ заграницею. Четыре стрѣлецкіе полка, расположенные на литовской границѣ и недовольные продолжительною разлукою съ своими семьями, двинулись въ столицу съ цѣлью перебить всѣхъ бояръ и нѣмцевъ, на которыхъ стали уже смотрѣть какъ на враговъ и виновниковъ новыхъ порядковъ въ государствѣ. Встрѣченные войсками подъ начальствомъ боярина Шеина и генерала Гордона, мятежники были разсѣяны пушечными выстрѣлами; зачинщики ихъ—казнены, Софья же пострижена въ монахини подъ

именемъ Сусанны. Все стрѣлецкое войско было потомъ мало-по-малу уничтожено.

Первыя преобразованія Петра. Началомъ преобразованій Петра по возвращеніи его изъ заграницы было: 1) запрещеніе носить бороду, не распространявшееся, впрочемъ, на крестьянъ и лицъ духовнаго вѣдомства; 2) измѣненіе покроя платья по европейскому образцу и 3) празднованіе дня новаго года съ 1-го января, а не съ 1-го сентября, какъ это дѣлалось прежде.

Великая Сѣверная война. Основаніе Петербурга. Самою завѣтною мыслью Петра было—желаніе завести свой флотъ на Балтійскомъ морѣ и отнять у шведовъ земли, принадлежавшія нѣкогда Россіи. Прежде чѣмъ выступить противъ Швеціи, считавшейся тогда очень сильной державой, Петръ заключилъ союзъ съ польскимъ и датскимъ королями, которые должны были съ разныхъ сторонъ напасть на врага. Война эта, открывшаяся весною 1700 года и извѣстная подъ именемъ Сѣверной, была вначалѣ неудачна для Россіи.. Шведскій король Карлъ XII заставилъ датчанъ отказаться отъ союза съ Россіей и Польшей; затѣмъ, поспѣшивъ въ Лифляндію, онъ пошелъ противъ русскихъ, осаждавшихъ въ это время г. Нарву, и, не смотря на то, что наша армія была гораздо многочисленнѣе (отъ 35 до 40 тыс. челов.), разбилъ ее и захватилъ всю русскую артиллерію. Оставался, наконецъ, послѣдній союзникъ—польскій король Августъ, на котораго и повелъ теперь Карлъ свое войско. Взявъ штурмомъ и разрушивъ нѣсколько городовъ, воинственный полководецъ свергъ Августа съ престола и принудилъ его бѣжать въ нѣмецкую землю. Пробывъ въ Польшѣ почти три года, Карлъ, по мѣткому выраженію Петра, *увязъ* тамъ и какъ бы совершенно забылъ о русскихъ.. Этимъ временемъ Петръ успѣлъ оправиться и, собравъ новое войско, предпринялъ съ нимъ походъ противъ шведовъ, окончившійся на этотъ разъ полнымъ пораженіемъ непріятеля: фельдмаршалъ Борисъ Петровичъ Шереметевъ разбилъ въ двухъ битвахъ шведскаго генерала Шлиппенбаха и занялъ восточную часть Лиф-

ляндіи, а самъ царь взялъ двѣ шведскія крѣпости на р. Невѣ—Нотебургъ (названный Петромъ Шлиссельбургомъ, т. е. ключемъ-городомъ, открывавшимъ, такъ сказать, путь къ морю) и Ніеншанцъ. Пробившись, такимъ образомъ, къ берегамъ Балтійскаго моря, Петръ овладѣлъ всѣмъ теченіемъ Невы и на одномъ изъ острововъ ея—Люстъ-Эйландѣ или веселомъ островѣ *), почти у самаго устья рѣки, заложилъ городъ Петербургъ—свою будущую столицу (16-го мая 1703 года).

Какъ быстро росъ Петербургъ—видно изъ того, что къ концу царствованія великаго монарха въ городѣ насчитывалось уже до 40,000 жителей.

Для защиты новаго города со стороны моря—на островѣ лежащемъ въ 25-ти верстахъ отъ устья Невы, была построена Петромъ крѣпость, называемая Кронштадтомъ.

Вторженіе Карла XII въ предѣлы Россіи. Завладѣвъ балтійскимъ прибрежьемъ, Петръ предложилъ шведамъ миръ, но съ условіемъ, чтобы ему былъ уступленъ какой-нибудь приморскій пунктъ, хотя одинъ Петербургъ. Карлъ XII, упоенный воинской славой, не хотѣлъ слышать ни о какихъ уступкахъ и въ отвѣтъ на предложеніе царя—назначилъ одного изъ своихъ генераловъ губернаторомъ Москвы, а самъ съ главнымъ войскомъ перешелъ Днѣпръ и двинулся въ Украйну (1708 г.). Разгнѣванный Петръ отдалъ приказъ—затруднять всѣми мѣрами путь непріятелю: опустошать страну, ломать мосты, жечь города и села, чтобы лишить шведовъ необходимаго продовольствія.

Измѣна Мазепы. Къ несчастію, въ это время пришло извѣстіе, что малороссійскій гетманъ Мазепа, выдававшій себя всегда за преданнаго друга и вѣрнаго слугу царя, измѣнилъ ему и перешелъ на сторону Карла, въ надеждѣ, что послѣдній поможетъ ему впослѣдствіи отложиться отъ подданства Россіи. Но замысламъ честолюбиваго гетмана не суждено было осуществиться:

*) Нынѣшняя Петербургская сторона.

большинство войска осталось вѣрно Петру. Мазепа былъ преданъ церковному проклятію, а гетманомъ, вмѣсто него, выбранъ полковникъ Скоропадскій.

Полтавское сраженіе. Не получивъ обѣщанной поддержки со стороны казаковъ, Карлъ, тѣмъ не менѣе, не захотѣлъ отступить и осадилъ Полтаву. Шведы, въ количествѣ не болѣе 30,000 человѣкъ, расположились между рр. Псёломъ и Ворсклою. Передъ битвою, которую Петръ рѣшилъ дать Карлу (27 го іюня 1709 г.), онъ велѣлъ прочесть войскамъ приказъ, оканчивавшійся слѣдующими достопамятными словами:

„Воины, пришелъ часъ рѣшить судьбу отечества. Вы не должны помышлять, что сражаетесь за Петра, но за государство, Петру врученное, за отечество, за православную нашу вѣру и церковь. А о Петрѣ вѣдайте, что ему жизнь не дорога—жила бы только Россія во славѣ и благоденствіи".

Первыми открыли огонь шведы... Передъ разсвѣтомъ они бросились на русскую конницу, которая принуждена была отступить; но тутъ подоспѣла своевременная помощь, и нѣсколько шведскихъ полковъ были отрѣзаны отъ главнаго войска и разбиты на голову. Въ 9-мъ часу утра началось генеральное сраженіе.

Петръ, не жалѣя жизни, всюду являлся самъ, гдѣ только грозила наибольшая опасность; шляпа и сѣдло у него были прострѣлены; разсказываютъ даже, что одна пуля попала ему въ грудь, но ударившись о большой мѣдный крестъ, не причинила никакого вреда.

Карлъ, тяжело раненый въ ногу, также не щадилъ себя и личнымъ участіемъ въ битвѣ ободрялъ свое войско.

Число шведовъ, павшихъ подъ Полтавой, простиралось до 10,000 человѣкъ, но еще болѣе было взято въ плѣнъ; между плѣнными находился и фельдмаршалъ Реншильдъ, принявшій главное начальство надъ войскомъ вмѣсто раненаго короля. Самъ же Карлъ съ Мазепой и нѣсколькими сотнями солдатъ едва успѣлъ переправиться за Днѣпръ и бѣжалъ въ Турцію.

Такъ кончилось славное полтавское сраженіе, нанесшее сильный ударъ могуществу Швеціи и возвы-

сившее Россію!.. Отслуживъ на мѣстѣ битвы благодарственный молебенъ, Петръ, окруженный сподвижниками, сѣлъ за столъ, къ которому были приглашены и всѣ плѣнные шведскіе генералы. При громѣ пушекъ, сіяющій радостью царь провозгласилъ тостъ за здоровье наставниковъ своихъ въ военномъ искусствѣ, то есть шведовъ.

Окончаніе Сѣверной войны. Ништадтскій миръ. Не смотря на побѣду, одержанную подъ Полтавой, *Сѣверная* война продолжалась еще двѣнадцать лѣтъ; только послѣ цѣлаго ряда пораженій и потери многихъ городовъ шведы заключили миръ съ русскими (30-го августа 1721 года, въ финляндскомъ городкѣ Ништадтѣ), по которому Россіи были уступлены: Петербургъ, Рига, Ревель, Выборгъ и все балтійское побережье между ними. Празднованіе этого мира, извѣстнаго подъ именемъ *Ништадтскаго*, сопровождалось пышными пирами и маскерадами. Петру же, какъ главному виновнику торжества, отъ лица всѣхъ подданныхъ былъ поднесенъ титулъ: „*Отца отечества*“, „*Великаго*“ и „*Императора всероссійскаго*“. Принимая эту награду, царь со смиреніемъ замѣтилъ: „должно всѣми силами благодарить Бога, но, надѣясь на миръ, не ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ, дабы не имѣть жребія монархіи греческой“.

Война съ Персіей. Послѣднимъ военнымъ подвигомъ Петра было присоединеніе къ Россіи нѣсколькихъ прикаспійскихъ областей (Гилянь, Мазандаранъ и Астрабатъ), уступленныхъ намъ Персіей, по договору 1723 года. Война эта была вызвана обидами и грабежами, причинявшимися русскимъ купцамъ въ Шемахѣ.

Реформы Петра. Перемѣна въ церковномъ управленіи. Заботы о раскольникахъ. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію внутренней дѣятельности Петра Великаго—къ его реформамъ. Начнемъ съ церковныхъ дѣлъ. Извѣстно, что по времени Бориса Годунова ими завѣдывалъ патріархъ, который нерѣдко приходилъ въ непріятныя столкновенія съ царскою властью. Находя такое положеніе неудобнымъ, Петръ, по смерти па-

тріарха Адріана, приверженца старины и противника всякихъ нововведеній, учредилъ (1721) г.) для управленія церковными дѣлами *Святѣйшій синодъ*, членами котораго были высшія духовныя лица государства. Радѣя вообще о религіи, царь, между прочимъ, подтвердилъ изданный Алексѣемъ Михайловичемъ указъ о томъ, чтобы православные посѣщали богослуженіе въ праздничные дни; виновные въ нарушеніи этого указа подвергались штрафу. Иностранцамъ была предоставлена полная свобода въ отправленіи богослуженія. Что же касается раскольниковъ то хотя они и были обложены двойными податями и не могли занимать общественныхъ должностей (за право носить бороду они платили особую пошлину), но и не подвергались такимъ преслѣдованіямъ, какъ прежде. Петръ Великій повелѣлъ дѣйствовать на нихъ не однѣми карательными мѣрами, но и путемъ убѣжденія—путемъ проповѣди. Онъ говорилъ: „Господь далъ царямъ власть надъ народами, но надъ совѣстью людей властенъ одинъ Христосъ“.

Учрежденіе сената. Для наблюденія за правильнымъ ходомъ дѣлъ въ государствѣ, вмѣсто прежней боярской думы, былъ учрежденъ *сенатъ*, состоявшій сначала изъ 9 сановниковъ и дѣйствовавшій лишь во время частыхъ отлучекъ царя изъ столицы; впослѣдствіи (въ 1718 г.) онъ сдѣланъ постояннымъ учрежденіемъ, причемъ число членовъ въ немъ постепенно увеличивалось. Дѣла въ сенатѣ рѣшались не иначе, какъ по единогласному приговору, утвержденному генералъ-прокуроромъ.

Коллегіи. Въ зависимости отъ сената находились такъ называемыя *коллегіи*, замѣнившія собою прежніе московскіе *приказы*. Въ послѣднихъ всякое дѣло, какъ бы оно сложно и запутано ни было, разбиралось всегда однимъ лицомъ—главнымъ начальникомъ приказа. А такъ какъ „во единомъ лицѣ, по выраженію Петра, не безъ грѣха“, то онъ и нашелъ болѣе удобнымъ учредить вмѣсто сорока бывшихъ приказовъ—12 коллегій, гдѣ дѣла были точно распредѣлены и рѣшались уже

большинствомъ голосовъ. *Коммерцъ-коллегія*, напр., завѣдывала торговлею, *военная*—военными дѣлами, *юстицъ-коллегія*—судомъ и т. д. По числу коллегій, все государство было раздѣлено на 12 губерній, которыя, въ свою очередь, подраздѣлялись на *провинціи;* во главѣ первыхъ стояли губернаторы или генералъ-губернаторы съ ихъ совѣтниками, выбиравшимися дворянами изъ своей среды; во главѣ вторыхъ—воеводы.

Преобразованіе сословій. Все служащее сословіе въ Россіи, вмѣсто прежнихъ должностныхъ лицъ: боярина, думнаго дворянина, окольничаго, стольника и пр.,—Петръ, по образцу нѣмецкому, раздѣлилъ на „классы", числомъ 14; каждому классу, согласно изданной *„Табели о рангахъ"*, соотвѣтствовалъ извѣстный чинъ—военный или гражданскій. Чины давались за усердную службу и способности и доступны были людямъ всѣхъ сословій, даже незнатнаго происхожденія. Въ то же время вошло въ обыкновеніе награждать за заслуги графскими и княжескими титулами, а также учреждены нѣкоторые ордена—напр. св. Екатерины и Андрея Первозваннаго.

Заботы Петра о распространеніи образованія. Большую заботу Петра составляло—образованіе духовнаго и дворянскаго сословія. Въ виду этого въ Петербургѣ, Москвѣ и другихъ городахъ были открыты имъ начальныя школы и, кромѣ того, основано нѣсколько спеціальныхъ училищъ; морское, инженерное, школа для подъячихъ и медицинская коллегія. На сколько Петръ понималъ и цѣнилъ пользу образованія—видно изъ того, что изданъ былъ даже особый указъ, въ силу котораго дворяне, не получившіе свидѣтельства изъ какой либо школы, не могли жениться, а дѣти духовныхъ лицъ—записывались въ солдаты. Одновременно съ учрежденіемъ школъ была изобрѣтена гражданская азбука для свѣтскихъ книгъ.

Мѣры къ развитію промышленности и торговли. Мануфактурная промышленность также обращала на себя вниманіе великаго монарха: до него. напр., у насъ было какихъ-нибудь пять-шесть различныхъ фабрикъ и заво-

довъ, а къ концу его царствованія ихъ насчитывалось уже болѣе 200. Для облегченія торговыхъ сношеній внутри государства Петръ велѣлъ провести нѣсколько сухопутныхъ дорогъ и устроить два канала: *Вышневолоцкій*, между рр. Мстою и Тверской, и *Ладожскій*, огибающій южную часть бурнаго Ладожскаго озера, длиною 105 верстъ. Посредствомъ этихъ каналовъ Петербургъ былъ соединенъ съ волжскимъ водянымъ путемъ, по которому шелъ хлѣбъ изъ низовыхъ областей государства.

Войско и флотъ. Армія и флотъ, составляющіе главную силу, на которой основывается военное могущество націи,—были предметомъ особенныхъ попеченій Петра Великаго. Численность сухопутныхъ регулярныхъ войскъ простиралась тогда до 200,000 человѣкъ, размѣщенныхъ большею частью по губерніямъ, въ домахъ городскихъ и сельскихъ обывателей; флотъ же состоялъ изъ 48 линейныхъ кораблей и 800 мелкихъ судовъ.

Перемѣна въ нравахъ и обычаяхъ. Семейный бытъ русскаго народа и общественные порядки нашихъ предковъ также подверглись весьма важнымъ и кореннымъ перемѣнамъ по волѣ Петра: уничтоживъ бывшее до него затворничество женщинъ, царь заботился о развитіи общественной жизни своихъ подданныхъ. Съ этою цѣлью въ столицѣ, напр., были заведены *ассамблеи* или вечернія собранія, устраивавшіяся зимой, въ опредѣленные дни, въ домахъ знатныхъ и богатыхъ особъ для пріема гостей обоего пола, званыхъ и незваныхъ. На собраніяхъ этихъ играла музыка, танцовали, состязались въ шахматы, разговаривали—и все это дѣлалось безъ всякихъ стѣснительныхъ церемоній, за-просто. Нерѣдко самъ царь бывалъ среди веселящихся. Для того, чтобы женихъ и невѣста, впервые встрѣтившіеся здѣсь, имѣли время хорошенько познакомиться другъ съ другомъ,—Петръ опредѣлилъ между обрученіемъ и свадьбой *шестинедѣльный* срокъ, въ теченіе котораго бракъ могъ разстроиться.

Дальнѣйшія пребразованія Петра. Говоря о государст-

венной дѣятельности Петра Великаго, нельзя не сказать и о другихъ, наиболѣе замѣчательныхъ его преобразованіяхъ. Отмѣтимъ здѣсь нѣкоторыя: 1) для увеличенія казенныхъ доходовъ, введена гербовая бумага; *); 2) дома въ городахъ и селахъ, въ видахъ безопасности отъ пожаровъ, предписано строить по плану, съ сохраненіемъ извѣстнаго разстоянія ихъ другъ отъ друга; 3) запрещено хоронить покойниковъ ранѣе трехъ дней и погребать внутри города; 4) запрещено совершать принудительные браки; 5) „продажу людей пресѣчь, а если нельзя уже совсѣмъ, то продавать цѣлыми семьями, а не порознь, какъ скотъ, чего во всемъ свѣтѣ не водится“; 6) въ столицахъ заведены аптеки и опредѣлены цѣны на медикаменты; 7) обращено вниманіе на сохраненіе лѣсовъ; 8) введено улучшенное овцеводство и скотоводство (холмогорскій скотъ); 9) усилено винодѣліе и шелководство; 10) положено начало конскимъ заводамъ; 11) сдѣланы опыты разведенія табаку; 12) отысканы залежи каменнаго угля и открыто мѣстонахожденіе рудъ—„дабы Божіе благословеніе подъ землею втунѣ не оставалось“; 13) появились первыя печатныя вѣдомости (газеты) и т. д.

Перечисленныя нами (далеко, впрочемъ, на всѣ) преобразованія Петра Великаго показываютъ, до какой степени была обширна и разнообразна его дѣятельность на пользу отечества. Одинъ изъ современниковъ незабвеннаго императора такъ выражается о немъ въ своихъ запискахъ: „Сей монархъ отечество наше привелъ въ сравненіе съ прочими; научилъ узнавать, что и мы люди; однимъ словомъ, на что́ въ Россіи ни взгляни—все его началомъ имѣетъ и что̀ бы впредь ни дѣлалось—отъ сего источника черпать будутъ“.

Семейныя дѣла. Царевичъ Алексѣй. Говоря о славномъ царствованіи великаго преобразователя Россіи, нельзя, къ сожалѣнію, обойти молчаніемъ печальную исторію его съ старшимъ сыномъ, царевичемъ Алексѣемъ, имѣвшую столь трагическій исходъ. Воспитанный ма-

*) Государственные доходы въ концѣ царствованія Петра Великаго простирались до 10,000,000 руб.

терью, Евдокіей Ѳеодоровной Лопухиной (первая супруга Петра), въ приверженности къ стариннымъ русскимъ обычаямъ и окруженный съ малолѣтства людьми, которые съ ненавистью относились къ петровскимъ нововведеніямъ, Алексѣй, конечно, не могъ безъ отвращенія смотрѣть на дѣятельность отца, чѣмъ сильно и вооружилъ его противъ себя. Не смотря на строгія мѣры, принимавшіяся Петромъ для того, чтобы измѣнить характеръ царевича и склонить его на свою сторону (напр. побои, угрозы лишить наслѣдства)—Алексѣй по прежнему оставался защитникомъ старины и питалъ явное нерасположеніе къ родителю. По достиженіи совершеннолѣтія онъ, по волѣ Петра, вступилъ въ бракъ съ брауншвейгъ-вольфенбюттельскою принцессою Софьею Шарлотою, но бракъ этотъ былъ несчастливъ: супруги не сошлись характерами. Вскорѣ Софья умерла, оставивъ послѣ себя малолѣтняго сына, названнаго по имени славнаго дѣда—Петромъ.

Видя, что Алексѣй непреклоненъ въ своихъ убѣжденіяхъ и не желаетъ покориться отцу, Петръ потребовалъ, чтобы онъ постригся въ монахи и совершенно удалился отъ дѣлъ государственнаго управленія. Хотя царевичъ и согласился исполнить это требованіе, но вслѣдъ за тѣмъ, воспользовавшись отсутствіемъ Петра, который въ это время лечился за-границей,—бѣжалъ изъ Россіи и нашелъ себѣ убѣжище въ Германіи, откуда потомъ переселился въ Неаполь, подъ покровительство австрійскаго императора. Петръ принудилъ послѣдняго выдать себѣ сына, которому было обѣщано полное прощеніе, подъ условіемъ, чтобы онъ признался въ своихъ замыслахъ и указалъ сторонниковъ его партіи, все еще надѣявшейся на возвращеніе въ государствѣ прежнихъ порядковъ. Алексѣй вернулся въ отечество, но не исполнилъ даннаго обѣщанія, почему былъ заключенъ подъ стражу. Надъ нимъ и надъ его сообщниками состоялся верховный судъ (изъ высшихъ сановниковъ государства—сенаторовъ и духовныхъ лицъ), который приготовилъ къ смертной казни не только тѣхъ, кто былъ замѣшанъ по этому дѣлу, но и самого царевича. Лишь только объявили

Алексѣю этотъ приговоръ—съ нимъ сдѣлался нервный ударъ, и несчастный скончался затѣмъ въ темницѣ 26 іюня 1718 г. Такова печальная судьба, постигшая наслѣдника престола.

Личность Петра. Петръ I-й былъ высокаго роста (2 арш. 14 вершковъ), красивъ, строенъ и обладалъ необыкновенною силою—свертывалъ, напр., руками въ трубку серебряную тарелку. Не любя безполезной роскоши, онъ показывалъ и другимъ примѣръ бережливости: нерѣдко его можно было встрѣтить въ заштопанныхъ чулкахъ и въ башмакахъ съ заплатами. Вставалъ Петръ очень рано и тотчасъ же принимался за работу: слушалъ дѣла, диктовалъ сенаторамъ указы, занимался обученіемъ войскъ, посѣщалъ присутственныя мѣста, мастерскія, корабельныя верфи — словомъ, почти не зналъ отдыха. Обращаясь однажды къ молодому флотскому офицеру Неплюеву, онъ сказалъ: „видишь, братецъ, я и царь, да у меня на рукахъ мозоли...“

Кончина Петра. Такая неутомимая дѣятельность и постоянныя заботы Петра не могли, конечно, не отразиться на его здоровьѣ: онъ преждевременно состарѣлся и сталъ довольно часто хворать. Къ этому присоединилась еще простуда. Увидавъ однажды ботъ, наполненный солдатами и вставшій на мель около Лахты, Петръ, пренебрегая опасностью, спрыгнулъ въ воду и самъ началъ вытаскивать утопающихъ. Дѣло было осенью. Царь схватилъ сильную лихорадку, но, едва успѣвъ поправиться, вновь простудился на крещенскомъ водоосвященіи, слегъ въ постель и уже не вставалъ болѣе. Онъ скончался 28-го января 1725 г. (53-хъ лѣтъ отъ роду) и погребенъ въ Петропавловскомъ соборѣ.

Изъ многихъ памятниковъ, поставленныхъ Петру Великому, самый лучшій находится въ Петербургѣ. На немъ сдѣлана краткая, но выразительная надпись:

„Петру I-му Екатерина II-я“.

Екатерина I и Петръ II (1725—1730 г).

Екатерина I и Меншиковъ. По смерти Петра I-го при дворѣ образовалось двѣ партіи: одна хотѣла возвести на престолъ внука покойнаго императора, царевича Петра Алексѣевича; другая же, къ которой принадлежало и большинство иностранцевъ, была на сторонѣ Екатерины—любимой супруги царя, отличавшейся красотою, умомъ и живымъ характеромъ. Послѣднюю партію поддерживалъ всемогущій въ то время князь Меншиковъ, благодаря которому Екатерина и была провозглашена государыней. Царствованіе ея продолжалось только два года: умирая (6-го мая 1727 г.), она завѣщала престолъ двѣнадцатилѣтнему Петру II Алексѣевичу и назначила къ нему опекуномъ князя Меншикова.

Меншиковъ, какъ правитель. Хотя этотъ гордый временщикъ и захватилъ управленіе государствомъ въ свои руки, но въ скоромъ времени онъ такъ вооружилъ противъ себя молодого царя, что послѣдній, по проискамъ князя Ивана Долгорукова *) и воспитателя своего, хитраго Остермана,—повелѣлъ даже арестовать его, а затѣмъ отправить со всѣмъ семействомъ въ г. Раненбургъ (Рязанской губ.), принадлежавшій всевластному министру. Меншиковъ торжественно, въ богатыхъ экипажахъ, выѣхалъ изъ столицы, увезя съ собой и свои сокровища; но въ Твери у него все было отобрано, и онъ принужденъ былъ пересѣсть въ простую, тряскую телѣгу. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его перевели въ Сибирь, въ Березовъ, гдѣ онъ и умеръ.

Долгорукіе. Кончина Петра II. Между тѣмъ Долгорукіе, желавшіе усилить свое могущество при дворѣ, повели дѣло такъ, что Петръ, переѣхавъ въ Москву, обручился съ сестрою своего любимца, Ивана Долгорукова, и хотѣлъ было повѣнчаться съ нею. Былъ уже назначенъ день свадьбы; но Петръ заболѣлъ оспою и скончался 19-го января 1730 г. Тѣло его погребено въ Архангельскомъ соборѣ.

Правительственныя распоряженія Екатерины I и Петра II. Къ числу правительственныхъ распоряженій въ цар-

ствованіе Екатерины I и Петра II относятся: 1) учрежденіе *Верховнаго тайнаго совѣта*—высшаго административнаго мѣста въ имперіи; 2) уменьшеніе числа чиновниковъ и нѣкоторыхъ канцелярій въ губерніяхъ; 3) сосредоточеніе административной и судебной власти въ рукахъ губернаторовъ и воеводъ; 4) дозволеніе избрать въ Малороссіи новаго гетмана—полковника Апостола, власть котораго была, впрочемъ, ограничена, и 5) заключеніе договора съ Китаемъ (договоръ этотъ состоялся уже при Петрѣ II, въ 1728 г.), въ силу котораго открылись торговыя сношенія съ подданными богдыхана черезъ Кяхту.

Анна Іоанновна (1730—1740 г.).

Избраніе на престолъ Анны Іоанновны. Со смертію Петра II, сына царевича Алексѣя, прекратилась мужская линія въ домѣ Романовыхъ. Для обсужденія вопроса о наслѣдникѣ престола состоялось въ Лефортовскомъ дворцѣ, въ Москвѣ, совѣщаніе важнѣйшихъ сановниковъ государства (членовъ *Верховнаго тайнаго совѣта*), въ которомъ принимали участіе: канцлеръ графъ Головкинъ, два князя Голицына, четверо князей Долгорукихъ и вице-канцлеръ баронъ Остерманъ, уклонившійся, впрочемъ, высказать свое мнѣніе о престолонаслѣдіи подъ предлогомъ, во-первыхъ, что онъ иностранецъ, а во-вторыхъ—боленъ.

Послѣ долгихъ споровъ „верховники“ рѣшились, наконецъ, выбрать въ государыни вдовствующую герцогиню курляндскую, племянницу Петра I-го (дочь царя Іоанна Алексѣевича)— Анну Іоанновну.

— Почему ей не быть нашей царицей? сказалъ князь Димитрій Михайловичъ Голицынъ.—Она родилась среди насъ, отъ русскихъ родителей: она рода высокаго и притомъ находится въ такихъ лѣтахъ, что можетъ вступить вторично въ бракъ и оставить послѣ себя потомство. Намъ всѣмъ из-

*) Любимецъ Петра и товарищъ его дѣтства.

вѣстна доброта ея и прекрасныя качества. Говорятъ, будто у нея тяжелый характеръ: но столько лѣтъ она живетъ въ Курляндіи—и не слышно, чтобы тамъ противъ ней возникали какія-либо неудовольствія.

— Князь Димитрій Михайловичъ, замѣтилъ фельдмаршалъ Василій Владиміровичъ Долгорукій:—самъ Богъ внушилъ тебѣ такую мысль!.. Она исходитъ отъ чистосердечной любви твоей къ отечеству. Виватъ императрица Анна Іоанновна!..

Къ предложенію Димитрія Михайловича Голицына присоединились и остальные члены совѣта.

— Выберемъ кого изволите, господа, произнесъ князь:—только во всякомъ случаѣ намъ надобно себя *полегчить*.

— Какъ это *полегчить?* спросилъ кто-то.

— А такъ: воли себѣ прибавить.

— Хоть и затѣемъ, да не удержимъ этого! вставилъ свое слово Василій Лукичъ Долгорукій.

— Право, удержимъ! отвѣтилъ Димитрій Михайловичъ. (Костомаровъ).

О намѣреніи своемъ избрать на престолъ Анну Іоанновну „верховники“ сообщили синоду, сенату, генералитету и другимъ военнымъ и статскимъ чинамъ, которые въ назначенный часъ съѣхались въ Кремль, въ Мастерскую палату. Когда Димитрій Михайловичъ Голицынъ, державшій рѣчь къ собравшимся, сказалъ, что никто такъ не достоинъ быть государыней, какъ герцогиня курляндская,—всѣ единогласно одобрили это мнѣніе криками: виватъ!

Составленныя „верховниками“ условія, которымъ должна была подчиниться Анна Іоанновна при вступленіи на престолъ, заключали въ себѣ слѣдующіе пункты:

„Государыня обѣщаетъ сохранить Верховный тайный совѣтъ въ числѣ восьми членовъ и обязуется—безъ согласія съ нимъ: не начинать войны и не заключать мира; не отягощать подданныхъ новыми налогами; не производить въ знатные чины служащихъ какъ въ статской, такъ и въ военной сухопутной и морской службѣ выше полковничьяго ранга; не опредѣлять никого къ важнымъ дѣламъ; не жаловать вотчинъ; не отнимать безъ суда живота, имущества и

чести у шляхетства, и не употреблять въ расходы государственныхъ доходовъ“ .. (Костомаровъ).

Въ заключительномъ же пунктѣ условій было сказано: „А буде чего по сему обѣщанію не исполню и не додержу, то лишена буду короны россійской“!..

Избранная, по предложенію князя Димитрія Михайловича Голицына, депутація отправилась въ Москву, гдѣ и вручила Аннѣ Іоанновнѣ упомянутыя условія, объявивъ, что они составлены отъ имени всего государства и что въ нихъ изложено желаніе всего русскаго народа.

Хотя „верховники“ и приняли мѣры, чтобы до поры до времени герцогиня не получала изъ Москвы никакихъ извѣстій (весь городъ, напр., приказано было оцѣпить караулами и кругомъ поставить отряды солдатъ, чтобы никого не пропускать иначе, какъ только съ паспортомъ, выданнымъ изъ Верховнаго тайнаго совѣта),—но мѣры эти не достигли цѣли: нашлись люди, которые успѣли сообщить Аннѣ Іоанновнѣ о самовольныхъ дѣйствіяхъ вельможъ и предупредить ее, чтобы она не довѣрялась посланнымъ депутатамъ, такъ какъ шляхетство и народъ вовсе не одобряли затѣй „верховниковъ“. Предупрежденіе это было сдѣлано генералъ-прокуроромъ сената Ягужинскимъ (который. говорятъ, чувствовалъ себя обиженнымъ тѣмъ, что его не выбрали въ члены Верховнаго совѣта) и камергеромъ Левенвольдомъ.

Не смотря на то, Анна Іоанновна показала видъ, что она не сомнѣвается въ словахъ пословъ, и подписала предложенныя ей условія. Вѣсть объ этомъ возбудила неудовольствіе среди духовенства и большинства дворянъ, которымъ было крайне не желательно, чтобы „верховники“ захватили власть въ свои руки. По прибытіи Анны Іоанновны въ Москву, дворянская партія, во главѣ которой стояли князья Черкасскій и Трубецкой подъ руководительствомъ Остермана и митрополита Ѳеофана Прокоповича, вошла въ тайныя сношенія съ избранной государыней и отправила во дворецъ многочисленную депутацію съ прось-

бою—дозволить дворянамъ обсудить нѣкоторыя подробности, касающіяся новаго образа правленія. Императрица согласилась. Но въ тотъ же день была испрошена вторая аудіенція, во время которой князь Никита Трубецкой подалъ Аннѣ Іоанновнѣ, за подписью 166 лицъ, новую челобитную о возстановленіи въ государствѣ прежняго самодержавія. Въ челобитной было сказано:

„Усердіе вѣрныхъ подданныхъ побуждаетъ насъ по возможности не показаться неблагодарными; для того, въ знакъ нашего благородства, всеподданнѣйше приносимъ и всепокорно просимъ всемилостивѣйше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достославные предки имѣли, а присланные къ вашему императорскому величеству отъ Верховнаго тайнаго совѣта пункты и подписанные вашего величества рукою уничтожить“. (Костомаровъ).

Челобитная заканчивалась слѣдующими словами:

„Мы, напослѣдокъ, вашего императорскаго величества, всепокорнѣйшіе рабы, надѣемся, что въ благоразсудномъ правленіи государства, въ правосудіи и облегченіи податей по природному вашего величества благоутробію презрѣны не будемъ, но во всякомъ благополучіи и довольствѣ тихо и безопасно житіе свое препровождать имѣемъ. Вашего императорскаго величества всенижайшіе рабы“. (Костомаровъ).

Въ отвѣтъ на это государыня произнесла: „мое постоянное желаніе было—управлять моими подданными мирно и справедливо, но я подписала пункты и должна знать: согласны ли члены Верховнаго тайнаго совѣта, чтобъ я приняла то, что теперь предлагается народомъ“ Присутствовавшіе въ аудіенцъ-залѣ „верховники“ молча, въ знакъ согласія, склонили головы.

— Стало быть, продолжала Анна Іоанновна: — пункты, поднесенные мнѣ въ Митавѣ, были составлены не пожеланію народа?

— Нѣтъ! крикнуло нѣсколько голосовъ.

— Стало быть, ты меня обманулъ, князь Василій Лу-

кичъ? сказала государыня, обратившись къ стоявшему близъ нея Долгорукову. (Костомаровъ).

Затѣмъ, приказавъ подать составленныя „верховниками“ условія, она въ присутствіи всѣхъ собравшихся разорвала ихъ и объявила себя самодержавною императрицею, замѣтивъ при этомъ, что желаетъ быть „истинною матерью отечества и доставить своимъ подданнымъ всевозможныя милости“.

Бирономъ. По воцареніи Анны Іоанновны, главное, первенствующее мѣсто при дворѣ заняли уже не старые русскіе вельможи, а представители нѣмецкой партіи, во главѣ которой стояли Бирономъ, Минихъ и Остерманъ. Бирономъ, по происхожденію курляндецъ, сынъ придворнаго служителя, успѣвшій снискать къ себѣ расположеніе Анны еще въ Митавѣ,—пользовался неограниченнымъ довѣріемъ императрицы. Ставъ во главѣ управленія государственными дѣлами, онъ возбудилъ всеобщій ропотъ и неудовольствіе своею жестокостью, а потому неудивительно, что время его дѣятельности принадлежитъ къ числу самыхъ мрачныхъ и тяжелыхъ эпохъ въ русской исторіи и даже получило особое названіе—*бироновщины*. Въ числѣ особенно жестокихъ мѣръ, предпринимавшихся по распоряженію этого честолюбиваго „курляндца“, необходимо, напр., отмѣтить собираніе государственныхъ податей, сопровождавшееся весьма печальными эпизодами: по различнымъ областямъ имперіи разсылались обыкновенно военныя команды, которымъ было предоставлено право отбирать у крестьянъ скотъ и даже послѣднее имущество; помѣщиковъ же, не желавшихъ подчиняться требованіямъ правительственной власти, сажали въ тюрьму. Повсюду царили доносы и шпіонство, за которыми слѣдовали пытки, казни и ссылки въ Сибирь. Ни одна жалоба на притѣсненія народа не достигала до престола: Бирономъ съумѣлъ окружить императрицу такими людьми, которые, будучи ему преданы всей душой, старались, напротивъ, увѣрить Анну Іоанновну въ благоденствіи ея подданныхъ. Между

тѣмъ на дѣлѣ происходило слѣдующее: старые русскіе вельможи, чувствовавшіе нерасположеніе къ нѣмецкой партіи, подвергались преслѣдованію, а нѣкоторые изъ нихъ (какъ напр., двое князей Долгорукихъ) были даже казнены; представители высшаго духовенства, архіереи и архіепископы, лишались сана и заключались въ тюрьмы; священники, забывавшіе отслужить молебенъ въ какой-нибудь царскій день, разстригались, были биты кнутомъ и ссылаемы въ Сибирь.

„Довольно было того, если кто подслушалъ, какъ двѣ бабы-торговки болтали между собою и пересказывали одна другой ходившія въ народѣ сплетни, въ которыя замѣшивалось имя императрицы или ея любимца: слушавшему стоило закричать „слово и дѣло“—его тащили въ „тайную“ *), за нимъ тянули оговоренныхъ имъ бабъ; бабы наговаривали сперва одна на другую, потомъ наименовывали разныхъ лицъ; отыскивали послѣднихъ, подвергали допросу и жесточайшимъ пыткамъ—дыбѣ, кнутамъ, вожденію по спицамъ, жженію огнемъ. Обыкновенно, дѣло не представляло той важности, какой отъ него ожидали, но попавшійся въ тайную канцелярію рѣдко выходилъ изъ нея, а обвиненный почти никогда не возвращался домой: при страшныхъ пыткахъ всегда находились виновные, потому что одинъ видъ орудій, терзающихъ человѣческое тѣло, способенъ былъ побудить большинство людей принять на себя какія угодно преступленія и оговорить хоть родного отца“. (Костомаровъ).

Волынскій. Печальная судьба постигла, между прочимъ, и такого человѣка, какъ кабинетъ-министръ Артемій Волынскій. Отличаясь гордымъ, непреклоннымъ характеромъ, вельможа этотъ, къ сожалѣнію, запятналъ себя безнравственными поступками: въ бытность свою губернаторомъ въ Казани бралъ, напр., взятки и позволялъ себѣ даже открытое грабительство. Это былъ одинъ изъ тѣхъ людей, у которыхъ, по выраженію одного архіерея того времени,—*„отъ ихъ чрезвычайныхъ забавъ люди Божіи лишаются сего свѣта безвременно“*.

*) Такъ называлась особая канцелярія, находившаяся подъ управленіемъ генерала Андрея Ивановича Ушакова, прославившагося своею суровостью.

Вступивъ въ борьбу съ сильною нѣмецкою партіею, Волынскій вооружилъ противъ себя Бирона и, будучи обвиненъ въ замыслахъ противъ правительства поплатился за то жизнію: онъ былъ казненъ.

Правительственныя распоряженія. Переходя къ правительственнымъ распоряженіямъ, которыми ознаменовано царствованіе Анны Іоанновны, необходимо отмѣтить главнѣйшія изъ нихъ: 1) уничтоженіе Верховнаго тайнаго совѣта и возстановленіе сената въ томъ значеніи, въ какомъ создалъ его Петръ I-й; 2) учрежденіе *„кабинета министровъ“*, въ составѣ котораго находились: канцлеръ графъ Головкинъ, князь Алексѣй Черкасскій, баронъ Андрей Ивановичъ Остерманъ и графъ Минихъ, главнокомандующій россійскихъ войскъ; 3) сокращеніе срока дворянской службы до 25-ти лѣтъ; 4) основаніе въ Петербургѣ перваго кадетскаго корпуса для воспитанія дворянскихъ дѣтей; 5) уравненіе жалованья русскихъ офицеровъ съ жалованьемъ иностранцевъ, находившихся на службѣ въ Россіи, и, наконецъ, 6) увеличеніе числа гвардейскихъ полковъ (Преображенскаго и Семеновскаго) двумя новыми—Коннымъ и Измайловскимъ.

Внѣшнія дѣла. Къ дѣламъ же такъ называемой внѣшней политики относятся: 1) возвращеніе Персіи провинцій, завоеванныхъ Петромъ I-мъ и не приносившихъ почти никакой пользы Россіи; 2) вооруженное вмѣшательство въ польскія дѣла, окончившееся осадою г. Данцига и утвержденіемъ на польскомъ престолѣ саксонскаго курфюрста Августа III-го, вмѣсто саперника его—короля Станислава Лещинскаго и 3) война съ Турціей подъ предводительствомъ фельдмаршаловъ Миниха и Ласси, которые хотя и отличались своими побѣдами въ Крыму (взяты, напр., Азовъ, Перекопъ, Очаковъ), но къ сожалѣнію, побѣды эти стоили большихъ жертвъ и расходовъ.

Домашняя жизнь Анны Іоанновны. По словамъ Костомарова *), Анна „представляла собою образецъ рус-

*) Извѣстный русскій историкъ, уже умершій.

кой барыни стариннаго покроя, какихъ въ то время можно было встрѣчать повсюду на Руси". Въ числѣ ея любимыхъ забавъ и удовольствій были: верховая ѣзда и стрѣльба, въ которой она упражнялась изъ оконъ дворца, гдѣ для нея устраивалась на дворѣ примѣрная охота. Пятая страсть къ нарядамъ, государыня предпочитала въ нихъ яркіе цвѣта (напр., небесно-голубой, зеленый и друг.) и требовала, чтобы никто не являлся во дворецъ въ черныхъ платьяхъ. Для развлеченія, во дворцѣ давались иногда спектакли, состоявшіе исключительно изъ иностранныхъ пьесъ—нѣмецкихъ и итальянскихъ, а въ 1736 году императрица ввела даже въ Россіи первый разъ оперу, на итальянскомъ языкѣ.

Самое же большое удовольствіе доставляли Аннѣ Іоанновнѣ шуты, изъ которыхъ особенно славились: Балакиревъ, извѣстный еще при Петрѣ Великомъ, португальскій жидъ Лякоста и итальянецъ Педрилло. Помимо шутовъ, государыня окружала себя всякаго рода забавницами, которыя должны были потѣшать ее смѣшными разсказами, анекдотами и проч. На сколько нравились ей эти забавы—видно, напр., изъ слѣдующаго письма, писаннаго на имя одного изъ вельможъ, Семена Андреевича Салтыкова:

„Живетъ въ Москвѣ у вдовы Загряжской Авдотьи Ивановны княжна Пелагея Афанасьевна Вяземская, и ты прежде спроси объ ней у Степана Грекова, а потомъ ее сыщи и отправь сюда ко мнѣ; такъ, чтобы она не испужалась, то объяви ей, что я ее беру изъ милости, и въ дорогѣ вели ее беречь. А я ее беру для своей забавы: какъ сказываютъ, она много говоритъ. Только ты ей того не объявляй..." (Костомаровъ).

Вотъ еще одна характерная черта, прекрасно рисующая царицу въ домашнемъ быту и показывающая, до какихъ мелочей касалась она иногда въ хозяйствѣ. Узнавъ, напр., что придворныя прачки стираютъ бѣлье государыни и другихъ лицъ въ однихъ и тѣхъ же корытахъ,—Анна Іоанновна дала за это строгій выговоръ кастеляншѣ и на будущее время приказала ей:

„...Для мытья нашего и принцессина бѣлья имѣть особ-

ливую палату и держать ее всегда подъ замкомъ, и отмыкать только тогда, когда мытье будетъ; и для того мытья имѣть особливыхъ прачекъ, человѣкъ семь или сколько будетъ потребно, и смотрѣть, чтобъ тѣ прачки ни на придворныхъ, ни на постороннихъ, ни на кого отнюдь ничего не мыли, также въ упомянутыхъ судахъ ни вмѣстѣ, ни послѣ нашего бѣлья ничьихъ не мыли, и во время мытья въ тое палату никого не пущали, кому тутъ дѣла не будетъ, чего на-крѣпко смотрѣть и исправлять по сему". (Костомаровъ).

Регенство Бирона. Анна Леопольдовна. За годъ до смерти Анна Іоанновна, желая, чтобы русскій престолъ остался за потомствомъ отца ея, Іоанна Алексѣевича,— выдала замужъ племянницу свою, принцессу Анну Леопольдовну за Антона Ульриха, герцога брауншвейгскаго; когда же отъ этого брака родился сынъ (названный въ память дѣда Іоанномъ), она объявила его наслѣдникомъ престола. Этимъ временемъ честолюбивый Бирон, сдѣланный уже герцогомъ курляндскимъ, сталъ хлопотать о назначеніи его, до времени совершеннолѣтія наслѣдника, регентомъ въ государствѣ. Умирающая императрица, послѣ нѣкотораго колебанія, исполнила его просьбу, хотя и предупредила, что это можетъ имѣть дурныя послѣдствія для герцога. Предсказаніе Анны оправдалось: черезъ три недѣли Бирон былъ захваченъ фельдмаршаломъ Минихомъ (предложившимъ матери малолѣтняго императора свои услуги для сверженія регента) и сосланъ въ Пелымъ. Правительницею была объявлена Анна Леопольдовна. Регенство ея продолжалось недолго: 25-го ноября 1741 года она была арестована, и императрицей провозглашена Елизавета Петровна, дочь Петра I-го, по повелѣнію которой бывшій наслѣдникъ престола, маленькій Іоаннъ Антоновичъ, заключенъ впослѣдствіи въ Шлиссельбургскую крѣпость, родители же его отправлены въ Холмогоры. Что касается Миниха, Остермана и другихъ вельможъ, способствовавшихъ вступленію на престолъ Анны Іоанновны и устранявшихъ отъ него Елизавету, то всѣ они были приговорены судомъ къ смерти, которую, впрочемъ, императрица замѣнила ссылкою.

Елизавета Петровна (1741—1761 г.).

Главные дѣятели въ царствованіе Елизаветы. Со вступленіемъ на престолъ Елизаветы Петровны, нѣмецкая партія, игравшая большую роль при дворѣ Анны Іоанновны, окончательно пала, уступивъ свое мѣсто исключительно русскимъ вельможамъ. Въ числѣ послѣднихъ самыми приближенными къ императрицѣ особами были: братья Разумовскіе, Алексѣй и Кириллъ, и Шуваловы, Иванъ и Петръ Ивановичи. Старшій изъ Разумовскихъ состоялъ сначала въ хорѣ придворныхъ пѣвчихъ, но затѣмъ, обративъ на себя вниманіе Елизаветы, на столько возвысился, что достигъ званія фельдмаршала и возведенъ былъ даже въ графское достоинство: младшій же, Кириллъ, превосходившій брата по своему образованію, полученному имъ за-границей, былъ выбранъ въ малороссійскіе гетманы, вмѣсто умершаго гетмана Апостола. Не меньшимъ довѣріемъ императрицы пользовались и Бестужевы-Рюмины: одинъ—въ должности оберъ-гофмейстера, а другой — канцеляра, вѣдавшаго внѣшнія дѣла имперіи.

Внутреннія мѣропріятія. Изъ государственныхъ мѣропріятій Елизаветы Петровны,—первымъ по времени и наиболѣе важнѣйшимъ слѣдуетъ признать уничтоженіе бывшаго „кабинета министровъ“, пользовавшагося большимъ значеніемъ въ предшествующее царствованіе. Затѣмъ идутъ: узаконенія о рекрутской повинности, по которымъ, согласно плану Петра Ивановича Шувалова, наборъ рекрутъ сталъ производиться уже ежегодно и притомъ не вдругъ со всей имперіи, а съ каждой ея части по очереди (1 человѣкъ съ 100), для чего Россія была раздѣлена на пять полосъ. Для дворянства и купечества, въ видахъ избавленія ихъ отъ ростовщиковъ, берущихъ высокіе проценты, были учреждены два заемныхъ банка, въ которыхъ можно было получать ссуды подъ залогъ какъ движимаго, такъ и недвижимаго имущества, по 6% въ годъ; дворянскій банкъ имѣлъ вначалѣ капиталъ 750,000 руб., а купеческій—500,000. Изъ послѣдняго пользовались ссудами только

тѣ купцы, которые торговали при петербургскомъ портѣ. Съ цѣлью вообще оживленія торговыхъ оборотовъ въ Россіи, по мысли того же Петра Шувалова, правительство нашло возможнымъ уничтожить внутреннія таможни и разныя мелочные сборы (напр., съ найма извозчиковъ, со сплавныхъ судовъ, съ пригоннаго скота, сборъ съ мостовъ и перевозовъ, съ водопоя, ледокола и мног. друг.), значительно стѣснявшіе торговое сословіе въ государствѣ; пошлины же на иностранные товары были, напротивъ, значительно повышены. Одною изъ выдающихся законодательныхъ мѣръ въ царствованіе Елизаветы Петровны была, между прочимъ отмѣна въ уголовномъ судопроизводствѣ смертной казни.

Заботясь объ образованіи своихъ подданныхъ, Елизавета основала (1755 г.) первый университетъ въ Россіи—въ Москвѣ, при которомъ были открыты двѣ гимназіи: одна—для дворянъ, другая—для разночинцевъ. Въ указѣ объ учрежденіи университета были слѣдующія многознаменательныя слова: „Петръ великій погруженную въ глубину невѣжества Россію къ познанію истиннаго благополучія приводилъ, и по тому же пути желаетъ слѣдовать дщерь его, императрица Елизавета Петровна“.

Въ слѣдующемъ 1756 г. состоялся указъ объ открытіи постояннаго русскаго театра въ столицѣ, помѣщавшагося на Васильевскомъ островѣ, близъ Сухопутнаго кадетскаго корпуса, въ домѣ Головкина *). Наконецъ, въ 1757 г. была учреждена академія художествъ для приготовленія архитекторовъ, живописцевъ и скульпторовъ.

Война съ Швеціей. Переходя къ дѣламъ внѣшней политики, скажемъ, въ краткихъ словахъ, о двухъ войнахъ, которыя пришлось вести Елизаветѣ Петровнѣ за время ея двадцатилѣтняго царствованія. Первая война была съ Швеціей, желавшей возвратить себѣ завоеванную Петромъ I-мъ часть Финляндіи. Шведы потерпѣли

*) Канцлеръ въ царствованіе Анны Іоанновны.

полное пораженіе и должны были заключить миръ (въ г. Або, 1743 г.), по которому Россія пріобрѣла новую часть княжества—до рѣки Кюменя.

Участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ. Не менѣе блистательно было участіе Елизаветы въ такъ-называемой *Семилѣтней* войнѣ, въ которой она помогала австрійской императрицѣ Маріи Терезіи въ союзѣ послѣдней съ Франціей противъ прусскаго короля Фридриха II, пользовавшагося личнымъ нерасположеніемъ русской государыни и представлявшаго, по своему характеру и завоевательнымъ замысламъ, далеко не безопаснаго сосѣда для Россіи. Каждая изъ воюющихъ державъ стремилась склонить Елизавету на свою сторону: для этого были пущены въ ходъ всевозможныя интриги и даже подкупы вліятельныхъ лицъ при петербургскомъ дворѣ. Наконецъ, партія, стоявшая за французско-австрійскій союзъ, одержала верхъ, вслѣдствіе чего въ 1757 году восьмидесятитысячная русская армія, подъ начальствомъ фельдмаршала Апраксина, и двинулась въ восточную Пруссію. Занявъ пограничный съ польскими землями городъ Мемель и разбивъ прусскаго генерала Левальда при деревнѣ Гроссъ-Эгернсдорфѣ, куда послѣдній отступилъ для защиты Кенигсберга,—Апраксинъ, къ крайнему удивленію союзниковъ, ушелъ въ Польшу, какъ будто бы потерпѣвъ пораженіе. На самомъ же дѣлѣ онъ поступилъ такъ по совѣту канцлера Бестужева, который, воспользовавшись опасной болѣзнью Елизаветы и разсчитывая на скорую перемѣну въ правленіи, желалъ, въ виду своихъ личныхъ выгодъ, угодить будущему государю Петру III, не одобрявшему войны съ Пруссіей.

Возмущенная самовольнымъ поступкомъ фельдмаршала, Елизавета приказала вызвать его въ Петербургъ и предать суду, но Апраксинъ скоро умеръ. Бестужевъ же былъ удаленъ отъ должности и сосланъ въ деревню. Между тѣмъ война съ Фридрихомъ продолжалась. Новый начальствующій надъ войсками генералъ Ферморъ взялъ Кенигсбергъ и, заставивъ восточную Пруссію присягнуть Елизаветѣ, двинулся далѣе на

западъ, по направленію къ Одеру, думая дойти до Берлина; на пути его встрѣтилъ самъ Фридрихъ II, съ которымъ при деревнѣ Цорндорфѣ (1758 г.) и произошло кровопролитное сраженіе, окончившееся отступленіемъ Фермора. Въ 1759 г. состоялся новый походъ въ Пруссію, подъ начальствомъ графа Салтыкова, который, соединившись съ австрійцами, окончательно разбилъ Фридриха II при деревни Кунерсдорфѣ, невдалекѣ отъ Франкфурта. Пруссаки обратились въ бѣгство; самъ король едва не попался въ плѣнъ. Въ слѣдующемъ году Чернышевъ направился къ Берлину, который и былъ временно занятъ русскими. Положеніе Фридриха II, обезсиленнаго продолжительной войной, было на столько тяжелое и критическое, что онъ уже не могъ болѣе вести борьбу съ Россіею. Къ счастію для Пруссіи, въ это время скончалась Елизавета Петровна, преемникъ которой, императоръ Петръ III, немедленно заключилъ миръ съ Фридрихомъ и возвратилъ ему всѣ земли, пріобрѣтенныя Россіей въ *Семилѣтнюю* войну.

Болѣзнь и кончина Елизаветы Петровны. Будучи красавицей, высокаго роста, съ истинно-царскою, величавою осанкою, Елизавета Петровна, къ сожалѣнію, страдала тяжкими болѣзненными припадками, которые все чаще и чаще стали повторяться въ послѣдніе годы ея царствованія. Вотъ одинъ такой печальный случай, бывшій съ Елизаветой въ 1758 году.

„8-го сентября, въ день Рождества Богородицы, императрица пошла изъ царскосельскаго дворца пѣшкомъ къ обѣднѣ въ приходскую церковь, находившуюся въ нѣсколькихъ шагахъ отъ воротъ дворца. Только что началась обѣдня, императрица почувствовала себя дурно, сошла по крыльцу и, дошедши до угла церкви, упала безъ чувствъ на траву. Въ церкви было много народа, который сходился туда на праздники изъ окрестныхъ деревень. Съ государыней не было никого изъ ея свиты. Императрица лежала безъ движенія; толпа, окруживъ ее, смотрѣла на нее; но никто не смѣлъ къ ней прикоснуться. Наконецъ, дали знать во дворецъ: явились придворныя дамы, прибыли и два доктора. Ее покрыли бѣлымъ платкомъ. Она была велика ростомъ,

тяжела, и, падая на землю, ушиблась. Хирургъ, тутъ же на травѣ, пустилъ ей кровь, но государыня не приходила въ чувство. Ей пришлось пролежать такимъ образомъ около двухъ часовъ. Весь дворъ и видѣвшій это народъ пришли въ смятеніе и ужасъ, тѣмъ болѣе, что о болѣзни императрицы мало кто и зналъ". (Костомаровъ).

Такіе припадки, усиливаясь съ годами, окончательно расшатали здоровье Елизаветы: съ нею сдѣлалась водяная, отъ которой она и умерла въ 1761 г., 53-хъ лѣтъ отъ роду. Старшій сенаторъ князь Никита Трубецкой объявилъ: „императрица Елизавета Петровна скончалась и государствуетъ въ Россійской имперіи его величество императоръ Петръ III" *), который, какъ извѣстно, еще въ началѣ царствованія Елизаветы (въ 1742 г.) былъ объявленъ наслѣдникомъ престола и затѣмъ черезъ два года обвѣнчанъ съ принцессою ангальтъ-цербтскою Софіею-Августою—будущею императрицею Екатериною II Алексѣевной.

Петръ III (1761—1762 г.).

Отреченіе отъ престола и смерть Петра III. Петръ III Ѳеодоровичъ, родившійся въ Килѣ (главномъ городѣ Голштиніи). и получившій заграницей свое первоначальное воспитаніе, былъ восторженнымъ поклонникомъ прусскаго короля Фридриха II. Не будучи въ состояніи отрѣшиться отъ прежнихъ привязанностей къ своимъ голштинцамъ и видя, что супруга его пользуется большими симпатіями и любовью со стороны русскихъ,—онъ рѣшилъ уступить ей управленіе государствомъ, отрекся отъ престола и удалился въ Ропшу, гдѣ скоро и умеръ (1762 г.). Тѣло его, погребенное первоначально въ Благовѣщенской церкви Александро-Невской лавры, спустя 34 года, по повелѣнію импера-

*) Герцогъ голштинскій Петръ Ульрихъ, сынъ Анны Петровны, племянникъ Елизаветы.

тора Павла I, было вынуто изъ земли, торжественно перенесено въ Зимній Дворецъ и затѣмъ вновь предано землѣ въ Петропавловскомъ соборѣ.

Внутреннія распоряженія. Не смотря на кратковременное царствованіе, Петръ III успѣлъ заявить себя слѣдующими замѣчательными распоряженіями: 1) издалъ манифестъ объ уничтоженіи обязательной службы для дворянства; 2) уничтожилъ страшную канцелярію тайныхъ розыскныхъ дѣлъ, запретивъ произносить „слово и дѣло"; 3) улучшилъ чеканку монеты и 4) запретилъ преслѣдованіе раскольниковъ. Нѣкоторые изъ вельможъ, сосланныхъ при Елизаветѣ Петровнѣ были возвращены Петромъ изъ Сибири. Въ числѣ возвращенныхъ былъ и Минихъ.

Екатерина II (1762—1796 г.).

Екатерина-цесаревна. Екатерина II, бывшая нѣмецкая принцесса Софія-Августа-Фридерика, родилась въ Пруссіи, въ 1729 г. Отецъ ея, генералъ прусской службы, былъ сначала губернаторомъ г. Штетина, а впослѣдствіи сдѣлался владѣтельнымъ княземъ цербтскимъ *) Обладая блестящими способностями, Екатерина развила свой умъ чтеніемъ сочиненій лучшихъ писателей того времени и вскорѣ такъ прекрасно изучила русскій языкъ, что могла не только свободно объясняться на немъ, но даже и писать потомъ сочиненія. Мало того: основательно ознакомившись съ исторіею русскаго народа, она усвоила себѣ его нравы, его обычаи и знала почти всѣ русскія поговорки. Все это возбуждало къ ней любовь и всеобщее удивленіе.

Екатерина-императрица. По смерти Петра III, царствовавшаго только полгода, Екатерина сдѣлалась русскою

---

*) Княжество цербтское находилось въ то время на границѣ Пруссіи и Саксоніи.

императрицею, прославивъ свое имя громкими завоеваніями и мудрыми государственными распоряженіями.

Чрезвычайно интересенъ взглядъ на нее одного изъ ея современниковъ—австрійскаго принца де-Линя состоявшаго въ то время посломъ при русскомъ дворѣ.

„Екатерины Великой уже нѣтъ!.. (Такъ говоритъ де-Линь). Какъ ужасны эти слова!.. Перо мое едва могло написать ихъ. Вселенная лишилась въ Екатеринѣ—великой женщины, Россія—матери отечества. Я ее видѣлъ, я внималъ ея рѣчамъ, я сопровождалъ ее въ различныхъ путешествіяхъ; образъ ея, слова, каждый ея шагъ запечатлѣлись въ моей душѣ. Постараюсь хотя въ слабыхъ чертахъ описать ее.

„Екатерина поражала всякаго своимъ величіемъ... На лицѣ ея явственно были написаны: умъ, правосудіе, мужество, глубокомысліе, кротость и великодушіе. Присутствіе Екатерины все озаряло и одушевляло. Она во всемъ наблюдала строгую точность и обладала превосходнымъ искусствомъ слушать каждаго: казалось, что она и тогда слушала, когда совсѣмъ объ иномъ думала. Не желая блистать разговоромъ, она старалась давать цѣну рѣчамъ другихъ. Ничто не могло воспрепятствовать ея предпріятіямъ: Екатерина готова была ко всему, все предвидѣла и ничего не страшилась.

„Если бы Екатерина II не была женщиною, если бы она могла, подобно Петру I, видѣть все своими глазами, быть вездѣ и вникать во всѣ подробности, то въ обширной ея державѣ не существовало бы никакихъ злоупотребленій.

„Екатерина украшалась свойствами великаго человѣка. Она была не *властительницею*, а *зиждительницею* своей державы. Не предоставляя ничего удачѣ, она и въ мирѣ, и въ войнѣ не испытывала никакой превратности.

„При дворѣ ея не было ничего принужденнаго, ничего излишняго. Смѣсь азіатскихъ и европейскихъ одеждъ и обыкновеній, напоминающихъ о тридцати народахъ, подвластныхъ ея скипетру,—поражала и удивляла.

„Екатерина не требовала наружнаго боготворенія: она хотѣла владычествовать въ сердцахъ своего народа. Взглядъ Екатерины II ободрялъ и успокаивалъ; она любила славу и наслаждалась ею спокойно.

„Екатерина во всякомъ состояніи была бы превосходною

женщиною. Но званіе императрицы было ей всего приличнѣе: величіе ея души, обширный ея разумъ равнялись пространству ея державы. Она знала себя и умѣла цѣнить достоинство другихъ; назначая каждому мѣсто по способностямъ, она проникала въ понятія и въ сердца своихъ подданныхъ.

„Никто не отваживался въ ея присутствіи шутить надъ нравами и вѣрою.

„Путешествіе Екатерины II по Таврической области можно назвать волшебствомъ. На каждомъ почти шагу мы встрѣчали нечаянное, неожидаемое. Тамъ видѣли эскадры; тамъ—конные отряды; тамъ освѣщеніе на нѣсколько верстъ; здѣсь—сады, въ одну ночь разведенные. Повсюду Екатерина увѣнчивалась торжествами, изъявленіями благодарности, благоговѣнія и восторговъ. Господари валахскіе, сверженные съ престоловъ цари кавказкіе—всѣ стекались подъ покровъ Екатерины, всѣ умоляли ее быть ихъ защитницею, благотвотельницею, матерью...

„Среди этихъ торжествъ и поклоненій Екатерина оставалась *Екатериною*: ничто не возмущало ея скромности и великодушія; тщеславіе и гордость не смѣли къ ней подступить. Кто видѣлъ Екатерину II на полѣ, гдѣ происходило полтавское сраженіе, тотъ видѣлъ истинную наслѣдницу скипетра и духа Петра I. Взглянувъ на мѣста, гдѣ должна была рѣшиться судьба двухъ царствъ, она произнесла слѣдующія незабвенныя слова: „Смотрите, отъ чего зависитъ жребій державъ!.. Одинъ день, одно мгновеніе рѣшаетъ ихъ судьбу... Одна погрѣшность, одинъ легкомысленный шагъ уничтожилъ всю славу, всѣ долговременные успѣхи Карла XII. Тотъ, кто приводилъ въ трепетъ Саксонію, Австрію, Италію,—тотъ самый побѣдитель народовъ бѣжалъ съ полей полтавскихъ... А безъ того и насъ бы здѣсь не было!...“

„Екатерина никогда не гонялась за острыми словами: рѣчь ея была проста и несравненна.

„Я назвалъ однажды Екатерину *непоколебимою*, *непреложною:* она дѣйствительно была такою. Вотъ нѣкоторые тому примѣры.—Начавъ войну съ шведскимъ королемъ, она прислала мнѣ письмо: „Ваша *непреложная* пишетъ вамъ при громѣ пушечномъ, отъ котораго трясутся окны ея столицы“.

Подъѣзжая къ Бахчисараю, я сидѣлъ съ Екатериной въ шестимѣстной каретѣ. Лошади чего-то испугались и понеслись съ горы. Я наблюдалъ за выраженіемъ лица Екатерины: къ удивленію моему, она сидѣла спокойно, какъ и за завтракомъ, послѣ котораго мы отправились въ путь.

„Во время войны съ Турціей Екатерина, быстро и спокойно написавъ собственною рукою распоряженіе о новыхъ военныхъ дѣйствіяхъ, послала таковое къ Потемкину, подъ Очаковъ, съ слѣдующими словами: „Такъ ли я написала?“

„Всю славу своего царствованія Екатерина относила къ другимъ.—„Орловъ, говорила она, присовѣтовалъ мнѣ послать флотъ въ Архипелагъ... Князю Потемкину обязана я изгнаніемъ всѣхъ татаръ, грозившихъ непрестанно предѣламъ Россіи. Я только выбрала того и другого... Блескъ моихъ побѣдъ принадлежитъ фельдмаршалу Румянцеву *). Я только что счастлива; а если мною довольны, то это потому, что я нѣсколько тверда и постоянна въ своихъ правилахъ. Я поручаю большую власть моимъ чиновникамъ. Нѣкоторые употребляютъ ее во зло въ отдаленныхъ намѣстничествахъ, сопредѣльныхъ персіанамъ, туркамъ и китайцамъ,—тѣмъ хуже для нихъ. Богъ видитъ, что я стараюсь узнать и поправлять зло... Не могу за всѣмъ усмотрѣть... Бьюсь объ закладъ, что въ вашей Европѣ Богъ знаетъ какъ обо мнѣ толкуютъ. Тамъ безпрестанно утверждаютъ, что я разоряюсь и расточаю казну. Богъ съ ними!.. *Мое маленькое хозяйство* **) идетъ своимъ чередомъ. Повѣрьте, что мнимая моя расточительность есть хозяйство: все то, что́ я даю, остается въ моемъ государствѣ и опять ко мнѣ возвращается...“

Въ бытность свою въ Москвѣ Екатерина узнала, что въ нѣкоторыхъ намѣстничествахъ появились признаки голода.—Тотчасъ же прекратились тержества; благотворительность заступила мѣсто великолѣпій; человѣколюбіе и состраданіе замѣнили роскошь. Тысячи повозокъ нагрузились хлѣбомъ; привозъ фруктовъ въ Россію остановился. На лицѣ Екатерины тогда только блеснулъ лучъ спокойствія, когда она

---

*) Суворовъ не прославился еще тогда ни сраженіемъ подъ Кинбурномъ, ни побѣдою на Рымникѣ, ни взятіемъ Измаила.

**) Любимое выраженіе Екатерины.

сдѣлала всѣ нужныя распоряженія къ прекращенію голода. Екатерина знала *общее расположеніе* народнаго духа и, по величію души своей, не входила въ разсмотрѣніе *частныхъ* неудовольствій и ропота. Она не выносила наговоровъ, что́ подтверждается слѣдующими ея словами въ письмѣ къ Румянцову-Задунайскому: „Я уже надувателей не имѣю, переносчиковъ не люблю и сплетней складчиковъ, которые людей—вѣстьми, ими же самими часто выдуманными,—приводятъ въ несогласіе, терпѣть не могу."

„Величіемъ души и дѣяній своихъ Екатерина удивляла и поражала; человѣколюбіемъ—привлекала къ себѣ сердца... Нерѣдко, вставая ранѣе обыкновеннаго (т. е. половины шестого), она сама разводила огонь, никого не безпокоя...

„Я проѣхалъ съ Екатериною нѣсколько тысячъ верстъ. Я видѣлъ, какъ на каждомъ шагу встрѣчали ее—любовь и приверженность подданныхъ; я видѣлъ, какъ русскіе воины, сражаясь съ врагами и природой, радостно летѣли на всѣ опасности и на смерть, восклицая съ восхищеніемъ: „*Умремъ за Матушку!..*"

Внутренняя дѣятельность Екатерины II. Комиссія для составленія Новаго Уложенія. Наказъ. Переходя къ разсмотрѣнію законодательныхъ мѣръ императрицы Екатерины II, необходимо замѣтить, что, будучи еще великой княгиней, она внимательно слѣдила за ходомъ внутренняго управленія и видѣла его слабыя стороны и даже недостатки. Вотъ почему въ первые же годы своего царствованія она усиленно занялась вопросомъ о новомъ государственномъ устройствѣ въ имперіи. Находя, напр., извѣстное „Уложеніе" царя Алексѣя Михайловича неудовлетворительнымъ и даже устарѣвшимъ, она задумала исправить и дополнить его новыми постановленіями. Въ виду этого была учреждена особая комиссія изъ представителей отъ разныхъ учрежденій и сословій, для руководства которой Екатерина написала свой знаменитый „Наказъ", заключавшій въ себѣ мысли ея о государствѣ, законахъ, объ обязанностяхъ гражданина, о наказаніяхъ и проч. Хотя комиссія эта и открыла свои дѣйствія 30-го іюня 1767 года (въ Москвѣ,

въ Грановитой палатѣ), но уже въ слѣдующемъ году, по случаю войны съ Турціей, засѣданія ея прекратились, и депутаты были распущены. Такимъ образомъ вопросъ о составленіи новаго „Уложенія“ остался не разрѣшеннымъ.

Учрежденіе о губерніяхъ. Заботы о внѣшнемъ благоустройствѣ въ странѣ. Въ 1775 г., особымъ указомъ, Россія была раздѣлена на 50 губерній, съ населеніемъ отъ 300 до 400 тысячъ душъ на каждую; губерніи дѣлились на уѣзды и управлялись губернаторами. Иногда двѣ-три губерніи составляли генералъ-губернаторство. Въ уѣздахъ были учреждены: *уѣздные суды*—для дворянъ, *городовые магистраты*—для купцовъ и мѣщанъ, *нижнія расправы*—для однодворцевъ и государственныхъ крестьянъ, *нижніе земскіе суды*—для полиціи и *казначейства*—для сбора и храненія доходовъ; губернскія же учрежденія были: *верхній земскій судъ*, *губернскій магистратъ* и *верхняя расправа*. Кромѣ того въ губернскихъ городахъ находились: *уголовная палата*—для разбирательства уголовныхъ дѣлъ, *гражданская*—для разбирательства тяжбъ, *казенная*—для управленія финансами и *губернское правленіе*, въ которомъ сосредоточивалась исполнительная и полицейская власть. Затѣмъ слѣдовали: *совѣстные* суды—для разбора семейныхъ ссоръ и несогласій, *дворянскія опеки и сиротскіе суды*—для попеченія о сиротахъ изъ дворянъ и купечества и *приказы общественнаго призрѣнія*—для попеченія о богадѣльняхъ и школахъ. Заботясь о внутреннемъ благоустройствѣ, Екатерина II-я, въ то же время, не мало думала и о наружномъ видѣ городовъ, въ которыхъ вводились упомянутыя преобразованія, а именно—о проведеніи прямыхъ, широкихъ улицъ и о постройкѣ возможно большаго числа каменныхъ зданій; помимо красоты, тутъ имѣлось въ виду, съ одной стороны, сохраненіе лѣса, а съ другой—предохраненіе отъ пожаровъ.

Городовое положеніе. Въ 1785 г. издано было *Городовое положеніе*, по которому купечество дѣлилось на

три разряда или *гильдіи*, сообразно величинѣ капитала торгующихъ; имѣвшіе менѣе 500 руб. назывались *мѣщанами;* ремесленники же, по разнообразію своихъ занятій, были раздѣлены на *цехи*. Всѣ податныя сословія выбирали изъ своей среды „городскую думу", состоявшую изъ городского головы и шести членовъ, срокомъ на три года. Дума должна была слѣдить за всѣми дѣлами, касающимися города: за его доходами, расходами, общественными постройками и проч.

Жалованная грамота дворянству. Почти одновременно съ Городовымъ положеніемъ, въ томъ же 1785 г., дарована была дворянству *жалованная грамота*, въ силу которой это сословіе освобождалось отъ личной подати, тѣлесныхъ наказаній, получило исключительное право владѣть крѣпостными людьми и право выбирать изъ своей среды лицъ въ общественныя должности—напр. предводителей дворянства, уѣздныхъ судей, начальниковъ земской полиціи (исправники) и проч.

Крѣпостное право. Хотя императрица, благодаря своему просвѣщенному взгляду, и находила, что крѣпостное право вредно дѣйствуетъ на народную нравственность и первое время даже думала ограничить помѣщичью власть, но, не встрѣтивъ себѣ въ этомъ отношеніи сочувствія въ средѣ большинства дворянъ,—принуждена была оставить въ сторонѣ мысль о преобразованіи быта крестьянскаго сословія.

Финансы. Къ числу финансовыхъ мѣропріятій Екатерины относятся: введеніе въ Россіи ассигнацій или бумажныхъ денегъ и учрежденіе двухъ банковъ: 1) ассигнаціоннаго (въ 1768 г.) съ капиталомъ въ милліонъ рублей звонкою монетою и 2) государственнаго заемнаго (въ 1786 г.)—для ссудъ дворянамъ и городскимъ обывателямъ на условіи 5-ти процентовъ, срокомъ отъ 20 до 22 лѣтъ.

Мѣры къ заселенію степныхъ пространствъ имперіи. Въ видахъ привлеченія изъ чужихъ земель переселенцевъ въ южныя и юго-восточныя степи Россіи, Екате-

рина издала особый манифестъ, которымъ были дарованы переселяющимся разнообразныя льготы и пособія на первое хозяйственное обзаведеніе. Въ одной, напр., Саратовской губерніи поселилось до 10,000 колонистовъ, преимущественно изъ Пфальца *).

Заботы о раскольникахъ. Въ это же время раскольники были освобождены отъ уплаты двойныхъ податей, установленныхъ со временъ Петра Великаго, а также отъ обязанности носить особое платье и брить бороду: старообрядцы же, т. е. приверженцы старопечатныхъ книгъ, получили право имѣть свои церкви и священниковъ, поставляемыхъ православными епископами.

Народное образованіе и воспитаніе. Назначивъ въ 1782 г. „Комиссіею объ учрежденіи народныхъ училищъ", Екатерина предполагала завести въ уѣздныхъ городахъ учебныя заведенія для начальнаго образованія дѣтей всѣхъ сословій или *малыя* народныя училища, а въ губернскихъ городахъ—*главныя* народныя училища. Планъ этотъ, впрочемъ, былъ осуществленъ только отчасти. Особенныя заслуги въ дѣлѣ народнаго воспитанія оказалъ Бецкій, по мысли котораго основаны воспитательные дома въ Москвѣ и въ Петербургѣ. По его же стараніямъ учрежденъ и нынѣшній *Смольный институтъ*—первое въ Россіи по времени закрытое учебное заведеніе для дѣвицъ дворянскаго происхожденія. Изъ военно-учебныхъ заведеній были открыты два кадетскихъ корпуса: Инженерный и Артиллерійскій.

Выдающіеся дѣятели въ царствованіе Екатерины II. Суворовъ. Въ числѣ замѣчательнѣйшихъ лицъ, наиболѣе прославившихъ вѣкъ Екатерины, были: на военномъ поприщѣ—Румянцевъ-Задунайскій, Суворовъ-Рымникскій, Орловъ-Чесменскій, Потемкинъ-Таврическій, а на гражданскомъ—Ломоносовъ, Державинъ, Сумароковъ, Фонъ-Визинъ, и друг. Особенно же громкую славу—славу величайшаго полководца, гремѣвшаго своими блестя-

*) Въ Германіи.

щими побѣдами по всей Европѣ,—стяжалъ себѣ Александръ Васильевичъ Суворовъ.

Сынъ заслуженнаго генерала, крестника Петра Великаго, этотъ „чудо-богатырь“ въ военномъ дѣлѣ еще съ дѣтства проявлялъ необыкновенную отвагу и неустрашимость. Будучи ребенкомъ слабаго здоровья, онъ предназначался отцомъ къ гражданской дѣятельности; но мальчикъ, мечтавшій съ 10-ти лѣтняго возраста о славѣ выдающагося полководства и съ жадностью читавшій книги, въ которыхъ разсказывалось о подвигахъ героевъ древнихъ и новыхъ временъ,—питалъ, напротивъ, страсть къ военной службѣ. Уступая, наконецъ, влеченію сына и убѣдившись въ его воинскихъ наклонностяхъ, отецъ записалъ его въ гвардію, въ Семеновскій полкъ. Пятнадцатилѣтній Суворовъ несъ уже на своихъ плечахъ всю тягость тогдашней солдатской лямки: онъ постепенно прошелъ всѣ низшія воинскія званія (капрала, унтеръ-офицера, сержанта) и только на двадцать пятомъ году получилъ первый офицерскій чинъ. Практическое знакомство съ военною службою и постоянное пребываніе среди солдатъ, съ которыми онъ велъ одинаковый образъ жизни—спалъ въ казармахъ, ѣлъ одну и ту же пищу, самъ чистилъ свою амуницію, стоялъ на часахъ во всякую погоду,—все это принесло большую пользу Суворову: во-первыхъ, онъ отлично узналъ бытъ, нужды, характеръ и привычки русскаго солдата, а во-вторыхъ такъ закалилъ свое слабое здоровье, что, не смотря на щедушность, могъ впослѣдствіи легко переносить всевозможныя лишенія.

Служа въ солдатахъ, Суворовъ продолжалъ заниматься военными науками, въ которыхъ потомъ пріобрѣлъ такія познанія, что считался однимъ изъ образованнѣйшихъ офицеровъ въ Россіи. Можно даже сказать, что онъ создалъ свою собственную науку, которою руководствовался при всѣхъ побѣдахъ и основными правилами которой были: 1) *глазомѣръ* (умѣнье разсчитать, гдѣ слабыя стороны непріятеля, 2) *быстрота* (внезапное появленіе передъ непріятелемъ) и 3) *на-*

тискъ (быстрая, рѣшительная атака). Въ послѣднемъ случаѣ особенную важность и значеніе онъ придавалъ штыку: „пуля—дура, штыкъ—молодецъ“ было любимой его поговоркой. Всѣ вообще приказы Суворова отличались необыкновенною силою и краткостью. Вотъ, напр., одинъ изъ нихъ: „шагъ назадъ—смерть; впередъ два-три и десять шаговъ—позволяю“. Чрезвычайно интересна также собственноручная записка геніальнаго полководства о томъ, чѣмъ, по его мнѣнію „долженъ быть и что долженъ дѣлать истинный герой“—записка, содержащая въ себѣ рядъ правилъ, высказанныхъ имъ съ поразительною ясностью и простотою:

„Истинный герой, по словамъ Суворова, долженъ быть: 1) отважнымъ, но безъ запальчивости; 2) скорымъ безъ опрометчивости; 3) расторопнымъ, съ разсужденіемъ; 4) подчиненнымъ, но безъ униженія; 5) начальникомъ, но безъ кичливости; 6) побѣдителемъ, но безъ тщеславія; 7) благороднымъ, но безъ гордости; 8) ласковымъ, но безъ лукавства; 9) твердымъ, но безъ упорства; 10) скромнымъ, но безъ притворства; 11) пріятнымъ, но безъ легкомыслія; 12) искательнымъ, но безъ ухищренія; 13) проницательнымъ: но безъ пронырства; 14) откровеннымъ, но безъ оплошности; 15 привѣтливымъ, но безъ околичностей; 16) услужливымъ, но безъ всякихъ выгодъ для себя; и 17) рѣшительнымъ, но безъ упрямства. При этомъ истинный герой долженъ: 1) убѣгать неизвѣстности; 2) основательное разсужденіе предпочитать остроумію; 3) быть врагомъ ненависти и мщенія; 4) противниковъ своихъ низлагать снисхожденіемъ; 5) владычествовать надъ друзьями одною вѣрностью; 6) утомлять тѣло свое, чтобъ укрѣпить оное больше; 7) любить вѣру, которая ему служитъ нравоученіемъ; 8) быть добродѣтельнымъ; 9) гнушаться лжи 10) быть врожденно праводушнымъ; 11) быть знакомымъ съ одними только людьми добрыми; 12) имѣть честь и честность; 13) не увлекаться стеченіемъ обстоятельствъ; 14) покорять себѣ всѣ случаи; 15) быть чистосердечнымъ съ друзьями своими; 16) умѣреннымъ въ своихъ нуждахъ 17) любить истинную славу, 18) прощать погрѣшности ближняго; 19) никогда не прощать оныхъ въ самомъ себѣ), 20) не унывать въ несчастіи;

21) не презирать своего непріятеля, каковъ бы онъ ни былъ; 22) пріучать себя къ неутомимой дѣятельности; 23) къ службѣ своего государя являть пламенную ревность". (С. Глинка).

Помимо военныхъ талантовъ, Суворовъ обратилъ на себя общее вниманіе своими странностями, которыя впослѣдствіи, съ достиженіемъ имъ славы и значительныхъ чиновъ, превратились въ положительныя чудачества. Желая сдѣлаться оригинальнымъ и отличить себя чѣмъ-нибудь отъ обыковенныхъ людей, онъ сталъ говорить какими-то загадочными фразами прибаутками, сопровождалъ свою рѣчь ужимками, кривляньями, ходилъ припрыгивая, говорилъ, что не выноситъ зеркалъ, въ которыхъ боится увидѣть самого себя и проч. Въ образѣ жизни его также замѣчались большія странности: вставая, напр., съ восходомъ солнца, онъ бѣгалъ по лагерю въ одной рубашкѣ, кричалъ пѣтухомъ, обѣдалъ въ 7 или 8 часовъ утра, употребляя при этомъ самую простую пищу, большею частью щи и кашу; зимою, даже въ большіе морозы, не носилъ шубы, а ходилъ въ своемъ знаменитомъ лѣтнемъ плащѣ, извѣстномъ подъ именемъ „родительскаго". Всѣ эти странности, Суворова возбуждали, въ особенности среди придворныхъ: съ одной стороны—удивленіе, съ другой—насмѣшки; нѣкоторые считали его чуть помѣшаннымъ, а враги старались даже очернить передъ императрицей. Но Екатерина хорошо понимала этого „чудака" и обыкновенно замѣчала: „не троньте его; я его знаю". Необходимо замѣтить, что не всегда Суворовъ прибѣгалъ къ своимъ чудачествамъ: занимаясь, напр., какимъ-нибудь важнымъ дѣломъ, онъ совершенно забывалъ о нихъ и держалъ себя, какъ всѣ остальные. Въ бесѣдахъ же своихъ о дѣлахъ съ императрицею или въ переговорахъ съ иностранными дипломатами и полководцами онъ поражалъ всѣхъ ясностью и вѣрностью своихъ взглядовъ и сужденій. Обращеніе Суворова съ солдатами было чрезвычайно ласковое: онъ часто шутилъ съ ними, называлъ ихъ „чудо-богатырями", смѣшилъ прибаутками; въ разговорахъ же съ

подчиненными требовалъ всегда быстрыхъ, находчивыхъ и смѣлыхъ отвѣтовъ и не любилъ, когда кто-нибудь отвѣчалъ ему: „не могу знать“. Такихъ людей онъ обыкновенно называлъ „немогузнайками“.

На сколько Суворовъ гордился именемъ *русскаго*, видно изъ того, что каждый разъ, когда кто-либо погрѣшалъ противъ должности, былъ-ли то простой рядовой, офицеръ или генералъ,—онъ одинаково укорялъ ихъ: „ты не русскій; это не по-русски“. Если же передъ нимъ оправдывались, то онъ прибавлялъ: „покажи на дѣлѣ, что ты—русскій“.

Подвиги Суворова. Битва на Рымникѣ. Воинскіе таланты Суворова впервые обнаружились во время Семилѣтней войны, когда онъ былъ еще молодымъ кавалерійскимъ офицеромъ и командовалъ небольшими отрядами, исполняя различныя порученія своихъ начальниковъ. И тогда уже онъ прославился своею необыкновенною удалью и хладнокровіемъ въ опасности. Но въ полномъ своемъ блескѣ геній Суворова, какъ полководца, сталъ извѣстенъ лишь со времени второй турецкой войны, въ царствованіе Екатерины II. Войну эту Россія вела въ союзѣ съ Австріей. Главнокомандующимъ надъ союзнымъ австрійскимъ корпусомъ былъ принцъ Кобургскій, на котораго и двинулся прежде всего непріятель, подъ начальствомъ самого визиря, съ арміею почти въ сто тысячъ человѣкъ.

Принцъ обратился за помощью къ Суворову. Неустрашимый герой отвѣтилъ ему короткимъ письмомъ (письмо это заключало въ себѣ только два слова: „Иду. Суворовъ“) и быстро явился на выручку союзниковъ. Принцъ отправилъ къ нему посла съ просьбою—принять участіе въ совѣщаніи, на которомъ должно было рѣшить, какъ поступить въ опасности; но посланному сказали: „Суворовъ Богу молится“. Черезъ нѣсколько времени былъ отправленъ другой посолъ.—„Суворовъ спитъ“. На самомъ же дѣлѣ, Суворовъ и не думалъ спать: не желая просто терять время въ пустыхъ и лишнихъ переговорахъ съ союзниками о томъ, какъ дѣйствовать въ данномъ случаѣ,—онъ влѣзъ на высо-

кое дерево и оттуда осмотрѣлъ расположеніе непріятельскихъ войскъ. На разсвѣтѣ же онъ пришелъ къ Кобургскому и предложилъ немедленно напасть на турокъ. Не смотря на громадное численное превосходство, послѣдніе были разбиты на берегахъ р. Рымника и обратились въ бѣгство. За эту блистательную побѣду Суворовъ получилъ отъ императрицы графскій титулъ и прозваніе *Рымникскаго.*

Взятіе Измаила. Другимъ наиболѣе крупнымъ подвигомъ, которымъ прославилъ себя великій русскій герой во вторую турецкую войну,—было взятіе Измаила (1790 г.). Получивъ отъ главнокомандующаго, князя Потемкина, приказаніе взять эту первоклассную крѣпость, охранявшуюся храбрымъ турецкимъ гарнизономъ, который своею численностью значительно превосходилъ осадившія его русскія войска,—Суворовъ немедленно сдѣлалъ распоряженіе приготовиться къ приступу. При этомъ онъ самъ училъ солдатъ перескакивать рвы, влѣзать на стѣны, ставить лѣстницы и отдалъ всѣмъ самыя точныя приказанія. Передъ началомъ приступа было, впрочемъ, предложено турецкому начальнику, во избѣжаніе кровопролитія,—сдаться безъ сопротивленія. Но тотъ съ гордостью отвѣчалъ: „скорѣе небо упадетъ на землю и Дунай остановитъ свое теченіе, нежели покорится Измаилъ“. И дѣйствительно, турки защищались отчаянно, самоотверженно; но суворовцы, одушевленные своимъ героемъ-богатыремъ, не смотря на губительный непріятельскій огонь, смѣло шли впередъ, увѣренные въ побѣдѣ. Наконецъ, наши передовыя колонны ворвались въ самую крѣпость, гдѣ побѣдителямъ пришлось брать приступомъ каждую улицу, каждый домъ; до 20-ти тысячъ турокъ легло въ этой страшной рѣзнѣ. Въ 3-мъ часу пополудни крѣпость уже принадлежала русскимъ. Суворовъ въ такихъ словахъ донесъ императрицѣ о своей побѣдѣ: „Гордый Измаилъ—у ногъ вашего величества“; Потемкину же, какъ главнокомандующему, написалъ: „не было крѣпости крѣпче, не бывало обороны отчаяннѣе

обороны Измаила, но онъ взятъ". Имя великаго русскаго полководца гремѣло на весь міръ...

Паденіе Польши. Послѣднимъ подвигомъ Суворова въ царствованіе Екатерины II было взятіе Варшавы. Господствовавшіе внутри королевства безпорядки: вражда дворянскихъ партій изъ-за возведенія на престолъ того или другого избранника *), угнетеніе крестьянъ тяжкими работами и поборами, самоуправство магнатовъ, продажность государственныхъ сановниковъ, безсиліе королевской власти (власть эта сосредоточивалась исключительно въ рукахъ сеймовъ, безъ согласія коихъ король не имѣлъ права предпринимать никакихъ важныхъ мѣръ), ожесточенная борьба между католиками и православными, изъ которыхъ послѣдніе, извѣстные подъ именемъ *диссидентовъ*, подвергались всевозможнымъ насиліямъ, обидамъ и обращались даже въ католичество,—все это до крайности ослабило когда-то могущественную Польшу и поставило ее въ зависимость отъ сосѣднихъ державъ. До чего простирались религіозныя преслѣдованія православнаго населенія въ краѣ—можно видѣть изъ слѣдующихъ словъ Георгія Конисскаго, бывшаго въ то время епископомъ въ Бѣлоруссіи: „у насъ храмы Божіи множайшіе отняты, прочіе опустошены и запечатаны, развѣ совъ и врановъ гнѣздящихся гласы издаютъ".

По смерти Августа III, на польскій престолъ былъ выбранъ по желанію императрицы Екатерины графъ Станиславъ Понятовскій (1764 г.). Первымъ дѣломъ онъ предложилъ сейму даровать одинаковыя права диссидентамъ и католикамъ; но поляки не хотѣли слушать ни о какихъ уступкахъ. Тогда православные жители Польши обратились къ русскому правительству съ просьбою о заступничествѣ: Екатерина приняла ихъ подъ свое покровительство и потребовала, черезъ своего уполномоченнаго въ Варшавѣ, чтобы диссидентамъ была возвращена свобода вѣроисповѣданія. Хотя на

*) Монархъ въ Польшѣ былъ избирательный, а не наслѣдственный.

одномъ изъ послѣдующихъ сеймовъ и состоялось подобное постановленіе, но католическое духовенство, съ своей стороны, употребляло всѣ средства къ тому, чтобы возбуждать въ польскомъ дворянствѣ неудовольствіе противъ Россіи. Въ виду этого въ подольскомъ городѣ Барѣ состоялся вооруженный шляхетскій союзъ (такъ называемая *Барская конфедерація*), имѣвшій цѣлью—низложеніе съ престола Станислава Понятовскаго и изгнаніе русскихъ войскъ изъ Польши. Спустя четыре года союзъ этотъ былъ, наконецъ, уничтоженъ, послѣ чего три сосѣднія державы Россія, Австрія и Пруссія согласились между собою раздѣлить нѣкоторыя польскія области: Россія пріобрѣла Бѣлоруссію, Австрія—Галицію, Пруссія—Померанію. (1772 г.). Черезъ двадцать лѣтъ состоялся второй раздѣлъ Польши, по которому къ Россіи были присоединены двѣ области—Подолія и Волынь. Раздѣлъ этотъ вызвалъ возстаніе поляковъ, вспыхнувшее сначала въ Краковѣ, а затѣмъ быстро распространившееся и на сѣверъ. Главнокомандующимъ польскихъ войскъ былъ храбрый генералъ Костюшко, открывшій военныя дѣйствія въ южныхъ областяхъ Польши. Этимъ временемъ въ столицѣ королевства произошла страшная рѣзня, извѣстная подъ именемъ „Варшавской заутрени“: ночью, въ страстную пятницу, на русскій гарнизонъ, разставленный небольшими отрядами по городу, напала въ расплохъ польская гвардія и уничтожика около 2,000 человѣкъ. Узнавъ объ этомъ, Екатерина немедленно двинула въ Польшу армію подъ начальствомъ Суворова, который, овладѣвъ послѣ отчаяннаго штурма предмѣстьемъ Варшавы, Прагою, взялъ затѣмъ и самую столицу. О побѣдѣ своей онъ донесъ Екатеринѣ въ слѣдующихъ краткихъ словахъ: „Всемилостивѣйшая государыня! Ура, Варшава наша!“ Императрица также кратко отвѣтила ему: „Ура, фельдмаршалъ!“ возводя его этимъ въ новое званіе. Такимъ образомъ былъ нанесенъ послѣдній ударъ Польшѣ: какъ королевство, она болѣе уже не существовала и окончательно была раздѣлена между сосѣдями (1795 г.).

Внѣшнія дѣла. Принужденная, благодаря происканъ враговъ, защищаться отъ турокъ, шведовъ и поляковъ, Екатерина широко распространила предѣлы своей имперіи возвращеніемъ русскихъ областей на западѣ и завоеваніемъ турецко-татарскихъ на югѣ. Цѣлымъ рядомъ блестящихъ побѣдъ, сопровождавшихся мирными договорами, она присоединила къ Россіи часть Финляндіи (которую хотѣлъ отнять у насъ шведскій король Густавъ III, пользуясь войною русскихъ съ Турціей), затѣмъ почти всю Литву съ Подоліею и Волынью. Послѣ третьяго раздѣла Польши, отъ турокъ пріобрѣла—земли до Днѣстра и Прута, все степное пространство до Чернаго моря, Крымъ и часть Прикавказья; наконецъ, въ послѣдній годъ своего царствованія, воевала съ персидскимъ шахомъ, противъ котораго былъ двинутъ въ Закавказье сильный корпусъ подъ начальствомъ графа Валерьяна Зубова, начавшаго свои побѣды взятіемъ Дербента. Война эта была прекращена по случаю смерти императрицы.

Екатерина II-я царствовала 34 года и извѣстна въ исторіи подъ именемъ *Великой*. Титулъ этотъ вмѣстѣ съ титулами „Мудрой“ и „Матери отечества“ былъ поднесенъ ей сенатомъ еще при жизни ея, но она согласилась принять только послѣднее названіе. Это обстоятельство дало поводъ Державину въ его извѣстной одѣ „Фелица“ слѣдующимъ образомъ высказаться объ императрицѣ:

Слухъ идетъ о твоихъ поступкахъ,
Что ты ни мало не горда,
Любезна и въ дѣлахъ и въ шуткахъ,
Пріятна въ дружбѣ и тверда;
Что ты въ напастяхъ равнодушна,
А въ славѣ такъ великодушна,
Что отреклась и „Мудрой“ слыть.

Ода заканчивается такими выразительными стихами:

Да дѣлъ твоихъ въ потомствѣ звуки,
Какъ въ небѣ звѣзды, возблестятъ!..

Павелъ I-й (1796—1801 г.)

Война съ Франціей. Подвиги Суворова въ Италіи и Швейцаріи. Императоръ Павелъ Петровичъ, сынъ Петра III Ѳеодоровича, по вступленіи во второй бракъ—съ дочерью виртембергскаго короля Софіею-Августой, въ православіи Маріею Ѳеодоровною, жилъ до кончины Екатерины II-й въ Гатчинѣ, чуждый всякаго вмѣшательства въ дѣла управленія. Вступивъ на престолъ, онъ хотѣлъ доставить Россіи полное спокойствіе и обратилъ особенное вниманіе на государственные финансы, разстроенные частыми войнами предъидущаго царствованія. Но черезъ два года, вслѣдствіе завоевательныхъ стремленій Франціи, захватывавшей въ Европѣ одну землю за другою, русскій императоръ вынужденъ былъ заключить наступательный союзъ съ Англіей и Австріей и двинуть свои войска на общаго врага въ Италію, на помощь австрійцамъ. Главнокомандующимъ надъ соединенною русско-австрійскою арміею, по просьбѣ австрійскаго императора Франца, былъ назначенъ старикъ Суворовъ.

Разсказываютъ, что, прочитавъ два раза письмо, присланное императоромъ Францомъ, Павелъ I-й сказалъ: „вотъ, русскіе на все пригожаются!“ Затѣмъ, взявъ перо, сейчасъ же написалъ фельдмаршалу Суворову слѣдующее:

„Графъ Александръ Васильевичъ! Теперь намъ не время расчитаться. Виноватаго Богъ проститъ *). Римской императоръ требуетъ васъ въ начальники своей арміи и вручаетъ вамъ судьбу Австріи и Италіи. Мое дѣло на сіе согласиться, а ваше—спасти ихъ. Поспѣшите пріѣздомъ сюда, и не отнимайте у славы вашей

*) Извѣстно, что Суворовъ въ началѣ царствованія императора Павла попалъ въ немилость и, получивъ отставку, жилъ въ своей деревнѣ—въ Боровицкомъ уѣздѣ Новгородской губерніи. Причина немилости—неодобреніе фельдмаршаломъ нововведеній, сдѣланныхъ императоромъ въ военной службѣ (прусская форма, напудренныя букли, башмаки и проч.).

время, а у меня—удовольствіе васъ видѣть. Пребываю вамъ и проч.".

Разбивъ французовъ на р. Аддѣ, знаменитый полководецъ отнялъ почти всѣ захваченные ими города и заставилъ ихъ отступить за р. Треббію, съ большими потерями. Крѣпость Мантуа и рѣка остались въ рукахъ союзниковъ. За такіе подвиги Павелъ I-й возвелъ Суворова въ княжеское достоинство, давъ ему названіе *Италійскаго.*

Послѣ побѣды въ Верхней Италіи Суворовъ получилъ приказаніе двинуться въ Швейцарію на подкрѣпленіе 20,000 австрійцевъ и 24-хъ тысячнаго русскаго корпуса генерала Римскаго-Корсакова противъ 70,000 французовъ. Совершивъ безпримѣрный переходъ по Альпійскимъ горамъ черезъ снѣжныя вершины Сенъ-Готарда и разбивая на пути многочисленнаго непріятеля, неустрашимый русскій герой отступилъ въ Баварію.

„Со стороны Италіи позиція на Сенъ-Готардѣ была почти недоступна: только узкая тропинка, едва проходимая для вьюковъ, извилисто поднималась отъ Айроло по крутому свѣсу горы; нѣсколько разъ пересѣкая горные протоки, она спускалась въ глубокія и тѣсныя ихъ ложбины и снова взбиралась на гору. Трудный этотъ путь становился даже весьма опаснымъ во время грозы и бури или въ зимнія вьюги; нерѣдко одиночные путники погибали отъ стужи и утомленія, прежде чѣмъ достигали вершины горы. Здѣсь, на высотѣ 6,800 футовъ надъ уровнемъ океана, находился страннопріимный домъ—*Госписъ*, въ которомъ жило нѣсколько монаховъ: эти благочестивые отшельники давали убѣжище утомленнымъ путникамъ, подавали помощь погибавшимъ, приносили полузамершихъ въ обитель и, отогрѣвая ихъ, многимъ несчастнымъ спасали жизнь. Таковъ былъ путь, по которому Суворовъ велъ свою малочисленную армію.

Обходное движеніе князя Багратіона заставило французовъ начать наступленіе. Однако они держались еще шагъ за шагомъ, останавливались на выгодныхъ позиціяхъ и, наконецъ, поднялись на самую вершину горы. Здѣсь предстояло русскимъ войскамъ самое упорное сопротивленіе не-

пріятеля и самыя ужасныя преграды мѣстности. Французы заняли сильную позицію впереди Госписа. Какъ ни была недоступна эта позиція съ фронта, однако же русскіе отважно пошли на приступъ; французы встрѣтили ихъ убійственнымъ огнемъ; укрываясь за утесами и каменьями, французы цѣлили какъ изъ бойницъ. Первый приступъ былъ отбитъ съ сильною потерею, но войска русскія ничего не считали невозможнымъ: одушевленныя присутствіемъ Суворова и великаго князя Константина Павловича, они снова взбираются на скалы, уже облитыя кровью. И снова отбиты. Потеря была еще сильнѣе прежняго. Однако упрямый Суворовъ оставался непреклоннымъ, и рѣшился во что бы то ни стало выбить непріятеля изъ сильной позиціи. Время было дорого; день уже склонялся къ вечеру, а князь Багратіонъ все еще взбирался на крутыя ребра Сенъ-Готарда. Солдаты наши, непривычные къ горамъ, съ неимовѣрными усиліями карабкались со скалы на скалу, то подсаживая другъ друга, то упираясь штыками. Даже и привычные охотники швейцарскіе никогда не ступали на эти недосягаемыя выси. Войска были утомлены до крайности, гора казалась имъ безконечною; вершина какъ-будто безпрестанно все росла передъ ихъ глазами. По временамъ облака, обхвативъ всю колонну густымъ туманомъ, совсѣмъ скрывали ее изъ виду. Было уже 4 часа пополудни, какъ Суворовъ въ третій разъ повелъ атаку на Сенъ-Готардъ. Въ то же время и князь Багратіонъ появился, наконецъ, на снѣжной вершинѣ противъ лѣваго фланга непріятеля. Французы, не ждавшіе никакъ нападенія съ той стороны, покинули немедленно свою позицію и начали поспѣшно отступать къ деревнѣ Госпенталь. Русскіе заняли Сенъ-Готардъ. Утомленныя до изнеможенія войска стягивались мало-по-малу на вершину горы. Между тѣмъ самъ фельдмаршалъ подъѣхалъ къ Госпису. Здѣсь, у входа въ обитель, встрѣтили его капуцины. Настоятель, 70-лѣтній старикъ, бѣлый какъ лунь, пригласилъ полководца войти въ комнату, гдѣ приготовленъ былъ скромный завтракъ.—Нѣтъ, святой отецъ, сказалъ Суворовъ: какъ ни голодны мы но прежде всего должны помолиться Богу; отслужите намъ молебенъ, а затѣмъ и въ трапезу“. (Милютинъ).

Разрывъ съ Австріей и Англіей. Кончина Павла I. Въ то время, когда неустрашимый Суворовъ совершалъ свой блестящій переходъ черезъ вершины Сенъ-Готарда, другой союзный отрядъ, англо-русскій, дѣйствовалъ противъ французовъ въ Голландіи. Но экспедиція эта была неудачна: наши войска, благодаря нераспорядительности англійскаго правительства, были оставлены безъ продовольствія и нуждались въ обуви цѣлую зиму. Недовольный союзниками, Павелъ Петровичъ отозвалъ свои войска обратно въ Россію и, войдя въ сношенія съ первымъ консуломъ французской республики, Бонапартомъ, думалъ объявить войну Англіи, повелѣвъ уже донскому войску собираться въ Индію для разоренія англійской торговли. Но этимъ великимъ планамъ не суждено было осуществиться: въ началѣ приготовленій къ войнѣ Павелъ Петровичъ скончался.

Внутреннія распоряженія. Изъ правительственныхъ распоряженій царствованія Павла I замѣчательны: указъ объ императорской фамиліи, опредѣляющій порядокъ престолонаслѣдія съ устраненіемъ женскаго колѣна, и манифестъ, по которому нельзя было продавать крѣпостныхъ людей безъ земли. Приэтомъ послѣдовало также запрещеніе понуждать крестьянъ къ работѣ на помѣщиковъ въ праздничные дни. Въ 1799 г. былъ открытъ университетъ въ Дерптѣ, преимущественно для дворянъ Балтійскаго края.

Александръ I-й (1801—1825 г.).

Первые годы царствованія Александра I-го. Войны съ Франціей, Швеціей, Турціей и Персіей. Александръ I-й, старшій сынъ Павла Петровича, любимый внукъ Екатерины II, въ первые же годы своего царствованія снискалъ къ себѣ необыкновенную любовь своихъ подданныхъ. Самая наружность его располагала къ нему

всѣхъ окружающихъ: грустное, задумчивое лицо, доброе и привѣтливое обращеніе и высокія качества души—все это невольно привязывало къ молодому императору и дѣлало его имя обаятельнымъ среди народа. Вступивъ на престолъ, онъ прямо объявилъ, что „будетъ править по законамъ и по сердцу августѣйшей бабки своей, Екатерины Великой".

И дѣйствительно, царствованіе его представляетъ цѣлый рядъ событій, которыя прославили Россію въ ряду другихъ европейскихъ державъ и поставили ее на первомъ планѣ по внѣшнему блеску и военному могуществу.

Открывшаяся, напр., въ 1808 г. война со шведами (изъ за того, что Швеція не хотѣла вступить въ союзъ сѣверныхъ державъ противъ Англіи) кончилась пріобрѣтеніемъ Россіею Финляндіи до рѣки Торнео и занятіемъ Аландскихъ острововъ. Приэтомъ Александръ I-й даровалъ завоеванной странѣ особое управленіе и титулъ „великаго княжества".

Одновременно съ этимъ на югѣ происходили двѣ войны: одна—съ Турціей, кончившаяся заключеніемъ бухарестскаго мира, по которому намъ была уступлена Бессарабская область съ границею по рѣкѣ Пруту, а другая—съ Персіей, въ Закавказскомъ краѣ, изъ-за обладанія Грузіею.

Но всѣ эти войны были, конечно, малозначительны въ сравненіи съ тою великою борьбою, которую привелось Россіи вести съ Наполеономъ I-мъ въ 1812 г. Владычество этого могучаго завоевателя, наводившаго своими побѣдами ужасъ на всѣ державы, быстро распространялось по Европѣ. Чтобы остановить это завоевательное шествіе, Александръ I-й рѣшилъ выступить противъ Наполеона сначала въ союзѣ съ Австріей, куда и были посланы войска подъ начальствомъ Кутузова. Походъ этотъ оказался неудачнымъ: союзная армія была разбита подъ Аустерлицемъ (1805 г.), и Австрія заключила миръ; Россія же, войдя въ союзъ съ Пруссіей, продолжала войну и въ слѣдующемъ году. Эта послѣдняя также была неудачна: Наполеонъ раз-

билъ пруссаковъ при Іенѣ, а затѣмъ, двинувшись на русскія войска, которыми командовалъ генералъ Бенингсенъ, нанесъ имъ рѣшительное пораженіе подъ Фридляндомъ. Тогда императоръ Александръ заключилъ съ нимъ миръ въ Тильзитѣ (1807 г.), по которому перешла къ намъ принадлежавшая Пруссіи Бѣлостокская область, а изъ польскихъ областей образовано отдѣльное герцогство Варшавское. При заключеніи мира оба императора обязались помогать другъ другу въ будущихъ войнахъ.

Отечественная война 1812 г. Договоръ этотъ, конечно, не могъ быть проченъ: Наполеонъ хотѣлъ сдѣлаться полнымъ властелиномъ всей Европы, но встрѣтилъ себѣ сильное сопротивленіе со стороны русскаго царя. Главнымъ поводомъ къ разрыву отношеній между ними послужило желаніе Наполеона возстановить Польское королевство и отнятіе имъ владѣній у герцога Ольденбургскаго, состоявшаго въ родственныхъ связяхъ съ императоромъ Александромъ. Не обративъ вниманія на неудовольствіе Александра, выраженное по случаю такого безграничнаго самовластія французскаго завоевателя,—Наполеонъ собралъ громадную армію (600,000 чел.) и, перейдя р. Нѣманъ, между городами Ковно и Гродно, двинулся съ нею въ предѣлы Россіи. Не смотря на то, что численность нашихъ войскъ, которыя могли выступить противъ такого страшнаго врага, простиралась всего до 200,000 чел.,—государь объявилъ въ своемъ манифестѣ: „не положу оружія до тѣхъ поръ, доколѣ ни единаго непріятельскаго воина не останется въ царствѣ моемъ!“.

Барклай де-Толли, какъ главнокомандующій. Русскія войска, сосредоточенныя на западныхъ окраинахъ имперіи, были раздѣлены на двѣ главныя арміи: одною командовалъ военный министръ Барклай де-Толли (родомъ изъ Лифляндіи), другою — генералъ Багратіонъ, извѣстный уже своею храбростью по походамъ съ Суворовымъ (грузинъ по происхожденію). Въ началѣ воен-

ныхъ дѣйствій русскіе, по плану Барклая, стали отступать въ глубь страны. Подъ Смоленскомъ обѣ арміи соединились; но отступленіе все-таки продолжалось, ибо Барклай очень хорошо понималъ, что побѣдить Наполеона съ его многочисленной и свѣжей арміей было невозможно. Еще за нѣсколько лѣтъ до отечественной войны, когда Наполеонъ билъ пруссаковъ и австрійцевъ, Барклай такъ выражался о его успѣхахъ: „если бы мнѣ пришлось воевать съ Наполеономъ, то я избѣгалъ бы рѣшительнаго сраженія съ нимъ, а отступалъ бы до тѣхъ поръ, пока французы, вмѣсто рѣшительной битвы, нашли бы вторую Полтаву". Этого взгляда онъ держался и теперь, когда въ качествѣ главнокомандующаго, долженъ былъ отражать натискъ ненавистнаго врага. Такая осторожность вождя, при господствовавшемъ общемъ желаніи рѣшительной битвы, возбудила ропотъ неудовольствія въ народѣ и арміи: Барклаю, какъ нѣмцу по происхожденію, войска наши оказывали явное недовѣріе и стали даже подозрѣвать его въ измѣнѣ.

Кутузовъ. Бородинская битва. Государь, уступая общему желанію, назначилъ тогда главнокомандующимъ всею арміею престарѣлаго князя Михаила Илларіоновича Голенищева-Кутузова, пользовавшагося славою искуснаго полководца. Всѣ были очень довольны этимъ назначеніемъ: уже одно имя заслуженнаго русскаго генерала радовало армію. Солдаты прямо говорили: „пріѣхалъ Кутузовъ бить французовъ". Разсказываютъ даже, что когда главнокомандующій объѣзжалъ лагерь, то надъ головой его взвился огромный орелъ, на котораго всѣ смотрѣли какъ на предвѣстника побѣды. Армія съ нетерпѣніемъ готовилась къ бою. Но, вопреки ожиданіямъ, предусмотрительный Кутузовъ отдалъ приказъ—отступить и расположилъ свои войска при селѣ Бородинѣ, Можайскаго уѣзда, въ 108 верстахъ отъ столицы.

„Весь день 25-го августа (канунъ бородинской битвы) прошелъ въ приготовленіяхъ. Кутузовъ велѣлъ пронести

вдоль линіи войска чудотворную икону Божіей Матери, сопровождавшую наши войска со времени выступленія ихъ изъ Смоленска. Такъ готовились наши предки къ куликовскому побоищу. Духовенство, въ богатыхъ ризахъ, по временамъ останавливалось и совершало молебствія; тысячи воиновъ падали на колѣни, творя крестное знаменіе и молясь усердно. Главнокомандующій со всѣмъ своимъ штабомъ встрѣтилъ икону и поклонился ей до земли. Въ продолженіе дня онъ подъѣзжалъ къ полкамъ и говорилъ съ солдатами; слова стараго вождя быстро передавались въ арміи и усиливали готовность всѣхъ—пожертвовать собою для защиты Москвы и Россіи. Говорятъ даже о двойной порціи пищи и вина, розданной будто-бы въ сей день русскимъ солдатамъ. Дѣйствительно, благодаря усердію народа и близости столицы, наши воины уже не терпѣли нужды; но очевидцы увѣряютъ, что на призывъ квартиргеровъ: „водку привезли; ступай къ чаркѣ!“ — многіе изъ солдатъ отвѣчали: „не къ тому готовимся, не такой завтра день“. Въ русскомъ лагерѣ не было шумнаго восторга, но и не было унынія. Не смотря на сырую и холодную погоду, наши войска разводили бивуачные огни какъ бы не хотя. Напротивъ того, ярко пылали костры въ непріятельской арміи. Французы, надѣясь на близкое окончаніе своихъ невзгодъ, ликовали, хотя и терпѣли нужду въ жизненныхъ припасахъ“. (Богдановичъ).

На пространствѣ какой-нибудь квадратной мили было выстроено 110,000 русскихъ и 130,000 французовъ съ 60,000 лошадей и 1,200 орудій. Рано утромъ 26-го августа Наполеонъ сѣлъ на коня и поскакалъ обозрѣвать свои войска, приказавъ прочесть по всѣмъ ротамъ и эскадронамъ слѣдующее патріотическое воззваніе:

„Воины! вотъ сраженіе, котораго вы столько ожидали. Побѣда зависитъ отъ васъ. Она необходима для насъ: она доставитъ намъ все нужное, удобныя квартиры и скорое возвращеніе въ отечество. Дѣйствуйте такъ, какъ вы дѣйствовали при Аустерлицѣ, Фридландѣ, Витебскѣ и Смоленскѣ. Пусть позднѣйшее потомство съ гордостью вспомнитъ о ва-

шихъ подвигахъ въ сей день. Да скажутъ о каждомъ изъ васъ: онъ былъ въ великой битвѣ подъ Москвою". (Богдановичъ).

Съ своей стороны русскій главнокомандующій также обратился къ войскамъ съ воззваніемъ, въ которомъ напомнилъ имъ, что за ними—Москва. Это произвело на армію сильное впечатлѣніе. Съ восходомъ солнца началось, наконецъ, безпримѣрное въ исторіи сраженіе, продолжавшееся до самаго вечера. Ни та, ни другая сторона не уступала другъ другу въ храбрости и самоотверженіи. Взаимное ожесточеніе доходило до того, что солдаты бросали оружіе и вступали въ рукопашный бой. Когда же сраженіе кончилось—въ обѣихъ арміяхъ не досчитывалось до 100,000 человѣкъ; у насъ убитыхъ и раненыхъ было около 50,000.

Самъ Наполеонъ говорилъ впослѣдствіи: „изъ всѣхъ моихъ сраженій самое ужасное — то, которое я далъ подъ Москвою. Французы въ немъ показали себя достойными одержать побѣду, а русскіе пріобрѣли право назваться непобѣдимыми". Одинъ изъ героевъ боро-динской битвы, храбрый Ермоловъ, такъ выразился о ней въ своихъ запискахъ: „тамъ французская армія расшиблась объ русскую".

Военный совѣтъ въ Филяхъ. Потерявъ многихъ генераловъ (въ томъ числѣ Багратіона и графа Кутайсова) и почти половину войска, Кутузовъ рѣшилъ отступить за Можайскъ. Собравшійся въ подмосковной деревнѣ Филяхъ военный совѣтъ обсуждалъ вопросъ: какъ быть съ столицей — защищать ее, или уступить безъ боя врагу? Мнѣнія раздѣлились. Выслушавъ обѣ стороны, главнокомандующій сказалъ: „съ потерею Москвы еще не потеряна Россія, доколѣ сохранена будетъ армія. Приказываю отступать. Знаю, что вся отвѣтственность падетъ на меня, но жертвую собою для блага отечества".

Получивъ отъ Кутузова отнесеніе о судьбѣ, постигшей столицу, государь заплакалъ и, въ отвѣтъ на

предложеніе Наполеона о мирѣ, замѣтилъ: „если у меня не останется ни одного воина, я созову мое вѣрное дворянство и добрыхъ поселянъ и буду самъ ими предводительствовать. Истощивъ всѣ усилія, я отрощу себѣ бороду и лучше соглашусь питаться хлѣбомъ въ нѣдрахъ Сибири, нежели подпишу постыдныя условія. Наполеонъ или я, я или Наполеонъ, но вмѣстѣ мы царствовать не можемъ...“

Занятіе Москвы. Партизанская война. Занявъ объятую пламенемъ Москву, въ которой не оставалось никакого продовольствія, французы принуждены были питаться тамъ кониною, собаками, кошками и даже падалью. Между тѣмъ часть непріятельской арміи преслѣдовала наши войска по Рязанской дорогѣ; тогда Кутузовъ перешелъ на старую Калужскую дорогу и расположился лагеремъ при Тарутинѣ. Этимъ искуснымъ движеніемъ были прикрыты отъ непріятеля: Калуга, Тула (съ ея оружейнымъ заводомъ) и сообщенія съ южными хлѣбородными губерніями. Въ это же время началась такъ-называемая *пертизанская* *) и народная война; поднялись также и донскіе казаки, призванные на защиту отечества атаманомъ своимъ—Платовымъ.

При скорбной вѣсти объ опасности, грозившей Россіи,—во всѣхъ станицахъ немедленно стали собираться въ походъ. „Умремъ за вѣру, царя и отечество!.. Не отдадимъ Тихаго Дона врагамъ на поруганіе!“ раздавались всюду единодушные голоса храбрыхъ донцовъ. Быстро собралось двадцать полковъ, которые и двинулись подъ Тарутино, на призывъ любимаго атамана. Графъ Платовъ обратился къ нимъ съ слѣдующимъ воззваніемъ.

„Друзья, самъ Господь ускорилъ вашъ путь!.. Наступило время донцамъ доказать всю силу нашего усердія къ Богу, государю и отечеству. Мы въ душахъ запечатлѣли милости царскія, у насъ въ душахъ — и отечество. Не щадя головъ

*) Партизанская война—нападеніе отдѣльными отрядами.

своихъ, докажемъ снова наше рвеніе, нашу любовь. Вы—донцы, вы—сыны земли русской! Не утерпѣли ваши сердца: вы прилетѣли въ соучастники общей славы. Друзья! злодѣй—въ стѣнахъ Москвы; онъ все въ пепелъ обращаетъ; онъ, можетъ быть, алчетъ распространить звѣрство свое и въ дальнюю внутренность Россіи? Преградимъ путь врагу свирѣпому! Умремъ здѣсь, или выгонимъ его изъ земли русской!.. Вы охотно пришли подкрѣпить насъ — правосудный Богъ намъ поможетъ. Врагъ идетъ на насъ съ адомъ—мы на него пойдемъ съ крестомъ животворящимъ! Если бы Богъ попустилъ, если бы врагъ прорвался къ намъ, не пощадилъ ни женъ, ни дѣтей нашихъ—кровь наша смѣшалась бы съ волнами Тихаго Дона! поруганы бы были храмы Господни!.. Встревожился бы прахъ нашихъ отцовъ! Друзья и братья! воскликнемъ къ Господу силъ: „Не для насъ, Господи, для имени Твоего вспомоществуй намъ поразить, устыдить и изгнать врага".—Съ глубокимъ вниманіемъ выслушавъ своего атамана, донцы воскликнули: „готовы умереть вездѣ, гдѣ ты, нашъ отецъ, намъ прикажешь!.." (С. Глинка).

Положеніе французовъ сдѣлалось затруднительнымъ: недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, болѣзни и чувствительныя пораженія, наносимыя имъ то тутъ, то тамъ партизанами,—все это значительно ослабило армію непріятеля, тогда какъ русскіе постоянно получали подкрѣпленія.

Выступленіе Наполеона изъ Москвы. Наконецъ, 6-го октября, въ 10-ти верстахъ отъ Тарутина, на берегахъ рѣки Чернишны, передовой французскій отрядъ былъ аттакованъ русскими, разбитъ на голову и потерялъ много пушекъ. Это обстоятельство сильно встревожило Наполеона: онъ сдѣлалъ распоряженіе о немедленномъ выступленіи изъ Москвы, приказавъ при этомъ взорвать Кремль и сжечь уцѣлѣвшія отъ пожара хорошія зданія столицы, за исключеніемъ воспитательнаго дома.

Отступленіе непріятеля. Послѣ 18-ти часового кровопролитнаго боя подъ Малоярославцемъ, который нѣ-

сколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, началось знаменитое отступленіе „великой арміи“, сопровождавшееся сраженіями при Вязьмѣ, Духовщинѣ и Краснымъ. При послѣднемъ французы потеряли 26,000 плѣнныхъ и 126 орудій. Встрѣтивъ такое сильное сопротивленіе, Наполеонъ принужденъ былъ возвращаться по разоренной Смоленской дорогѣ; обезсиленные французы тысячами гибли отъ морозовъ и голода.

На берегахъ Березины непріятельской арміи угрожала окончательная гибель: русскіе думали окружить ее съ трехъ сторонъ, чтобы пресѣчь ей всякую возможность къ отступленію. Въ тылу у Наполеона былъ Кутузовъ съ главными силами; съ сѣвера шелъ корпусъ Витгенштейна, разбившій французовъ при Полоцкѣ; наконецъ, съ юга—дунайская армія (только что возвратившаяся изъ Турціи) подъ начальствомъ адмирала Чичагова, который долженъ былъ помѣшать переправѣ Наполеона черезъ Березину. Но Наполеонъ прибѣгъ къ хитрости: ложнымъ движеніемъ онъ отвлекъ Чичагова отъ бродовъ и, приказавъ навести мосты, перешелъ на другой берегъ, причемъ понесъ, впрочемъ большія потери. По разсказамъ очевидцевъ, Березина была въ полномъ смыслѣ слова запружена трупами. У Наполеона осталось не болѣе 10,000 войска, съ которымъ онъ и продолжалъ отступленіе. Неподалеку отъ Вильны Наполеонъ бросилъ и эти жалкіе остатки своей арміи и ускакалъ въ Парижъ.

Битва подъ Лейпцигомъ. Взятіе Парижа. Съ изгнаніемъ французовъ изъ Россіи война еще не кончилась: императоръ Александръ I-й рѣшился продолжать ее и поставилъ себѣ цѣлью—освободить, во что бы то ни стало, Европу отъ владычества Наполеона. Заключивъ союзъ съ Пруссіей, къ которому присоединились потомъ Англія, Швеція и Австрія, онъ наконецъ, достигъ этой цѣли: въ трехдневной жаркой битвѣ подъ Лейпцигомъ Наполеонъ потерпѣлъ сильное пораженіе и бѣжалъ за Рейнъ, потерявъ болѣе половины своей арміи. Въ слѣдующемъ году союзники торжественно вступили

въ Парижъ и возстановили на французскомъ престолѣ прежнюю династію: королемъ во Франціи сдѣлался Людовикъ XVIII, отказавшійся отъ всѣхъ захватовъ Бонапарта (1814 г.).

Вѣнскій конгрессъ и священный союзъ. Въ томъ же году открылся Вѣнскій конгрессъ, на которомъ, по соглашенію европейскихъ государей, рѣшено было отдать Россіи, въ вознагражденіе за помощь ея противъ общаго врага,—бо̀льшую часть Варшавскаго герцогства; нѣкоторыя земли были возвращены Пруссіи и Австріи; остальныя же, подъ именемъ Царства Польскаго,—подчинены верховной власти русскаго императора. Между Россіею, Австріею и Пруссіею былъ заключенъ *Священный союзъ* для обереганія мира и спокойствія въ Европѣ.

Въ память избавленія Россіи „отъ галловъ (французовъ) и съ ними двадесяти языкъ“ въ Москвѣ былъ заложенъ храмъ во имя Христа Спасителя.

Внутренняя дѣятельность Александра I. Учрежденіе министерствъ и государственнаго совѣта. Помимо внѣшнихъ войнъ, первая половина царствованія императора Александра I-го ознаменована еще важными государственными мѣропріятіями. Къ числу главнѣйшихъ изъ нихъ принадлежитъ—учрежденіе *министерствъ и государственнаго совѣта*. Министерства, замѣнившія петровскія коллегіи, вѣдали, разныя отрасли управленія, и каждое подчинено было особому министру. Государственный же совѣтъ составилъ высшее законодательное учрежденіе въ имперіи: въ немъ обсуждаются всѣ новые законы и всѣ чрезвычайныя государственныя мѣры, которыя потомъ должны поступать на утвержденіе верховной власти. Окончательное устройство министерствъ и государственнаго совѣта было поручено государемъ знаменитому Сперанскому *), которому принадлежитъ, между прочимъ, мысль раздѣленія Сибири на два генералъ-губернаторства: восточное и западное.

*) Сынъ сельскаго священника,—впослѣдствіи графъ.

Мѣры относительно народнаго образованія и другія распоряженія. Въ дѣлѣ народнаго образованія предприняты были слѣдующія мѣры: увеличено число уѣздныхъ училищъ, заведены приходскія школы (для первоначальнаго образованія), открыты въ губернскихъ городахъ гимназіи, основаны три университета: въ Казани, Харьковѣ и Петербургѣ, а также Царскосельскій лицей, педагогическіе институты въ столицахъ—для приготовленія учителей, медико-хирургическая академія и проч. Вмѣстѣ съ тѣмъ отмѣнено запрещеніе (существовавшее при императорѣ Павлѣ I-мъ) ввозить въ Россію иностранныя книги и открывать частныя типографіи; изданъ былъ также новый цензурный уставъ. Слѣдуетъ еще упомянуть о двухъ важныхъ указахъ: 1) объ уничтоженіи пытокъ и „пристрастныхъ допросовъ“ при судопроизводствѣ и 2) объ учрежденіи сословія *свободныхъ хлѣбопашцевъ*. Послѣдній указъ предоставлялъ право помѣщикамъ отпускать на волю крестьянъ съ надѣломъ ихъ землею.

По низверженіи Наполеона, императоръ Александръ I-й, возвратясь въ отечество, былъ встрѣченъ повсюду кликами восторга и радости. Благодарные подданные просили его принять титулъ „Благословеннаго“—„тѣмъ болѣе (какъ сказано было въ прошеніи) приличный скромности и благочестивому смиренію государя императора, что великіе подвиги его, очевидно, ознаменованы покровительствомъ Всевышняго Промысла“. Вмѣстѣ съ тѣмъ предполагалось еще выбить медаль и воздвигнуть въ Петербургѣ памятникъ съ надписью:

„Александру Благословенному, императору всероссійскому, великодушному державъ возстановителю отъ признательныя Россіи“.

Но государь въ особомъ указѣ, данномъ святѣйшему правительствующему синоду, государственному совѣту и правительствующему сенату, отклонилъ отъ себя это предложеніе въ такихъ словахъ:

„Да соорудится мнѣ памятникъ въ чувствахъ вашихъ, какъ онъ сооруженъ въ чувствахъ моихъ къ вамъ!... Да благословляетъ меня въ сердцахъ своихъ народъ мой, какъ я въ сердцѣ моемъ благословляю оный!.. Да благоденствуетъ Россія, и да будетъ надо мною и надъ нею благословеніе Божіе!..“ (Богдановичъ).

Императоръ Александръ I-й скончался въ 1825 г., въ Таганрогѣ.

Николай I (1825—1855 г.).

Восшествіе на престолъ. Безпорядки 14 декабря При извѣстіи о кончинѣ императора Александра Павловича, не оставившаго дѣтей, Россія на основаніи закона Павла I о престолонаслѣдіи, присягнула брату его великому князю Константину Павловичу, жившему въ то время въ Варшавѣ. Но такъ какъ Константинъ еще при жизни Александра I отрекся отъ своихъ правъ, то 14-го декабря 1825 г. былъ обнародованъ манифестъ о восшествіи на престолъ брата его, Николая Павловича. Воспользовавшись этимъ обстоятельствомъ, нѣкоторые изъ молодыхъ офицеровъ, принадлежавшихъ къ тайнымъ обществамъ, имѣвшимъ цѣлью—преобразовать государственный порядокъ въ Россіи, стали распространять среди нижнихъ военныхъ чиновъ слухъ, что будто бы Константинъ и не думалъ отказываться отъ престола. Въ то время, когда войска должны были присягнуть Николаю Павловичу, часть ихъ введенная въ заблужденіе злоумышленниками, отказалась дать эту присягу. Молодой энергичный государь не потерялъ, однако, присутствіе духа: дѣйствуя сначала увѣщаніями, которымъ, къ сожалѣнію, не вняли заговорщики, онъ отдалъ приказъ—прибѣгнуть къ силѣ. Испуганные мятежники рязсѣялись въ бѣгствѣ. Назначенная вслѣдъ

за симъ императоромъ „верховная слѣдственная комиссія“ открыла зачинщиковъ произведенныхъ безпорядковъ; наиболѣе виновные были наказаны—ссылкою въ Сибирь, въ рудники, а главные заговорщики—казнены.

Внутреннія дѣла. По вступленіи на престолъ, императоръ Николай немедленно приступилъ къ приведенію въ порядокъ русскихъ законовъ, поручивъ это дѣло Сперанскому, уже ранѣе заявившему свою опытность въ государственной дѣятельности. Спустя четыре года было издано, въ 45 томахъ, „Полное собраніе законовъ“ Россійской имперіи, въ которое вошли, начиная съ „Уложенія“ царя Алексѣя Михайловича, всѣ императорскіе указы до кончины Александра I включительно. Изъ „Полнаго собранія“ сдѣланы впослѣдствіи извлеченія, извѣстныя подъ именемъ „Свода законовъ“.

Изъ другихъ правительственныхъ мѣръ царствованія Николая Павловича наибольшаго вниманія заслуживаютъ слѣдующія: 1) указъ о пенсіяхъ за государственную службу; 2) ограниченіе правъ на потомственное дворянство, которое съ тѣхъ поръ стали давать только штабъ-офицерамъ въ военной службѣ и чиновникамъ не ниже V класса—въ гражданской, и 3) учрежденіе министерства государственныхъ имуществъ (1837 г.), причемъ государственные крестьяне въ каждой губерніи были раздѣлены на округи, волости и сельскія общества. Затѣмъ послѣдовало нѣсколько указовъ о крѣпостныхъ, а именно: запрещено продавать людей отдѣльно отъ семействъ, предоставлено право помѣщикамъ отдавать земли въ пользованіе крестьянамъ за извѣстныя повинности (такіе крестьяне назывались *временно обязанными*), а крестьянамъ разрѣшено пріобрѣтать, съ согласія помѣщиковъ, недвижимую собственность путемъ покупки.

Изъ высшихъ учебныхъ заведеній императоромъ Николаемъ были основаны: Кіевскій университетъ св. Владиміра, Николаевская военная академія, Училище Правовѣдѣнія.

Выдющіеся дѣятели царствованія на гражданскомъ и военномъ поприщѣ. Русская литература въ это царствованіе украсилась такими именами, которыя составляютъ гордость страны: Пушкина, Лермонтова, Грибоѣдова, Жуковскаго, Гоголя. Театръ, музыка, живопись также процвѣтали въ это время.

Въ военномъ дѣлѣ особенно прославились: графъ Паскевичъ (въ войнѣ съ Персіею 1826—1828 г.), извѣстный подъ именемъ Эриванскаго; Дибичъ-Забалканскій, отличившійся знаменитымъ переходомъ черезъ Балканы и взявшій въ 1829 г. Адріанополь, вторую столицу Турецкой имперіи; адмиралы Корниловъ, Нахимовъ и инженеръ Тотлебенъ—мужественные защитники Севастополя въ Крымскую кампанію и мн. друг.

Кончина Николая I. Въ разгаръ послѣдней войны императоръ Николай I скончался—18 февраля 1855 г. Передъ смертью онъ отправилъ въ Москву депешу слѣдующаго содержанія: „Государь умираетъ и прощается съ Москвою“. Семейству же своему онъ сказалъ: „Теперь иду молиться за Россію и за васъ... Послѣ Россіи, я васъ любилъ болѣе всего на свѣтѣ“... Начатая же война кончилась лишь при сынѣ его—незабвенномъ императорѣ Александрѣ II.

Александръ II (1855—1881 г.).

Вступленіе на престолъ. Окончаніе крымской войны. Въ Бозѣ почившій государь императоръ Александръ II родился въ Москвѣ, 17-го апрѣля 1818 года. По достиженіи совершеннолѣтія, будучи еще наслѣдникомъ престола, онъ вступилъ въ супружество съ дармштадтскою принцессою, будущею русскою императрицею Маріею Александровною. Бракъ этотъ былъ осчастливленъ рожденіемъ великихъ князей: Николая, умершаго въ моло-

дыхъ годахъ, въ Бозѣ почившаго Государя-Императора Александра III-го, Владиміра, Алексѣя, Сергія, Павла и великой княгини Маріи Александровны, состоящей въ супружествѣ за герцогомъ Эдинбургскимъ. По вступленіи на престолъ, императоръ Александръ II рѣшился продолжать начатую отцомъ его, императоромъ Николаемъ Павловичемъ, крымскую войну, которая кончилась лишь послѣ того, когда наши войска въ Азіи, подъ предводительствомъ генерала Муравьева, взяли сильную турецкую крѣпость Карсъ. Это-то обстоятельство и понудило непріятеля къ уступчивости и къ заключенію мира, состоявшагося 15-го марта 1856 года въ Парижѣ.

Главныя событія царствованія. Освобожденіе крестьянъ. Разсмотримъ дальнѣйшія событія, которыми ознаменовано царствованіе покойнаго государя.

Первымъ и, конечно, главнѣйшимъ изъ этихъ событій было—обнародованіе высочайшаго манифеста 19-го февраля 1861 года объ освобожденіи крестьянъ изъ крѣпостной зависимости. Манифестъ заканчивался слѣдующими многознаменательными словами: „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови Божіе благословеніе на твой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благополучія и блага общественнаго“. Въ силу этого манифеста, болѣе 20 милліоновъ крѣпостныхъ людей были признаны свободными. За такое величайшее благодѣяніе народъ назвалъ государя *Освободителемъ Россіи.*

Одновременно съ обнародованіемъ манифеста 19-го февраля 1861 года издано было и такъ называемое „*Положеніе*“ объ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ съ надѣломъ ихъ землею.

Покореніе Кавказа. Три года спустя, а именно весною 1864 года, состоялось окончательное покореніе Кавказа, борьба съ дикими племенами котораго была начата еще въ предшествовавшія царствованія. Особенно прославились въ дѣлѣ усмиренія горцевъ зна-

менитые русскіе главнокомандующіе: генералъ Ермоловъ, князь Воронцовъ, генералъ Муравьевъ и князь Барятинскій, при которомъ былъ взятъ въ плѣнъ знаменитый Шамиль. Съ полнымъ покореніемъ всей горной страны,—кавказскимъ намѣстникомъ былъ назначенъ братъ государя, великій князь Михаилъ Николаевичъ.

Зовоеванія въ Средней Азіи. Въ 1866 году былъ предпринятъ походъ въ Среднюю Азію, окончившійся завоеваніемъ владѣній бухарскаго хана съ столицею его—Самаркандомъ. Изъ завоеванныхъ земель было образовано Туркестанское генералъ-губернаторство, гдѣ главнымъ городомъ назначенъ Ташкентъ. Въ 1873 году генералъ фонъ-Кауфманъ отправился на Хиву, которою русскіе хотѣли овладѣть еще въ царствованіе императора Николая I-го, подъ начальствомъ генерала Перовскаго, но походъ этотъ оказался тогда неудачнымъ по случаю громадныхъ снѣговъ въ степныхъ пространствахъ. Движеніе же на Хиву генерала фонъ Кауфмана увѣнчалось полнымъ успѣхомъ: городъ былъ взятъ 29-го мая того же 1873 года, причемъ войскамъ нашимъ пришлось преодолѣть невѣроятныя трудности и лишенія въ безводныхъ песчаныхъ пустыняхъ и выносить иногда 45-ти градусный зной.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1881 г., когда была взята, подъ начальствомъ генерала Скобелева, крѣпость Геокъ-Тепе (этотъ главный оплотъ отважныхъ текинцевъ), закончились наши завоеванія въ Средней Азіи, главная цѣль которыхъ заключалась въ огражденіи азіатскихъ границъ Россіи отъ хищническихъ набѣговъ и грабежей туркменъ, коканцевъ, бухарцевъ, хивинцевъ и другихъ дикихъ племенъ.

Мятежъ въ Польшѣ. Въ то время, когда слава русскаго оружія гремѣла на Кавказѣ,—на западѣ, въ Царствѣ Польскомъ, вспыхнулъ мятежъ, охватившій почти весь край. Бунтовщики не стѣснялись открыто выражать свои надежды на отложеніе Царства изъ подъ власти

Россіи. Находились недоброжелатели, которые всѣми мѣрами старались поддерживать эти несбыточныя мечты. На улицахъ Варшавы происходили безпорядки, въ костелахъ распѣвались противозаконные гимны, въ которыхъ проповѣдывалась вражда къ русскому правительству и народу,—словомъ, смута приняла чрезвычайно опасный оборотъ. Государь, не желая, по великодушію своему, поднимать оружіе противъ единоплеменниковъ, назначилъ въ Варшаву намѣстникомъ великаго князя Константина Николаевича, думая, что это назначеніе подѣйствуетъ успокоительно на мятежниковъ. Но поляки, вмѣсто признательности, отплатили государю самою черствою неблагодарностью: они покушались даже на жизнь царскаго брата и ночью перерѣзали много русскихъ. Тогда чаша терпѣнія великодушнаго монарха переполнилась: онъ приказалъ двинуть войска въ Царство Польское—и къ концу года мятежъ былъ усмиренъ, чему главнымъ образомъ много способствовало назначеніе начальникомъ Сѣверо-Западнаго края энергичнаго генерала Михаила Николаевича Муравьева, а намѣстникомъ Царства—графа Берга.

Русско-турецкая война. 12-го апрѣля 1877 года состоялся Высочайшій манифестъ о войнѣ съ Турціей. Цѣлью войны было—освобожденіе славянъ Балканскаго полуострова изъ подъ гнета турецкаго владычества. Главнокомандующими были назначены: дунайскою арміей—великій князь Николай Николаевичъ Старшій, кавказскою—великій князь Михаилъ Николаевичъ.

Съ 9-го на 10-е іюня совершилась знаменитая переправа русскихъ войскъ черезъ Дунай, окончившаяся штурмомъ крѣпости Никополя и занятіемъ *Шипки*—горнаго прохода на Балканахъ. Въ это время храбрый турецкій генералъ Османъ-паша занялъ небольшой городокъ Плевну и такъ сильно окопался въ немъ, что превратилъ его въ неприступную крѣпость. Другой турецкій генералъ—Сулейманъ-паша старался проникнуть къ Шипкинскому перевалу съ цѣлью отнять его у русскихъ, но былъ отбитъ, благодаря во время

подоспѣвшей помощи подъ начальствомъ генерала Радецкаго.

Взять укрѣпленную Османомъ-пашей Плевну необходимо было въ виду того, чтобы непріятель не оставался въ тылу нашей арміи. Поэтому, послѣ неудачнаго штурма этой крѣпости, рѣшено было подвергнуть ее правильной блокадѣ, которою и занялся генералъ Тотлебенъ. Остальныя части нашихъ войскъ были распредѣлены слѣдующимъ образомъ: генералъ Циммерманъ охранялъ въ Добруджѣ низовья Дуная; его высочество наслѣдникъ цесаревичъ, нынѣ въ Бозѣ почившій Государь-Императоръ Александръ III, командовавшій рущукскимъ отрядомъ, оберегалъ лѣвый флангъ дунайской арміи и не давалъ непріятелю прорваться къ Плевнѣ на помощь Осману-пашѣ; генералъ же Гурко направлялся съ гвардейскими полками на юго-западъ отъ Плевны и забиралъ у непріятеля одну крѣпость за другою. Наконецъ, 28-го ноября Плевна пала: сорокатысячная непріятельская арміи взята въ плѣнъ, и самъ Османъ-наша, раненый въ ногу, былъ представленъ государю императору, который, изъ уваженія къ его храбрости, возвратилъ ему саблю. Въ декабрѣ русскія войска совершили безпримѣрный переходъ черезъ снѣжныя вершины Балканъ. „Исторія этого горнаго похода (говоритъ одинъ англичанинъ, очевидецъ событія) заключаетъ въ себѣ больше примѣровъ самоотверженія и больше сценъ, хватающихъ за сердце, чѣмъ исторія многихъ большихъ сраженій“.

Дальнѣйшее движеніе нашей арміи по направленію къ Адріанополю, второй столицѣ Турецкой имперіи, сопровождалось рядомъ новыхъ побѣдъ; вскорѣ затѣмъ передовые наши отряды появились въ окрестностяхъ самого Константинополя. Незадолго передъ этимъ великій князь Михаилъ Николаевичъ, главнокомандующій кавказскою арміею, донесъ государю императору о взятіи крѣпости Карса и объ уничтоженіи турецкихъ войскъ подъ Эрзерумомъ. Въ виду такихъ неудачъ, султанъ Абдулъ-Гамидъ обратился къ русскому царю съ прось-

бою о мирѣ. И вотъ, 19-го февраля 1878 г., въ день восшествія на престолъ покойнаго монарха, когда наши войска расположились лагеремъ въ мѣстечкѣ Санъ-Стефано, въ десяти верстахъ отъ Константинополя,—главнокомандующій великій князь Николай Николаевичъ Старшій объявилъ арміи объ окончаніи кампаніи. Вѣсть эта была встрѣчена дружнымъ, раскатистымъ „ура“. Осенью того же года войска уже возвращались на родину.

Въ силу санъ-стефанскаго договора, Турція обязалась уплатить Россіи 1,000 милліоновъ рублей за военныя издержки, *освободить славянъ Балканскаго полуострова отъ своего подданства* и уступить всѣ сдѣланныя нами завоеванія въ Малой Азіи. Впослѣдствіи, впрочемъ, эти скромныя требованія Россіи подверглись нѣкоторымъ измѣненіямъ на *берлинскомъ конгрессѣ* (собраніе представителей европейскихъ державъ), и намъ возвращена только Бессарабія и уступлены въ Азіи портъ Батумъ и крѣпость Карсъ.

Важнѣйшія преобразованія въ царствованіе Александра II. Помимо военныхъ подвиговъ, царствованіе императора Александра II замѣчательно и внутренними дѣлами. Такъ, вскорѣ послѣ освобожденія крестьянъ изъ крѣпостной зависимости, а именно 20-го ноября 1864 г., русскому народу дарованъ былъ новый судъ—*гласный*, „судъ скорый, правый, милостивый и равный для всѣхъ“. Въ томъ-же году было утверждено положеніе *о земствѣ*, т. е. предоставлено право жителямъ городовъ и селъ собираться и выбирать изъ среды своей, большинствомъ голосовъ, такъ-называемыхъ *гласныхъ* для обсужденія дѣлъ, касающихся городского или сельскаго хозяйства. Дѣлами земскихъ собраній, которыя обыкновенно бываютъ разъ въ годъ, завѣдываютъ *земскія управы*.

Въ 1870 году введено *городовое положеніе*, на основаніи котораго гласные по выбору составляютъ *городскую думу*, подъ предсѣдательствомъ *городского головы*.

Въ 1874 году былъ обнародованъ высочайшій манифестъ о *всеобщей воинской повинности*, т. е. обязательной для всѣхъ сословій нашего отечества—отъ крестьянина до дворянина. Затѣмъ совершено много другихъ важныхъ дѣлъ въ государствѣ: проведено болѣе чѣмъ на 25,000 верстъ желѣзныхъ дорогъ, учреждено много частныхъ банковъ, отмѣнены винные откупа, уничтожено, за весьма рѣдкими исключеніями, тѣлесное наказаніе, открыто множество учебныхъ заведеній—гимназіи, мужскія и женскія, народныя школы, два университета, въ Варшавѣ и Одессѣ; наконецъ, въ 1862 году былъ поставленъ памятникъ тысячелѣтія Россіи, въ Новгородѣ, откуда и *„пошла русская земля“*.

1-го марта 1881 года совершилось событіе, повергшее въ ужасъ всю Россію: великодушнѣйшій и добродѣтельнѣйшій изъ людей и монарховъ, императоръ Александръ II кончилъ жизнь мученическою смертью..

СОДЕРЖАНІЕ.

СТРАН.

Рюрикъ. Начало русскаго государства.—Первые князья. 5

Олегъ. Завоеванія Олега.—Взятіе Кіева.—Походъ Олега на Царьградъ.—Торговые договоры съ греками.—Смерть Олега 6

Игорь. Походы на грековъ.—Игорь въ землѣ Древлянской и смерть его 11

Ольга. Месть Ольги древлянамъ.—Ольга-христіанка . . 14

Святославъ. Отличительныя свойства Святослава.—Наружность князя.—Военные подвиги Святослава.—Осада Кіева печенѣгами.—Борьба съ Цимисхіемъ.—Смерть Святослава 17

Владиміръ св. Равноапостольный. Раздоры между дѣтьми Святослава.—Борьба Владиміра съ Ярополкомъ. — Походы Владиміра.—Рогнѣда.—Владиміръ язычникъ.—Миссіонеры у Владиміра.—Исканіе вѣры.—Осада Корсуня.—Крещеніе Владиміра и бракъ съ Анною.—Истребленіе идоловъ Крещеніе кіевлянъ.—Владиміръ-христіанинъ.—Смерть Владиміра . . . 20

Ярославъ I Мудрый. Распри между дѣтьми Владиміра.—Святополкъ Окаянный.—Убіеніе Бориса и Глѣба.—Борьба Ярослава съ Святополкомъ.—Ярославъ и Мстиславъ Тмутараканскій. — Внутренняя дѣятельность Ярослава.—Раздѣленіе Руси на удѣлы 30

Владиміръ Мономахъ. Мономахъ, какъ примиритель удѣльныхъ князей.—Съѣздъ въ Витичевѣ.—Походы на половцевъ.—Личныя свойства Мономаха.—Родственныя связи Мономаха съ императоромъ Констан-

СТРАН.

тиномъ.—Мономахъ-правитель.—Смерть Мономаха и его духовное завѣщаніе.—Воинскія правила.—Правила человѣколюбія въ военное время.—Правила полезнаго ученія и благочестія 34

Андрей Боголюбскій. Возобновленіе усобицъ.—Начало борьбы съ удѣлами.—Перенесеніе столицы во Владиміръ.—Смерть Андрея Боголюбскаго 39

Александръ Невскій. Характеръ Александра.—Война со шведами.—Невская побѣда.—Война съ нѣмцами.—Ледовое побоище.—Походы противъ литовцевъ.—Слава о подвигахъ Александра Невскаго.—Отношеніе Александра Невскаго къ татарамъ.—Поѣздки его въ орду.—Смерть Александра Невскаго 41

Димитрій Донской. Борьба съ ханомъ Мамаемъ.—Битва на рѣкѣ Вожѣ и Куликовская битва.—Нашествіе Тохтамыша.—Смерть Димитрія Донскаго 48

Іоаннъ III. Важнѣйшія событія при Іоаннѣ III. Раздоры—партій въ Новгородѣ.—Фамилія Борецкихъ.—Битва на р. Шелони.—Покореніе Новгорода.—Сверженіе тататрскаго ига.—Москва при Іоаннѣ III.—Женитьба Іоанна на Софіи Палеологъ.—„Судебникъ“ Іоанна III.—Смерть Іоанна III 53

Іоаннъ IV Грозный. Правленіе Елены Глинской.—Правленіе бояръ.—Дѣтство Іоанна.—Вѣнчаніе на царство.—Бракъ Іоанна.—Пожаръ и мятежъ въ Москвѣ.—Сильвестръ и Адашевъ.—Первый Земскій соборъ.—Новый „Судебникъ“ и Стоглавъ.—Покореніе Казани.—Присоединеніе Астрахани.—Смерть Анастасіи. Перемѣна въ характерѣ Іоанна.—Курбскій.—Отъѣздъ Іоанна изъ Москвы.—Опричнина.—Опала митрополита Филиппа.—Разгромъ Новгорода—Покореніе Сибири. Ермакъ.—Кончина Іоанна IV 59

СТРАН.

Борисъ Годуновъ и междуцарствіе. Возвышеніе Годунова.—Годуновъ-правитель.—Убіеніе царевича Димитрія.—Кончина Ѳеодора Іоанновича.—Отреченіе царицы Ирины отъ престола.—Избраніе Годунова въ цари.—Царствованіе Бориса Годунова.—Появленіе самозванца.—Смерть Бориса.—Низверженіе Годуновихъ.—Царствованіе и низложеніе самозванца.—Василій Шуйскій и Тушинскій воръ.—Семибоярщина.—Освобожденіе Москвы отъ Поляковъ.—Мининъ и Пожарскій 68

Михаилъ Ѳеодоровичъ. Подвигъ Сусанина.—Избраніе Михаила Ѳеодоровича на царство.—Заботы царя объ успокоеніи государства.—Борьба съ внѣшними врагами.—Филаретъ въ санѣ патріарха, какъ соправитель царя 79

Алексѣй Михайловичъ. Бояринъ Морозовъ.—Внутреннія смуты.—Соборное уложеніе.—Главнѣйшія событія царствованія.—Бояринъ Матвѣевъ.—Наталья Кирилловна Нарышкина.—Женитьба царя.—Человѣколюбіе Алексѣя Михайловича.—Кончина царя 82

Петръ Великій. Избраніе въ цари.—Царевна Софья. Бунтъ стрѣльцовъ.—Дѣтство и юность Петра.—Сверженіе Софьи.—Первые годы правленія Петра.—Поѣздка Петра за-границу.—Уничтоженіе стрѣлецкаго войска.—Первыя преобразованія Петра.—Великая Сѣверная война.—Основаніе Петербурга.—Вторженіе Карла XII въ предѣлы Россіи.—Измѣна Мазепы.—Полтавское сраженіе.—Окончаніе Сѣверной войны.—Ништадтскій миръ.—Война съ Персіей.—Реформы Петра.—Перемѣна въ церковномъ управленіи.—Заботы о раскольникахъ.—Учрежденіе сената.—Коллегіи.—Преобразованіе сословій.—Заботы Петра о распространеніи образованія.—Мѣры къ развитію промыш-

СТРАН.

ленности и торговли.—Войско и флотъ.—Перемѣна въ правахъ и обычаяхъ.—Дальнѣйшія преобразованія Петра.—Семейныя дѣла.—Царевичъ Алексѣй.—Личность Петра.—Кончина Петра. 85

Екатерина I и Петръ II. Екатерина I и Меншиковъ.—Меншиковъ, какъ правитель.—Долгорукіе.—Кончина Петра II.—Правительственныя распоряженія Екатерины I и Петра II 102

Анна Іоанновна. Избраніе на престолъ Анны Іоанновны.—Бирономъ.—Волынскій.—Правительственныя распоряженія.—Внѣшнія дѣла.—Домашняя жизнь Анны Іоанновны.—Регентство Бирона.—Анна Леопольдовна. 103

Елизавета Петровна. Главные дѣятели въ царствованіе Елизаветы.—Внутреннія мѣропріятія.—Война съ Швеціей.—Участіе Россіи въ Семилѣтней войнѣ.—Болѣзнь и кончина Елисаветы Петровны. . . . 112

Петръ III. Отреченіе отъ престола и смерть Петра III.—Внутреннія распоряженія 116

Екатерина II. Екатерина-цесаревна.—Екатерина-императрица.—Внутренняя дѣятельность Екатерины II.—Комиссія для составленія Новаго Уложенія.—Наказъ.—Учрежденіе о губерніяхъ.—Заботы о внѣшнемъ благоустройствѣ въ странѣ.—Городовое положеніе.—Жалованная грамота дворянству.—Крѣпостное право.—Финансы.—Мѣры къ заселенію степныхъ пространствъ имперіи.—Заботы о раскольникахъ.—Народное образованіе и воспитаніе.—Выдающіеся дѣятели въ царствованіе Екатерины II.—Суворовъ.—Подвиги Суворова.—Битва на Рымникѣ.—Взятіе Измаила.—Паденіе Польши.—Внѣшнія дѣла 117

Павелъ I-й. Война съ Франціей.—Подвиги Суворова въ

СТРАН.

Италіи и Швейцаріи. — Разрывъ съ Австріей и Англіей. Кончина Павла I. — Внутреннія распоряженія 133

Александръ I-й. Первые годы царствованія Александра I-го.—Войны съ Франціей, Швеціей, Турціей и Персіей.—Отечественная война 1812 г. — Барклай-де-Толли, какъ главнокомандующій.—Кутузовъ.—Бородинская битва.—Военный совѣтъ въ Филяхъ.—Занятіе Москвы.—Партизанская война.—Выступленіе Наполеона изъ Москвы. — Отступленіе непріятеля.—Битва подъ Лейпцигомъ.—Взятіе Парижа.—Вѣнскій конгрессъ и священный союзъ. — Внутренняя дѣятельность Александра I.—Учрежденіе министерствъ и государственнаго совѣта.—Мѣры относительно народнаго образованія и другія распоряженія . . . 136

Николай I. Восшествіе на престолъ. Безпорядки 14-го декабря. — Внутреннія дѣла. — Выдающіеся дѣятели царствованія на гражданскомъ и военномъ поприщѣ.— Кончина Николая I. 147

Александръ II. Вступленіе на престолъ. —Окончаніе крымской войны.—Главныя событія царствованія. Освобожденіе крестьянъ.—Покореніе Кавказа.—Завоеванія въ Средней Азіи.—Мятежъ въ Польшѣ.—Русско-турецкая война.—Важнѣйшія преобразованія въ царствованіе Александра II 149

Междубиблиотечный абонемент
Московской обл. библиотеки

Хорошку — 15/V-34 г.